

ISSN 2072-9391

№ 1 (73)

март

2025

ЧЕСТЬ, ЗНАНИЯ, ЗАКОН

ТРУДЫ

**АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ**

**Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов**

ISSN 2072-9391
№ 1 (73) Март 2025
№ 1 (73) March 2025

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2025

Главный редактор
Синенко Сергей Андреевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация.
Заместитель главного редактора
Боде Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2025 № 1 (73)

Март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционный совет

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Майдыков Анатолий Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации;

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Сейтенов Калиолла Кабаевич, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;
Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России;
Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Джоробекова Арзыгуль Мамаюсусовна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке и учебной работе;
Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе);
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Алматы академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова;
Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Киричек Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России;
Кононов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Лексин Иван Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Можаяева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1;

Осокин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
Репьев Артём Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Солдатов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Старостин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Тишутина Инна Валериевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Цепелев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Шарипова Алия Рашитовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Мартыненко Наталья Эдуардовна (секретарь), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

Editor-in-Chief

Sergey A. SINENKO,

Dr. of Law, Associate Professor,
Head of the Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia. Moscow.
Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Lyudmila N. BODE,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Deputy Head
of the Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2025

№ 1 (73)

March

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Council

Suren A. Avakyan, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;
Larisa I. Beliyeva, Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Anti-Crime Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Anatoly F. Maydykov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs in Special Conditions of Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Igor M. Matskievich, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;
Elena R. Rossinskaya, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Director of the Institute of Forensic Examinations, O. E. Kutafin Moscow State Law Academy. Moscow, Russian Federation;
Kaliolla K. Seytenov, Dr. of Law, Professor, First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Moscow, Russian Federation;
Boris S. Ebzeev, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Irina A. Andreyeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Mikhail Yu. Voronin, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;
Yurij V. Gavrilin, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Research – Head of the Department of Organization of Scientific Research, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Boris Ya. Gavrilov, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Arzygul' M. Dzhorobekova, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Kyrgyz Republic, Deputy Head for Science and Academic Work, General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;
Oleg A. Dizer, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Chief (for Scientific Work) of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Zhanat R. Dilbarkhanova, Dr. of Law, Professor, Deputy Head, Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Astana. Republic of Kazakhstan;
Mihail P. Kireev, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Internal Affairs Bodies in the Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Evgeniy V. Kirichyok, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Anatolij M. Kononov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Strategic Management Problems of the Scientific Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Ivan V. Leksin, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty, Lomonosov Moscow State University. Moscow. Russian Federation;
Irina P. Mozhaeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia of the Center for Command and staff exercises. Moscow. Russian Federation;
Kirill V. Murav'ov, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Sergej A. Nevskij, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center № 1. Moscow. Russian Federation;

Roman B. Osokin, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Nikolay V. Pavlichenko, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Alexander V. Pobedkin, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Dmitry V. Pozharsky, Dr. of Law, Associate Professor, Head of State and Legal Disciplines Department, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Vladimir M. Redkous, Dr. of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation;
Artem G. Repeyev, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines Department, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Alexander P. Soldatov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the development of complex problems of law enforcement at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Sergej A. Starostin, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;
Aleksandr A. Tarasov, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Inna V. Tishutina, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Valeriy F. Tsepelev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;
Aliya R. Sharipova, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Natalia E. Martynenko (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation

Над номером работали:

Я. В. Артемьева

Техническая верстка С. Х. Аминова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75592 от 19 апреля 2019 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 31.03.2025. Формат 60×84 1/8.

Объем 11,74 п. л. Тираж 500 экз. Первый завод 48 экз. Заказ № у. Выходит 4 раза в год. Цена свободная.

Адрес редакции и издателя: 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8. Тел.: 8 (499) 745-81-43. Тел./факс: 8 (499) 745-82-23. E-mail: rio_aumvd@mvd.ru Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати РИО Академии управления МВД России. 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8. Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Труды Академии управления МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.1.1., 5.1.2., 5.1.4.

© Академия управления МВД России, 2025

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2025 № 1 (73)

Март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Аникин В. Н. Сущность теории и методология управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования 8
- Салтыков К. Г. Термин «субординация» в законодательстве о службе в органах внутренних дел: интерпретационные подходы 22

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Небрятенко О. О. Преемственность конституционного контроля в Советском и Российском государстве 29

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Княжев В. Б., Егоров К. А. Стрессоустойчивость российского общества при нарастании современных угроз общественной безопасности 36
- Ульянов А. Д. Культура управления — взгляд руководителя (сравнительный анализ) 44

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

- Маллекер Д. И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона 54

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Росинский С. Б. Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия?.....	67
---	----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Редкоус В. М. Европейский опыт формирования взаимоотношения полиции и граждан и его учет в государствах – участниках СНГ.....	76
---	----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Железова Л. Ю. Возможность использования математических моделей при конструировании законодателем меры юридической ответственности	85
Малик Д. В. Феномен «почет» в отечественном праве: содержательные и юридико-лингвистические аспекты	95

Worked with issue:

Ya. V. Artem'eva

Technical layout S.H. Aminov

The journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is required.

Print is signed 31.03.2025.

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 11,74 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 48 copies. Order № .

Published 4 times a year.

Negotiable price.

Address of the Editorial Office and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.

E-mail: rio_aumvd@mvd.ru

Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing

of the Publishing Department

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher

Attestation Commission

of the Ministry of Science and High

Education the Russian Federation

journal "Proceedings

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior

of Russia" is included in the list

of reviewed scientific journals,

in which major scientific results

of dissertations for the degree

of doctor and candidate of sciences

should be published by scientific

specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2025

№ 1 (73)

March

The Journal
has been published since
March 2006

CONTENT

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

Anikin V. N. The Essence of Management Theory and Methodology

Development of the Law Enforcement Sphere

and Its Legal Regulation 8

Saltykov K. G. The Term "Subordination" in the Legislation on Service

in the Internal Affairs Bodies: Interpretative Approaches 22

STATE-LEGAL CONSTRUCTION IN RUSSIA AND ABROAD

Nebratenko O. O. Continuity of Constitutional Control

in the Soviet and Russian States 29

STATE MANAGEMENT:

METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

Knyazhev V. B., Egorov K. A. Stress Tolerance of Russian Society

in the Face of Increasing Modern Threats to Public Safety 36

Ul'yanov A. D. Management Culture – a Manager's Perspective

(Comparative Analysis) 44

CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

Malleker D. I. Drug Propaganda: a Predictive Assessment of the Results

of Criminalization and Prospects for Improving the Criminal Law 54

For attention of the authors

The journal "Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the "Science" section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double "blind" peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

JUDICIAL POWER, PROSECUTOR'S SUPERVISION, LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Rossinsky S. B. Police Inquiry: an Independent Form of Procedural Inquiry or a Simplified Version of Preliminary Investigation?.....	67
---	----

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

Redkous V. M. The European Experience of Forming the Relationship between Police and Citizens and Its Consideration in the CIS Member States.....	76
---	----

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Zhelezova L. Yu. The Possibility of Using Mathematical Models when Designing a Measure of Legal Responsibility by the Legislator	85
Malik D. V. The Phenomenon of «Honor» in Russian Law: Substantive and Legal-Linguistic Aspects	95

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

Аникин Виктор Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: VNanikin18@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Victor Nikolaevich Anikin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Methodology
of Public Administration,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: VNanikin18@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 351.74

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-8-21

Дата поступления статьи: 5 июня 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Сущность теории и методология управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования

The Essence of Management Theory and Methodology Development of the Law Enforcement Sphere and Its Legal Regulation

Аннотация

Актуальность: формирование теории управления развитием правоохранительной сферы и ее методологии вызвано необходимыми изменениями, связанными с повышением роли государства, прежде всего правоохранительных органов и органов правосудия, а также общества и его институтов в формировании и развитии общественно-правовых отношений, позволяющих противостоять стремительно нарастающим угрозам конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности, активно противодействовать преступности.

Постановка проблемы: в условиях глобальных изменений в общественном развитии управ-

Abstract

Relevance: the formation of the theory of management of the development of the law enforcement sphere and its methodology is caused by necessary changes related to the increasing the role of the state, primarily law enforcement and justice agencies, as well as society and its institutions in the formation and development of social and legal relations that make it possible to counter the rapidly growing threats to constitutional rights and freedoms of citizens, public safety, and active-counter crime.

Problem statement: in the context of global changes in social development, management in the field of protecting the constitutional rights

ление в области защиты конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности опирается на административную теорию управления в сфере обеспечения правопорядка, возникшую в советское время и отражающую главным образом управление органами внутренних дел, и теорию управления в сфере правоохранительной деятельности, сформированную в начале перестроечного периода на научных основах социального управления. Вместе с тем решение насущных проблем в рассматриваемой области требует комплексного изучения управления развитием правоохранительной сферы как системы социально-правовых отношений, основанной на собственной методологической платформе.

Цель исследования: обосновать методы управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования, сформулировать основные теоретико-методологические положения в этой области.

Методы исследования: системный подход, анализ и синтез, сравнение, анализ правовой базы, моделирование, эксперимент, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, диалектический.

Результаты и ключевые выводы: в результате исследования автором обоснована целесообразность формирования теории управления развитием правоохранительной сферы, сущность которой определяется ее объектом и характеризующими его категориями «правоохранительная сфера» и «развитие правоохранительной сферы», а также собственно научной методологией, фундаментом которой составляют основанные на процессном, ресурсном, ситуационном, системном и синергетическом подходе методы управления изменениями, результатами, качеством и другими переменными, наиболее полно и всесторонне отражающими характер изменений правоохранительной сферы в процессе управления ее развитием. Механизм управления развитием правоохранительной сферы составляют принципы, критерии, структуры, функции, методы и другие элементы управления, часть из них носит нормативный характер и образует правовой механизм управления в данной области, в основу которого положены определенные группы методов, формирующие методологию правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы.

Обосновывая прикладной характер предлагаемой теории, автор проводит эксперимент, анализируя возможности ее применения для совершенствования правового регулирования стратегического, программно-целевого и проектного управления в данной области, находя

and freedoms of citizens, ensuring public safety and countering crime is based on the administrative theory of law enforcement management, which originated in the Soviet era and mainly reflects the management of internal affairs bodies, and the theory of law enforcement management, formed at the beginning based on the scientific foundations of social management during the Perestroika period. At the same time, solving pressing problems in the field under consideration requires a comprehensive study of the management of the development of the law enforcement sphere as a system of socio-legal relations based on its own methodological platform.

The purpose of the study is to substantiate the methods of managing the development of the law enforcement sphere and its legal regulation, to formulate the main theoretical and methodological provisions in this area.

Research methods: systematic approach, analysis and synthesis, comparison, analysis of the legal framework, modeling, experiment, axiomatic, hypothetical-deductive, inductive, dialectical.

Results and key conclusions: as a result of the research, the author substantiates the expediency of forming a theory of management of the development of the law enforcement sphere, the essence of which is determined by its object and the categories characterizing it “law enforcement sphere” and “development of the law enforcement sphere”, as well as the scientific methodology itself, which is based on methods based on a process, resource, situational, systemic and synergetic approach change management, results, quality and other variables, the most fully and comprehensively reflecting the nature of changes in the law enforcement sphere in the process of managing its development. The mechanism for managing the development of the law enforcement sphere consists of principles, criteria, structures, functions, methods and other management elements, some of them are normative in nature and form a legal management mechanism in this area, which is based on certain groups of methods that form the methodology of legal regulation of management of the development of the law enforcement sphere. Substantiating the applied nature of the proposed theory, the author conducts an experiment, analyzing the possibilities of its application to improve the legal regulation of strategic, program-oriented and project management in this area, finding certain combinations of various methods that form the methodological basis of the proposed theory.; Concludes that it is advisable to build a model of legal regulation of law enforcement development management, on the basis of which it is possible to prepare specific proposals for strategies, government programs, projects and other strategic planning documents for law enforcement. The ar-

определенные сочетания различных методов, составляющих собственно методологическую основу предлагаемой теории; делает вывод о целесообразности построения модели правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы, на основе которой возможно подготовить конкретные предложения в стратегии, государственные программы, проекты и другие документы стратегического планирования правоохранительной направленности. В статье также определены перспективные направления исследования в процессе формирования и развития предлагаемой теории, внедрение которых в практическую деятельность правоохранительных субъектов и будет являться конкретным вкладом предлагаемой теории в дело защиты конституционных прав граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности.

Ключевые слова: правоохранительная сфера; управление развитием; теория управления; методология управления; правовое регулирование.

ticle also identifies promising areas of research in the process of forming and developing the proposed theory, the implementation of which in the practical activities of law enforcement entities will be a concrete contribution of the proposed theory to the protection of constitutional rights of citizens, ensuring public safety and countering crime.

Keywords: law enforcement; development management; management theory; management methodology; legal regulation.

По официальным данным о состоянии преступности в России за 2024 год, ее рост отмечается в 28 регионах, число тяжких и особо тяжких преступлений по стране увеличилось на 4,8 %, а их удельный вес до 32,3 %, при этом доля таких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, возросла до 13,8 %. Более половины (57,1 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое пятое (19,8 %) – в состоянии алкогольного опьянения. Выявлено и пресечено на 51,4 % больше преступлений, связанных с пересылкой наркотиков, на 37,5 % – связанных с их контрабандой, на 11,1 % – с производством и на 7 % – со сбытом. На 55,9 % больше зарегистрировано преступлений террористического характера и на 28,3 % – экстремистской направленности¹. «Происходящие в обществе глобальные процессы, в том числе связанные с ростом агрессии и репрессивности сознания, внедрением антиобщественных стереотипов поведения, распространением аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, ростом употребления алкоголя и наркотиков, заставляют задуматься о разработке наиболее адекватных способов воздействия на причины и условия правонарушающего поведения и требуют новаторского подхода к управлению развитием

всей системы социально-правовых отношений» [7, с. 10], что и определяет смысл и содержание новой теории – теории управления развитием правоохранительной сферы. Именно на консолидацию институтов гражданского общества и всех субъектов управления правоохранительной сферой как социально-правового пространства, в котором уровень развития общественных отношений позволяет успешно противостоять противоправным явлениям, и направлена новая теория.

1. Сущность и значение теории управления развитием правоохранительной сферы

Теория управления развитием правоохранительной сферы, как и любая теория, имеет право на свое оформление и развитие в случае определения не только обособленного объекта и предмета исследования, но и собственно научных методов, которые и составляют основу ее методологии. Но прежде всего следует уяснить цели, задачи новой теории, ее практическое предназначение и преимущества по сравнению с уже имеющимися формами организации научного знания в рассматриваемой области, анализ которых позволяет вести речь о теории управления в сфере обеспечения правопорядка и теории управления в сфере правоохранительной деятельности.

Первая теория, основоположником которой является Г.А. Туманов, в число основных направлений исследования изначально включала проблемы методологического и прикладного характера, связанные с изучением организа-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года / ФКУ «Главный информационный центр МВД России». М., 2025. 63 с.

ции управления в сфере охраны общественного порядка [24] и органов внутренних дел как системы управления [25]. Фактически содержание данной теории определяется категорией правопорядка, которая, в сущности, отождествляется с категорией общественного порядка. В условиях переходного периода приоритеты данной теории были направлены на методологические проблемы: исследование роли ОВД в обеспечении стабильного функционирования российского общества на переломном этапе его развития; поиск принципов построения системы управления ОВД; прогнозирование комплексного развития системы управления ОВД [3, с. 5–7]. Она также решала задачи прикладного характера: выработка теоретических и практических основ стратегического управления на разных уровнях управления, в различных сферах деятельности ОВД; совершенствование системы управления; изучение всех важнейших взаимосвязей ОВД как социального института с обществом, включая социальную структуру, политику, демографические процессы, социальные конфликты и т. п. [3, с. 7–8]. Исследование данных проблем потребовало их изучения не только в рамках теории управления в сфере обеспечения правопорядка, но и социологии управления органами внутренних дел, криминологии, права и других наук.

Теория управления в сфере правоохранительной деятельности как итог коллективного труда ее авторов (В.З. Веселый, Г.М. Воскресенский, В.Е. Караханов, В.Д. Малков, Н.И. Михайлов, И.Б. Михайловская, А.М. Попова, А.Н. Роша, И.П. Сидякин, В.С. Чернявский, Е.Ф. Яськов) [23] формирует новые знания в данной области на научных основах социального управления, изучая основные категории, методологические основы исследования и решения проблем управления в сфере правоохранительной деятельности. Основные направления ее развития: изучение элементов механизма управления; взаимосвязь научных исследований конечных целей управления с непосредственными целями предметной деятельности; исследование многоцелевого характера правоохранительной деятельности; изучение человеческого фактора, социально-психологического и психолого-педагогического аспектов механизма управления и управленческих отношений; разработка новых методов и моделей, адекватных исследуемой социальной сфере [23, с. 314–321]. В данной теории задачи, связанные с исследованием указанных проблем, также выходят за границы ее возможностей (объекта и предмета исследования), поэтому не случайно ее авторы предлагают рассматривать их, например, в рамках теории социального управления, социологии управления, социальной и юридической психологии, отмечая, что «более правильной является характери-

стика процесса управления, вытекающая из его социальной сущности и показывающая степень адекватности отражения в нем потребностей и возможностей общества разрешать возникающие противоречия» [23, с. 161].

Таким образом, перспективные направления исследования в рассматриваемой области связаны с изучением процессов социального управления, потребностей и возможностей общества в стабилизации и развитии социально-правовых отношений, что, в сущности, меняет основной предмет исследования, которым является правоохранительная сфера, для развития которой и нужна новая теория. Предполагается, что именно в рамках ее формирования и развития в условиях глобальных и динамичных изменений во всех сферах общественной жизни и определяются адекватные методы управления развитием социально-правовых отношений, обеспечивающих необходимую защиту конституционных прав и свобод граждан, общественную безопасность и противодействие преступности.

Преимущества предлагаемой теории заключаются в следующем: 1) возможности исследования более широкого, практически неограниченного спектра проблем в данной области государственного управления, поскольку ее предмет затрагивает и внешнюю сферу управления, и ее главный фактор – преступность как противодействующую систему, и все другие факторы, оказывающие различное влияние как на правоохранительную сферу, так и на преступную среду; 2) представление о правоохранительной сфере как об идеально развивающемся пространстве позволяет исследовать процессы самоорганизации, саморазвития и самоуправления в данной системе, что, наряду с целенаправленным воздействием на управляемую систему и созданием условий для ее развития, становится важным фактором обеспечения прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействия преступности, формирования правового государства и гражданского общества; 3) комплексный характер правоохранительной сферы и выделение в ней профилактической, правоохранительной, правоприменительной подсистем позволяют, благодаря методам анализа, синтеза и группировки, более подробно исследовать цели, функции и методы управления и правового регулирования каждого из ее элементов, а также обеспечивают возможность рассмотрения связей между элементами и появления новых системных свойств, не присущих элементам в отдельности; 4) выделение законодательной подсистемы, а также подсистемы взаимодействия элементов правоохранительной сферы позволяет изучать и обеспечивать образование устойчивых связей и, как следствие, стабильное функционирование и развитие всей системы, а также ве-

сти речь о правовом регулировании управления развитием правоохранительной сферы; 5) рассмотрение объекта управления (правоохранительной сферы) как системы наилучшим образом отвечает требованиям практики, поскольку не только позволяет рассматривать элементный состав, но и нацеливает на изучение процессов, происходящих в системе, механизмов правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы.

Другой вопрос, который возникает в связи с предлагаемой теорией, заключается в способности науки предложить современные средства и способы научного обоснования целей, функций, структур, принципов, методов и средств воздействия на развитие социально-правовых отношений в области защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности. Для этого также имеются необходимые предпосылки, что подтверждается наличием значительного количества как классических, так и новейших монографий, посвященных общетеоретическим и сугубо прикладным аспектам управления в рассматриваемой области, включая деятельность судов [9; 10; 12; 13], прокуратуры [7; 13; 15], юстиции [13; 14], органов внутренних дел (полиции) [11; 13; 20; 21], в частности исследующих роль общества и его институтов в развитии социально-правовых отношений [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Важно отметить, что многоаспектность, многофункциональность, многозадачность, разнонаправленность, разноплановость и даже разветвленность правоохранительной сферы, имеется в виду ее присутствие в законодательной, исполнительной и судебной власти, не только не противоречит рассмотрению ее в качестве самостоятельного системного образования, но и позволяет консолидировать государство и общество, их институты на решение конституционных целей защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности.

Управление правоохранительной сферой заключается прежде всего в обеспечении комплексного стабильного функционирования и развития каждой из его подсистем, которые представлены в различных организационно-правовых формах: полиция, следственные органы, прокуратура, суды, ювенальная юстиция и др. Они могут рассматриваться как обособленные, так и взаимодействующие и взаимодополняющие друг друга системы, представляя вместе правоохранительную систему (систему правоохранительных органов и судов) как суммарное образование, коллективный субъект управления правоохранительной сферой. Совместно с другими государственными органами и обществен-

ными формированиями они образуют профилактическую систему по «осуществлению мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [7, с. 9].

Вместе с тем управление правоохранительной сферой как системой социально-правовых отношений включает и создание возможностей для регулирования процессов общественной самоорганизации, саморазвития и самоуправления, что, наряду с механизмами государственного управления, позволяет задействовать формы и методы взаимодействия с общественными организациями и гражданами, средствами массовой коммуникации, различными формированиями правоохранительной направленности, развития правосознания, правового воспитания, правовой культуры и другие механизмы общественного контроля, направленные на поддержание общественного порядка и социальную профилактику преступности.

Безусловно, для использования категорий самоорганизации, саморазвития и самоуправления в методологии управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования потребуются их комплексное исследование в различных аспектах, прежде всего философском, социологическом, политическом и юридическом. Но уже сегодня можно анализировать такие формы и методы общественного вклада в обеспечение правопорядка и профилактики правонарушений, как деятельность общественных советов при правоохранительных органах, добровольных народных дружин, общественных фондов правопорядка, инициативных групп граждан по обустройству безопасного общественного пространства. Очевидно и то, что эти и другие формы самоорганизации граждан требуют поддержки государственных и муниципальных органов, создания благоприятных условий для саморазвития и самоуправления, развития гражданских инициатив и партнерских отношений полиции и гражданского общества.

Таким образом, управление развитием правоохранительной сферы, специфика которого определяется его объектом и характеризующими его категориями «правоохранительная сфера» и «развитие правоохранительной сферы», принципиально отличается как от управления в сфере обеспечения правопорядка, так и от управления в сфере правоохранительной деятельности, позволяя задействовать новые механизмы развития социально-правовых отношений и их правового регулирования, в том числе основанные на соз-

дании условий самоорганизации, саморегулирования, самоуправления. Сущность теории управления развитием правоохранительной сферы заключается в представлении о нем как о сложном организационно-правовом механизме, включающем процессы государственного управления, общественного саморазвития, самоорганизации и самоуправления.

2. Методология управления развитием правоохранительной сферы

Формирование методологии управления развитием правоохранительной сферы возможно на основе интеграции индуктивного и дедуктивного процессов, то есть с опорой на его общеметодологические основы (подходы), определенные в процессе изучения методологических основ теории управления в этой области, а также на обобщение эмпирического опыта управления в указанной сфере. При этом данные общеметодологические основы по направлениям исследования подразделяются на методологические основы теории государственного управления развитием правоохранительной сферы и теории стратегического управления правоохранительной сферой.

Как показало исследование, методологическую основу теории управления развитием правоохранительной сферы, как и теории государственного управления, составляют системный, ситуационный и синергетический подходы, на которых сформировались или формируются соответствующие методы управления. Кроме того, установлено, что в современных методологических конструкциях моделей, концепций и стратегий целесообразно использовать определенные сочетания различных методов и методологических подходов. В частности, в качестве методологической основы современной теории стратегического управления правоохранительной сферой возможно сочетание программно-целевого, проектного, ситуационного и ресурсного подходов. Вместе с тем теория управления развитием правоохранительной сферы, имея свой объект, предмет и специфическое содержание, претендуя на определенные преимущества по сравнению с существующими теориями в данной области научного знания, должна опираться на собственно научные методы управления.

В современных условиях развитие организации или иного системного образования (организованных систем) во многом определяется его изменениями в зависимости от различных переменных – факторов внешней и внутренней среды. Необходимость изучения и управления изменениями правоохранительной сферы подтверждается ее неустойчивым характером. Как показало исследование, на основе анализа таких характеристик, как привычность событий, тем-

пы изменений и предсказуемость будущего, степень устойчивости правоохранительной сферы (по шкале Ансоффа) составляет 3,5, то есть пороговое значение, после которого управление на основе стратегического планирования окажется неэффективным и потребует применения новых технологий [2, с. 12].

Анализируя наиболее часто встречающиеся подходы к определению данной категории [13, с. 8], можно выделить изменения в функциональной и организационной структуре (функциональный подход), распределении (перераспределении) и наращивании ресурсов (ресурсный подход), форме или качественном состоянии одного или нескольких структурных элементов (подсистем) или всей системы (системный подход), освоении (внедрении) каких-либо новшеств, технологий, стратегий, моделей и т. д. (инновационный подход). Данные подходы могут применяться в управлении развитием правоохранительной сферы и ее правового регулирования, но все же они в их привычной интерпретации не являются основополагающими для собственно научной методологии новой теории.

Важно заметить, что в современном представлении под изменением обычно понимают заметные (существенные) различия в ситуации (ситуационные изменения), организации или организованной системе (организационные изменения) либо процесс перехода из одного качественного состояния в другое (системные изменения). Очевидно, что развитие организованной системы нацелено на ее положительные характеристики (качественные критерии) в направлении их роста (совершенствования, улучшения). Таким образом, в содержании категории «изменение» просматриваются три важнейшие составляющие: качественная (в чем оно заключается), процессная (каким путем достигается) и ресурсная (за счет каких ресурсов и как изменился ресурсный потенциал системы, ее возможности). Отсюда представляется обоснованным вести речь о процессном и ресурсном подходах, а также подходе с позиции качества к управлению развитием правоохранительной сферы как основах ее собственно научной методологии.

Вместе с тем собственно научная методология управления развитием правоохранительной сферы должна основываться на понимании правоохранительной сферы как пространственной категории для развития социально-правовых отношений, что предопределяет исследование процессов саморазвития, самоорганизации, самоуправления в обществе с целью управления их развитием в цивилизованном направлении. Поэтому, рассматривая управление развитием правоохранительной сферы как специфический феномен, затрагивающий социально-правовые

отношения в развивающемся обществе, представляется целесообразным исходить прежде всего из процессного подхода, с позиции которого «деятельность управленческой организации (системы) можно рассматривать и организовывать как набор процессов, которыми необходимо управлять» [8, с. 86–87]. Его преимущества, по сравнению с распространенным в сфере государственного управления функциональным подходом, заключаются в том, что он «моделирует деятельность организации в совокупность логически взаимосвязанных между собой процессов, а не набор отдельных, несопряженных функций» [8, с. 87].

В основе процессного подхода к управлению развитием организованных систем лежит метод управления изменениями (процессами изменений), основывающийся на ряде принципов [8, с. 86], из которых применительно к изучаемому объекту управления следует выделить принципы учета различных аспектов управления изменениями и определенного сочетания различных методов управления, позволяющих обеспечить его наибольшую эффективность с учетом факторов внешней среды, главным образом преемственности.

Применительно к социально-экономической системе управление изменениями трактуется как «структурный процесс, задача которого – предложить и внедрить изменения в соответствии с техническими и экономическими возможностями организации» [8, с. 36]. Перенос данного положения на правоохранительную сферу как социально-правовую систему, следует полагать, что ее изменения связаны с возможностями осуществления в обществе процессов саморазвития, самоорганизации, самоуправления, а управление правоохранительной сферой в этом аспекте рассматривается как создание условий для развития данных процессов.

Как справедливо отмечено, «среди всех известных современной науке сложных систем общество представляет собой суперсложную самоорганизующуюся и саморазвивающуюся, открытую, диссипативную социальную систему, способом существования которой является деятельность людей», а с точки зрения социальной философии самоорганизация, саморазвитие и самоуправление относятся к числу основных характеристик (детерминант) общественного развития [18]. Поэтому именно изучение этих свойств с позиции философии, социологии, политологии, права и других наук необходимо для формирования методологии управления развитием правоохранительной сферы. В целом, указанные процессы укладываются в категорию развития институтов гражданского общества (институциональных ресурсов), что предполагает их изучение с применением ресурсного подхода.

Важнейшей особенностью человеческого общества является непредсказуемость, нелинейность развития. Наличие в обществе большого количества подсистем, постоянное столкновение интересов и целей субъектов создают предпосылки для реализации различных вариантов и моделей будущего развития, что также вызывает необходимость изучения данных процессов в интересах правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы с позиции синергетического подхода.

В соответствии с процессным подходом изменения, происходящие в правоохранительной сфере, могут проводиться как в рамках эволюционного развития, когда, отслеживая тенденции нового, возможно определить необходимость и своевременность соответствующих преобразований, так и целенаправленно (планомерно), что позволяет вести речь о целевом управлении и методе управления по целям. С практической точки зрения управление классифицируется по установленным параметрам, приводящим в результате осуществления определенных действий (операций) к улучшению их количественных и качественных характеристик. Отсюда следует, что процессный подход может служить методологической основой внедрения в практическую деятельность государства по управлению правоохранительной сферой наиболее эффективных технологий (методов) – управления по результатам и управления качеством. Учитывая, что цели управления, как правило, выражаются в конкретных количественных или качественных параметрах, можно вести речь о сочетании и взаимобусловленности методов управления по целям, по результатам и метода управления качеством.

Таким образом, в теории управления развитием правоохранительной сферы процессный подход как основа его собственно научной методологии наполняется новым содержанием, аргументируя методы управления ее развитием и общественной самоорганизации, саморазвития, самоуправления и создания условий для развития данных процессов в соответствии с целями защиты конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействия преступности. Управление изменениями в подсистемах правоохранительной сферы включает стратегический аспект управления, управление изменениями в структуре социально-правовых отношений, управление процессами развития социально-правовых отношений, изменения в системе управления ресурсным потенциалом (административным, кадровым, информационным и др.), управление изменениями общественного правосознания и правового воспитания как целенаправленного постоянного воздействия на человека с це-

лью формирования активного правомерного поведения и правовой культуры.

Для более полного понимания смысла и содержания теории управления развитием правоохранительной сферы и ее соотношения с теорией стратегического управления правоохранительной сферой следует рассмотреть соотношение категорий «управление изменениями» и «стратегическое управление». Развитие правоохранительной сферы в первую очередь подразумевает ее изменения. Чтобы эффективно развиваться, необходимо изменяться [17, с. 351], а проведение изменений создает условия, необходимые для реализации выбранной стратегии [17, с. 352], то есть стратегических целей невозможно достичь без соответствующих изменений (преобразований), в частности наиболее эффективной стратегии. Таким образом, одним из элементов изменений может быть стратегия, которая и составляет основу стратегического управления. Оно, безусловно, содержит и другие фундаментальные категории, включая целеполагание, миссию, программирование, но в части соотношения категорий «управление изменениями» и «стратегическое управление» последняя является производной, определяя каким способом (за счет чего) достигаются стратегические цели, в то время как управление изменениями отражает не только состояние системы и методы ее развития, но и происходящие в ней процессы.

Исследуя соотношение категорий «управление изменениями» и «проектное управление», следует заметить, что они, скорее всего, дополняют друг друга, а также соотносятся как содержание и форма, то есть управление изменениями реализуется проектным управлением (управлением проектами), а управление проектами выступает как метод управления изменениями. Кроме того, управление проектами можно рассматривать и как элемент управления госпрограммой, и как форму реализации стратегии, и как метод программно-целевого управления [4, с. 225–226].

Рассматривая методологию управления развитием правоохранительной сферы, следует обратить внимание на изучение соответствующих закономерностей управления в зависимости от ситуации – ситуационный подход, методология которого нашла применение в технологии управления, положенной в основу деятельности ситуационных центров, реализующих на практике функции и методы ситуационного управления.

Системный, ситуационный и синергетический подходы к управлению используют взаимодействие и взаимозависимость всех компонентов системы, а также выявление и учет ситуационных факторов окружающей среды. При этом использование современных информационных

(цифровых) технологий создает практически неограниченные возможности для развития методологии ситуационного управления и ее применения в управлении правоохранительной сферой, включая методы анализа данных и искусственного интеллекта.

Таким образом, к собственно научным методам управления развитием правоохранительной сферы следует отнести основанные на процессном, ресурсном, ситуационном, системном и синергетическом подходе методы управления изменениями, результатами, качеством и другими переменными, наиболее полно и всесторонне отражающими характер изменений правоохранительной сферы в результате управления ее развитием.

3. Методология правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы

Содержание правового регулирования отражает воздействие правовых норм на общественные отношения [1, с. 145], поэтому именно его изучение позволяет определить предметную область и пути наиболее эффективного использования правовых форм и методов управления развитием правоохранительной сферы. При этом воздействие на общественные отношения может осуществляться не только при помощи правовых норм, но и других правовых средств воздействия, то есть влияния права на общественную жизнь [16, с. 6], которое обеспечивает создание условия для процессов саморазвития, самоорганизации и самоуправления в обществе, что также способствует развитию правоохранительной сферы.

В отличие от теории управления в сфере обеспечения правопорядка и теории управления в сфере правоохранительной деятельности, в которых методология правового регулирования основана на административном праве, теория управления развитием правоохранительной сферы как системы социально-правовых отношений базируется на теории государства и права, социального и государственного управления, а также социологии, политологии и других наук. Их комплексное применение обусловлено тем, что социальное управление (включая государственное) и правовое регулирование находятся в постоянном взаимодействии и развиваются во взаимной зависимости: во-первых, управление направлено на реализацию норм права, на перевод правовых нормативных установлений в реальное поведение людей и организаций; во-вторых, право используется как одно из наиболее действенных средств управления; в-третьих, управление является важнейшим объектом правового регулирования [23, с. 90].

В теории государства и права приводится широкий диапазон методологических подходов к изучению социального регулирования, из которых применительно к управлению развитием

правоохранительной сферы в ее системном представлении как социально-правовом образовании следует прежде всего рассмотреть кибернетический, бихевиористский (поведенческий) и синергетический подходы [6, с. 338–342]. С позиции кибернетического подхода социальное регулирование определяется как «воздействие на общественные отношения, социальные процессы, системы, которые придают объекту регулирования общеустановленные характеристики, параметры» [6, с. 340]. Бихевиористский подход сводит социальное регулирование к «влиянию тех или иных правил, установленных или признанных обществом, государством, коллективными образованиями, на поведение человека, к определению рамок, границ этого поведения, к учету различных факторов, определяющих поведение человека» [6, с. 340]. В основе синергетического метода лежит «анализ состояния систем – их устойчивости, равновесности или, наоборот, неустойчивости равновесия, возмущений, отклонений, появления зоны бифуркации, аттракторов и т. д.» [6, с. 341]. Таким образом, указанные методы могут использоваться в комплексном исследовании процессов, происходящих в правоохранительной сфере для целей ее правового регулирования.

С позиции теории государственного управления «правовое регулирование государственного управления имеет особый предмет, поскольку связано главным образом с юридическим определением средств, способов и процедур реализации государственной власти в управленческих процессах. В общем, его предназначением является упорядочение целеполагания, функций, организационных структур и управленческой деятельности государственных органов» [5], что в полной мере относится к правоохранительной сфере.

В теории социального управления государственно-правовое регулирование трактуется как осуществление государством (его органами и организациями) при помощи позитивного права и других правовых средств воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения [16, с. 6]. Правовое воздействие на человека во многом сводится к информативной и воспитательной роли права, усилить которую могут пропаганда правовых знаний, система широкого юридического образования, что во многом определяет уровень общественного правосознания как важного фактора управления развитием правоохранительной сферы.

В правовом регулировании государственного управления в соответствии с особенностями его предмета действует метод правового регулирования – совокупность юридических приемов, средств, способов воздействия социальных управляющих систем, входящих в госу-

дарственный аппарат, на социально-правовую сферу в целом и на составляющие ее элементы [22, с. 84]. Как правило, выделяют два основных метода правового регулирования: диспозитивный (автономный), характеризуемый взаимной независимостью и равноправием сторон, и императивный (властный), основанный на подчинении одних участников правоотношения другими. В современном представлении метод правового регулирования трактуется с позиции комплексного подхода как совокупность способов, приемов и средств различной отраслевой принадлежности, при этом он «исключает преобладание одного из способов правового регулирования, поскольку регулирование осуществляется различными методами одновременно» и рассматривается как «целостное равномерное сочетание модифицированных юридических приемов, способов и средств регулирования на разнородные общественные отношения» [19].

В методологическом аспекте государственно-правового регулирования управления в Российской Федерации в первую очередь следует рассмотреть Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², в котором впервые на законодательном уровне установлены правовые основы организации стратегического планирования и бюджетной политики в масштабах страны, урегулирована система координации органов стратегического управления как на государственном, так и на муниципальном уровне, которые наделены необходимыми полномочиями для реализации функции стратегического планирования. С точки зрения методологии анализ правового регулирования стратегического планирования в Российской Федерации позволяет усмотреть функциональный подход, на основании которого возможно выделить такие функции стратегического планирования, как прогнозирование, целеполагание и, собственно, саму функцию планирования, а также связанные с ней функции программирования, контроля и мониторинга. С позиции системного подхода при рассмотрении стратегического планирования в качестве определенной системы оно представляется в виде механизма взаимодействия всех субъектов стратегического планирования, который позволяет обеспечить благодаря единым принципам организации данного процесса согласованность его участников как в ходе разработки стратегических документов, так и их реализации, включая стадии прогнози-

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : в ред. от 17 февраля 2023 г. : принят Гос. Думой 20 июня 2014 г. : одобрен Советом Федерации 25 июня 2024 г. // Гос. система правовой информ. Офф. интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

рования и целеполагания, планирования и программирования.

В ряде законодательных и иных нормативных правовых документов федерального уровня определены формы и методы либо предусмотрена необходимость их формирования или совершенствования для управления развитием общественных отношений в правоохранительной сфере Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³ в качестве одной из главных целей для обеспечения общественной безопасности определяет совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а государственная политика для ее достижения должна основываться на доверии граждан страны к судебной и правоохранительной системам. Определена необходимость повышения его уровня за счет усовершенствования всей системы общественного контроля, развития форм, методов и в целом создания эффективного механизма участия организаций и привлечения граждан для обеспечения общественной безопасности. Подчеркивается важная роль государства в развитии институтов гражданского общества, поддержании общественно значимых инициатив, совершенствовании взаимодействия государственных органов с населением и институтом гражданского общества, в частности в решении вопросов, оказывающих влияние на рост социальной напряженности.

Социально-правовые отношения, связанные с созданием возможностей самоорганизации населения в интересах общественной безопасности, в определенной мере урегулированы Федеральным законом «Об участии граждан в охране общественного порядка»⁴. В нем закреплены основные принципы вовлечения граждан в обеспечение общественного порядка, а также основные формы такого участия. Именно по инициативе граждан и по их желанию предоставляется возможность создания общественной организации – народной дружины. О создании народной дружины уведомляется соответствующий орган в сфере внутренних дел.

Урегулирование общественных отношений, связанных с саморазвитием, самоуправлением и самоорганизацией граждан в правоохранительной сфере, находит отражение в Федеральном законе «Об основах системы профилак-

ки правонарушений в Российской Федерации»⁵, который определяет целостную совокупность как субъектов профилактики правонарушений, так и участвующих в ней лиц. Помимо правоохранительных и других органов государственной власти, к таким субъектам отнесены органы местного самоуправления, которые вправе разрабатывать муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений. Одним из основных направлений профилактики определены повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания, а в числе форм профилактического воздействия, непосредственно оказывающих позитивное влияние на качественное состояние и развитие правоохранительной сферы, следует выделить правовое информирование и просвещение граждан, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений, социальную реабилитацию, адаптацию и ресоциализацию граждан.

Кроме того, еще одной из эффективных форм развития общественных отношений в правоохранительной сфере является предоставление субъектам профилактики правонарушений и ее участникам права создания специальных сайтов в сети Интернет, а также использования ими в профилактических целях официальных сайтов государственных органов и местного самоуправления. Данная форма позволяет реализовать принципы публичности и открытости проводимых профилактических мер, учитывать общественное мнение при обсуждении различных проблем по развитию правоохранительной сферы. Этому же способствует возможность опубликования материалов о результатах профилактической работы в средствах массовой информации, учрежденных федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года⁶ одним из основных направлений государственной политики в сфере экономической безопасности определено развитие человеческого потенциала, то есть прослеживается использование ресурсного метода управления развитием правоохранительной сферы. Этим же документом предусмотрено использование проектного метода, что вытекает из формулировки основных задач по направлению развития системы государственного

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁴ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федер. закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 21 марта 2014 г. : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 г. // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ : в ред. от 8 августа 2024 г. : принят Гос. Думой 10 июня 2016 г. : одобрен Советом Федерации 15 июня 2016 г. // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁶ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

управления, касающихся стратегического планирования и прогнозирования в экономической сфере. Более того, урегулировано применение механизмов проектной деятельности, в частности для борьбы с коррупцией, хищениями государственных средств и их нецелевым использованием, другими криминальными проявлениями экономического характера. Таким образом, методология управления развитием правоохранительной сферы может использоваться и при решении практических задач управления в сфере деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска и других подразделений органов внутренних дел.

Анализ правового регулирования системы управления государственными программами Российской Федерации⁷ применительно к различным сферам, в том числе правоохранительной, показывает, что в его основе лежит комплекс системного (с позиции системного подхода рассматривается вся система управления госпрограммами), директивного (устанавливаются строгие правила разработки, реализации, мониторинга и оценки эффективности госпрограмм), комплексного, целевого и ресурсного подходов (содержание госпрограммы включает комплекс планируемых мероприятий (результатов), взаимозавязанных с необходимыми для их реализации (достижения результатов) ресурсами (наращиванием ресурсного потенциала) и обеспечивающих достижение приоритетов и целей государственной политики по соответствующим направлениям национальной безопасности Российской Федерации).

Следует также заметить, что в соответствии с принципами разработки государственных программ, содержащих мероприятия правоохранительной направленности, и их реализации управление ими основано на методах управления по целям и результатам (принцип обеспечения достижения национальных целей (их показателей) с учетом результатов государственных программ), по приоритетам (обеспечение приоритетов национальной безопасности, установленных документами стратегического планирования), проектного и процессного (выделение в структуре государственной программы проектов, определяемых, формируемых и реализуемых в соответствии с положением о проектной деятельности⁸, и процессных меропри-

ятий, осуществляемых непрерывно либо на периодической основе), а также функционального (включение мер организационного характера, осуществление контрольно-надзорной деятельности, координация госпрограмм, оценка эффективности) подходов.

Включение структурных элементов госпрограмм и их мероприятий (результатов) в Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года⁹ и подразделение (классификация) целей на приоритеты и цели государственной политики по соответствующим направлениям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, выделение целей обеспечения общественной безопасности в соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации¹⁰ и целями программ и проектов правоохранительной направленности востребует использования метода построения «дерева целей» и внедрения в практику управления по целям применительно к правоохранительной сфере (метод программно-проектно-целевого управления).

Проектный подход и метод «управление по результатам» как его научная основа получили практическое применение при формировании федерального проекта «Безопасность дорожного движения» и его реализации в части, касающейся МВД России (органов внутренних дел), в рамках Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»¹¹. В частности, сформированы план по его реализации, показатели национального и федерального проекта по субъектам Российской Федерации и результаты федерального проекта по субъектам Российской Федерации, план по реализации проекта, который содержит наименование результата, контрольные точки его достижения, сроки реализации, взаимосвязь мероприятий (предшественники, последователи), ответственных исполнителей, виды документов и характеристику результатов, оцен-

вой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁹ Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

¹⁰ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

¹¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 : в ред. от 31 августа 2024 // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁷ О системе управления государственными программами Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 26 мая 2021 г. № 786 : в ред. от 21 декабря 2023 г. // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

⁸ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 : в ред. от 21 декабря 2023 г. // Гос. система правовой информ. Официальный интернет-портал право-

ку реализации в субъектах Российской Федерации и информацию о выполнении.

Таким образом, механизм управления развитием правоохранительной сферы составляют принципы, критерии, структуры, функции, методы и другие элементы управления, часть из которых носит нормативный характер и образует правовой механизм управления в данной области, в основу которого положены определенные группы методов, формирующие методологию правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы.

В правовом регулировании управления госпрограммами и проектами, а также при подготовке документов стратегического планирования правоохранительной направленности применяются процессный, проектный и другие подходы, различные сочетания программно-целевого, проектного, ресурсного и иных методов, а также методов управления по целям, результатам, приоритетам, что в определенной степени свидетельствует о методологических возможностях предлагаемой теории, обосновывающей целесообразность сочетания указанных и других методов в целях управления развитием правоохранительной сферы. При этом эффективное правовое регулирование управления развитием правоохранительной сферы следует рассматривать в качестве главного фактора ее развития, что и предопределяет направление дальнейшего исследования темы: построение модели правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы и формирование основных направлений правового регулирования управления развитием правоохранительной сферы.

В данной статье изложены лишь некоторые возможности изменения отдельных методов управления развитием правоохранительной сферы в правовом регулировании и практической деятельности. Вместе с тем, исходя из проведенного исследования, можно с высокой долей вероятности предположить, что предла-

гаемая теория будет формироваться по следующим основным направлениям: 1) изучение механизмов государственного управления, связанного с развитием потенциала общественного саморазвития, самоорганизации и самоуправления в обеспечении профилактики правонарушений и общественной безопасности; 2) изучение и методическое обеспечение применения методов управления результатами, качеством, эффективностью и другими процессами, связанными с деятельностью правоохранительных субъектов по выполнению возложенных на них функций и задач; 3) изучение и обоснование моделей, методов и механизмов взаимодействия правоохранительных субъектов и институтов гражданского общества на основе принципов партнерства и сотрудничества; 4) методологическое обеспечение развития стратегических правоохранительных ресурсов (административных, информационных, кадровых, институциональных и др.), разработки правоохранительной концепции, стратегии и других документов стратегического планирования правоохранительной направленности (государственных программ, проектов и т. д.) и их реализации; 5) методологическое обеспечение функционирования и развития ситуационных центров управления, внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в управление развитием правоохранительной сферы; 6) обоснование основных направлений деятельности правоохранительных субъектов, целевых показателей программ правоохранительной направленности и критериев эффективности управления развитием правоохранительной сферы.

Внедрение результатов данных исследований в практическую деятельность правоохранительных субъектов будет являться конкретным вкладом предлагаемой теории в дело защиты конституционных прав граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. 311 с.
2. Аникин В. Н. Стратегический анализ правоохранительной сферы и основные направления ее развития в Российской Федерации // Государственное управление в правоохранительной сфере : сборник научных статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 8–13.
3. Анисимков В. М. О некоторых задачах теории управления в сфере правопорядка в условиях переходного этапа развития российского общества // Современное состояние и пер-

References:

1. Alekseev S. S. Teoriya prava. M., 1994. 311 s.
2. Anikin V. N. Strategicheskij analiz pravoohranitel'noj sfery i osnovnye napravleniya ee razvitiya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennoe upravlenie v pravoohranitel'noj sfere : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2023. S. 8–13.
3. Anisimkov V. M. O nekotoryh zadachah teorii upravleniya v sfere pravoporyadka v usloviyah perekhodnogo etapa razvitiya rossijskogo obshchestva // Sovremennoe sostoyanie i perspek-

- спективы развития теории управления в сфере правопорядка : материалы теоретического семинара. М., 2001. С. 4–8.
4. *Архангелов Д. А., Аникин В. Н.* Новые подходы к структуре государственных и региональных программ // Общество, образование, наука в современных парадигмах развития : материалы II Национальной науч.-практ. конф. Керчь, 2021. С. 225–233.
  5. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления : курс лекций. М., 2004. 584 с.
  6. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник. М., 2007. 608 с.
  7. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений : монография / К. И. Амирбеков, И. В. Горошко, Т. А. Диканов [и др.]. М., 2022. 572 с.
  8. *Дроздова И. Н., Терещенко Н. С.* Управление изменениями и организационная культура : учебное пособие. Владивосток, 2002. 115 с.
  9. *Капустин О. А.* Организация судебной деятельности в современный период : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 249 с.
  10. *Карастелев В. Е.* Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной деятельности в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. 19 с.
  11. *Киричэк Е. В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 51 с.
  12. *Малина М. А.* Участие населения в отправлении правосудия как средство повышения эффективности судебной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 210 с.
  13. Общественный контроль в конституционном праве : монография / отв. ред. А. Е. Постников. М., 2024. 208 с.
  14. Общество и уголовно-исполнительная система в условиях модернизации России : монография / Е. Н. Агафонов [и др.]. Вологда, 2015. 304 с.
  15. *Петров А. И.* Правовые и организационные основы деятельности прокуратуры по правовому просвещению населения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 249 с.
  16. *Пьянов Н. А.* Государственно-правовое регулирование: понятие и стадии // Сибирский юридический вестник. 1999. № 2. С. 4–9.
  17. *Резник С. Д.* Управление изменениями : учебник. Пенза, 2013. 384 с.
  18. *Рузавин Г. И.* Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 63–72.
  19. *Arhangelov D. A., Anikin V. N.* Novye podhody k strukture gosudarstvennyh i regional'nyh programm // Obshchestvo, obrazovanie, nauka v sovremennyh paradigmah razvitiya : materialy II Nacional'noj nauch.-prakt. konf. Kerch', 2021. S. 225–233.
  20. *Atamanchuk G. V.* Teoriya gosudarstvennogo upravleniya : kurs lekcij. M., 2004. 584 s.
  21. *Vengerov A. B.* Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. M., 2007. 608 s.
  22. *Deyatel'nost' prokuratury po profilaktike pravonarushenij : monografiya / K. I. Amirbekov, I. V. Goroshko, T. A. Dikanov [i dr.]. M., 2022. 572 s.*
  23. *Drozдова I. N., Tereshchenko N. S.* Upravlenie izmeneniyami i organizacionnaya kul'tura : uchebnoe posobie. Vladivostok, 2002. 115 s.
  24. *Kapustin O. A.* Organizaciya sudebnoj deyatel'nosti v sovremennyj period : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 249 s.
  25. *Karastelev V. E.* Institucionalizaciya obshchestvennogo kontrolya v sisteme pravosudiya i pravoohranitel'noj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii : dis. ... kand. polit. nauk. M., 2015. 19 s.
  26. *Kirichyok E. V.* Organizacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 51 s.
  27. *Malina M. A.* Uchastie naseleniya v otpravlenii pravosudiya kak sredstvo povysheniya effektivnosti sudebnoj deyatel'nosti : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019. 210 s.
  28. *Obshchestvennyj kontrol' v konstitucionnom prave : monografiya / отв. ред. А. Е. Постников. М., 2024. 208 с.*
  29. *Obshchestvo i ugovolno-ispolnitel'naya sistema v usloviyah modernizacii Rossii : monografiya / E. N. Agafonov [i dr.]. Vologda, 2015. 304 s.*
  30. *Petrov A. I.* Pravovye i organizacionnye osnovy deyatel'nosti prokuratury po pravovomu prosveshcheniyu naseleniya : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019. 249 s.
  31. *P'yanov N. A.* Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie: ponyatie i stadii // Siberian Law Herald. 1999. № 2. S. 4–9.
  32. *Reznik S. D.* Upravlenie izmeneniyami : uchebnik. Penza, 2013. 384 s.
  33. *Ruzavin G. I.* Samoorganizaciya i organizaciya v razvitii obshchestva // Questions of philosophy. 1995. № 8. S. 63–72.
  34. *Sidorova E. V.* Teoreticheskie osnovy kompleksnogo pravovogo regulirovaniya. M., 2017. 246 s.
  35. *Sokolov E. V.* Pravovoe obespechenie i organizaciya deyatel'nosti territorial'nyh organov

19. *Сидорова Е. В.* Теоретические основы комплексного правового регулирования. М., 2017. 246 с.
20. *Соколов Е. В.* Правовое обеспечение и организация деятельности территориальных органов МВД России по противодействию преступности транснационального и межрегионального характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 221 с.
21. *Солдатов А. П.* Актуальные проблемы укрепления правопорядка административно-правовыми методами : монография. М., 2023. 92 с.
22. *Сорокин Б. Д.* Метод правового регулирования: теоретические проблемы. М., 1976. 210 с.
23. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности : учебник / под ред. В. Д. Малкова. М., 1990. 324 с.
24. *Туманов Г. А.* Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972. 232 с.
25. *Туманов Г. А.* Органы внутренних дел как система управления : лекция. М., 1972.
- MVD Rossii po protivodejstviyu prestupnosti transnacional'nogo i mezhhregional'nogo haraktera : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2022. 221 s.
21. *Soldatov A. P.* Aktual'nye problemy ukrepleniya pravoporyadka administrativno-pravovymi metodami : monografiya. M., 2023. 92 s.
22. *Sorokin B. D.* Metod pravovogo regulirovaniya: teoreticheskie problemy. M., 1976. 210 s.
23. Teoriya upravleniya v sfere pravoohranitel'noj deyatel'nosti : uchebnyk / pod red. V. D. Malkova. M., 1990. 324 s.
24. *Tumanov G. A.* Organizaciya upravleniya v sfere ohrany obshchestvennogo poriyadka. M., 1972. 232 s.
25. *Tumanov G. A.* Organy vnutrennih del kak sistema upravleniya : lekciya. M., 1972.

Для цитирования:

Аникин Виктор Николаевич. Сущность теории и методология управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 8–21.

For citation:

Anikin Victor Nikolaevich. The Essence of Management Theory and Methodology Development of the Law Enforcement Sphere and Its Legal Regulation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 8–21.

Салтыков Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3-го факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: terminpravo@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.11

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-22-28

Дата поступления статьи: 2 декабря 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Термин «субординация» в законодательстве о службе в органах внутренних дел: интерпретационные подходы

The Term “Subordination” in the Legislation on Service in the Internal Affairs Bodies: Interpretative Approaches

Аннотация

Актуальность: в статье рассматриваются требования законодательной техники к процессу использования специальной лексики в тексте нормативных правовых актов, невыполнение которых влечет нарушение прав и свобод граждан вследствие многозначности толкования норм в процессе правоприменения, вызывает сложности при привлечении к юридической ответственности виновных лиц, а также приводит к неадекватности языка права. Терминологический аппарат отечественной юриспруденции содержит немало примеров специальной лексики, находящей применение в процессе регламентации общественных отношений нормами различных отраслей права. При этом значение юридических терминов кажется общеизвестным и понятным. Однако на примере термина «субординация», имеющего юридическое значение, автор показывает, что это не всегда так.

Постановка проблемы: использование термина «субординация» в тексте основных нормативных правовых актов, регламентирующих службу в органах внутренних дел, очевидно, является одним из примеров употребления спе-

Konstantin Gennadievich Saltykov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral Candidate of the 3rd Faculty
(Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: terminpravo@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

Relevance: the article examines the requirements of legislative technology for the process of using special vocabulary in the text of normative legal acts, the failure of which entails a violation of the rights and freedoms of citizens due to the ambiguity of interpretation of norms in the process of law enforcement, causes difficulties in bringing perpetrators to legal responsibility, and also leads to the inadequacy of the language of law. The terminological apparatus of Russian jurisprudence contains many examples of special vocabulary used in the process of regulating public relations by the norms of various branches of law. At the same time, the meaning of legal terms seems to be well-known and understandable. However, using the example of the term “subordination”, which has a legal meaning, the author shows that this is not always the case.

Problem statement: the use of the term “subordination” in the text of the main normative legal acts regulating service in the internal affairs bodies is obviously one of the examples of the use of special lexical units that have legal significance and are included in the norms governing important public relations, but do not have a legal def-

циальных лексических единиц, имеющих юридическое значение и включенных в нормы, регулирующие важные общественные отношения, но не обладающих легальной дефиницией. Такое положение дел не способствует соблюдению точности при выражении воли законодателя, повышает интерпретационную вариативность юридической терминологии.

Цель исследования: совершенствование подходов к оценке ключевых элементов терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, оценка использования термина «субординация» в тексте нормативных правовых и судебных актов в контексте основных требований юридической техники.

Методы исследования: в процессе проведения исследования применялись такие общенаучные методы, как анализ (проанализировано содержание нормативных правовых актов, а также доктринальных источников и судебных актов), синтез (нормативные акты, регламентирующие государственную службу, рассматривались как единый комплекс правовых предписаний), а также специальные методы юридической науки: сравнительно-правовой метод (проведено сопоставление особенностей регулирования военной и правоохранительной службы), догматический метод (степень ясности значения современной терминологии законодательства о службе в органах внутренних дел соотнесена с правилами юридической техники).

Результаты и ключевые выводы: в результате проведенного исследования выявлено наличие практического и научного различия в осмыслении значения термина «субординация», в основе которого лежит противоречие между принципом подчиненности, предполагающим формализованное взаимодействие управляющих и начальствующих с управляемыми и подчиняющимися в рамках структурной организации системы органов внутренних дел, и комплексом обстоятельств, связанных со спецификой деятельности правоохранительных органов, в значительном числе случаев носящей своеобразную децентрализованную направленность, обусловленную социальным и культурным контекстом, что подразумевает проявление индивидуальных особенностей сотрудников в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: термин; значение; субординация; правовая регламентация; подчиненность; служба в органах внутренних дел.

initiation. This state of affairs does not contribute to the observance of accuracy in expressing the will of the legislator, increases the interpretative variability of legal terminology.

The purpose of the study is to improve approaches to assessing the key elements of the terminological foundations of legislation on service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, to evaluate the use of the term “subordination” in the text of regulatory legal and judicial acts in the context of the basic requirements of legal technic.

Research methods: in the course of the research, such general scientific methods were used as analysis (the content of normative legal acts, as well as doctrinal sources and judicial acts were analyzed), synthesis (normative acts regulating public service were considered as a single set of legal prescriptions), as well as special methods of legal science: the comparative legal method (a comparison was carried out peculiarities of regulation of military and law enforcement service), the dogmatic method (the degree of clarity of the meaning of modern terminology of legislation on service in internal affairs bodies is correlated with the rules of legal technique).

Results and key conclusions: as a result of the conducted research, it was revealed that there is a practical and scientific difference in understanding the meaning of the term “subordination”, which is based on a contradiction between the principle of subordination, which presupposes a formalized interaction of managers and superiors with those controlled and subordinates within the framework of the structural organization of the system of internal affairs bodies, and a set of circumstances related to the specifics of law enforcement activities bodies, in a significant number of cases bearing a kind of decentralized orientation., due to the social and cultural context, which implies the manifestation of the individual characteristics of employees in the field of professional communication.

Keywords: term; meaning; subordination; legal regulation; subordination; service in internal affairs bodies.

Концептуальные основы российской право-творческой политики и действующего законодательства включают теории и научные представления как о новых правовых фактах и процессах, так и о феноменах юридической действительности, имеющих долгую историю. Отражение посредством понятийного аппарата юриспруденции тех или иных правовых явлений представлено в тексте закона при помощи разнообразной юридической терминологии, которая в большинстве случаев соответствует требованиям юридической техники и правилам русского языка.

Терминологический аппарат отечественной юриспруденции содержит немало ярких примеров специальной лексики, находящей применение в процессе регламентации общественных отношений нормами различных отраслей права, в том числе в сфере регулирования службы в органах внутренних дел Российской Федерации. При этом, как правило, значение юридических терминов кажется общеизвестным и понятным.

Одним из таких терминов, имеющих юридическое значение, является специальная лексема «субординация», которая нашла самое широкое применение в языке отечественного права. Например, в сфере банковских отношений при правовой регламентации субординированных кредитов, легальное описание которых содержится в ст. 25.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹; в доктрине гражданского права с субординацией можно встретиться при определении очередности удовлетворения требований кредиторов [9, с. 76–83]; суды в процессе вынесения решений устанавливают основания субординации требований сторон², а также указывают в тексте судебных актов на субординационные правоотношения, основанные на подчинении одной стороны другой³; о ведомственной субординации пишут авторы, исследующие вопросы реализации государственными органами полномочий по контролю и надзору в области налогов и сборов [12, с. 19–23].

Несмотря на множество отраслевых оттенков юридического значения рассматриваемо-

го термина, наиболее распространенной его дефиницией является следующая: субординация (от позднелатинского *subordinatio*) – служебное подчинение младшего старшему, основанное на правилах служебной дисциплины [4, с. 20].

Очевидно, что данное значение термина «субординация» выведено из общенаучного подхода к явлению подчиненности, основанного на представлении о ранжированном положении субъектов в системе, их неравновесности, иерархичных взаимоотношениях между ними [13]. Выстраивание структуры чего-либо (системы правовых предписаний или органов публичной власти и должностных лиц) на условиях подчинения, установление упорядоченности есть основная цель субординации.

Применительно к службе в органах внутренних дел субординация упоминается в ст. 4 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее – Федеральный закон о службе в органах внутренних дел), где данный термин применяется для обозначения принципа построения и функционирования системы государственной правоохранительной службы. О соблюдении субординации говорится и в п. «г» ст. 5 гл. 2 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации⁵.

Таким образом, одними из принципов службы в органах внутренних дел являются единоначалие и субординация (подчиненность).

Действительно, служение Отечеству, выражающееся в исполнении обязанностей по должности государственной правоохранительной службы, во много основано на старшинстве чинов [7, с. 172–176].

Нетрудно заметить, что принцип субординации на службе в органах внутренних дел в настоящее время имеет толкование, схожее с институтом воинской дисциплины и единоначалия. Особыми чертами военно-служебных отношений являются не допускающее возражений подчинение; наличие служебных алгоритмов действий; обязательный характер требований воинской дисциплины; специальная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение комплекса установленных правил [6, с. 17–22]. Обязательность приказов начальника, необхо-

¹ О банках и банковской деятельности : Федер. закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 : ред. от 29 декабря 2022 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 октября 2020 г. по делу № А73-24748/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

³ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П // Конституционный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://doc.kstf.ru/decision/KSRFDecision30272.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

⁴ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ : в ред. от 8 августа 2024 г. : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 // Офиц. интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2023).

димось их неукоснительного соблюдения свидетельствуют о том, что административная воинская иерархия выступает в качестве своеобразного архитрава системы органов внутренних дел [5, с. 79].

Квазивоенная специфика службы в органах внутренних дел, которая, безусловно, имеет свои особенности, но основывается на общем для всех видов государственной службы обеспечении подчиненности, необходимой для решения правоохранительными органами поставленных перед ними задач, и недопущении невыполнения указаний свыше, способствует необходимой управляемости личного состава.

Обращает на себя внимание и то, что законодатель специально подчеркивает средствами законодательной техники сопряжение принципиального значения единоначалия и субординации, а также синонимичность последней со словом «подчиненность». Анализ подхода законодателя к референции рассматриваемой специальной юридической лексики в тексте закона позволил И. Н. Ванюшиной предположить наличие двуединого принципа как службы в органах внутренних дел, так и управления указанными органами и самого их функционирования, заключающегося в том, что принципы единоначалия и субординации рассматриваются не только во взаимодействии, но и как взаимообусловленные, когда единоначалие предполагает или определяет наличие системы субординации, которая, в свою очередь, призвана способствовать эффективной реализации принципа единоначалия [5, с. 80].

Опираясь на действующую редакцию ст. 4 Федерального закона о службе в органах внутренних дел, представляется возможным контекстуально сформулировать современную интерпретацию термина «субординация», понимая под ним подчиненность по службе, выражающуюся в исполнении распоряжений и иных требований руководителей, отданных в установленном порядке и не противоречащих действующим нормативным правовым актам. Такое понимание значения рассматриваемого термина непротиворечиво соотносится с определением понятия «воинская дисциплина», под которой понимается основанное на уставах и приказах безукоризненное соблюдение установленного порядка и правил [10, с. 396].

Кроме того, в общем публично-правовом смысле в качестве редукции вышеуказанного можно рассматривать тезис С. С. Алексева о том, что субординация и подчиненность в их юридическом аспекте в первую очередь определяются компетенцией органов государственной власти и должностных лиц, связанной с их правосубъектностью в области публичного права [1, с. 5].

Однако внимательное рассмотрение феномена субординации в органах внутренних дел в контексте особенностей урегулированных правом отношений начальника и подчиненного позволяет утверждать, что в современном юридическом понимании указанное понятие исчерпывается своим названием, не имеющим общепринятой доктринальной или легальной дефиниции. В случае возникновения необходимости тщательного объяснения или ссылки на точное законодательное определение появляются очень разнящиеся трактовки рассматриваемого термина как в чисто интеллектуальном его понимании и эмоциональной окраске, так и по вопросам использования в тексте научных трудов и юридических документов.

Так, И. Н. Ванюшина определяет должностную субординацию как порядок взаимоотношений служащих, в основе которого лежат должностное ранжирование и взаимодействие, обеспечивающие деловую коммуникацию, базирующуюся на уважении к каждому ее участнику [5, с. 82–83]. Однако деловой характер общения, основанный на уважении к каждому субъекту коммуникации в профессиональной среде, является не целью, а скорее признаком субординации, одним из ее основных показателей.

Как отмечают Э. В. Маркина и Ю. Н. Сосновская, «субординация на службе в органах внутренних дел» опирается на систему положений делового этикета, упорядочивающих взаимоотношения между сотрудниками как в рамках одного подразделения, так и в министерстве в целом [11 с. 273–279]. При таком подходе к значению термина «субординация» на авансцену референции его смысла выдвигаются соблюдение руководителем принципов деловой этики; отдача распоряжений, имеющих корректную форму; правила общения с непосредственным и прямыми начальниками; признание сотрудниками авторитета руководителя, что способствует повышению уровня корпоративной культуры, сохранению в коллективе (подразделении) продуктивной обстановки, исключаяющей проявления фамильярности и пренебрежительного обращения.

От доктринальных интерпретаций перейдем к анализу отображения смысловых оттенков термина «субординация» в сознании обычных участников правоотношений, для чего обратимся к судебной практике.

Так, в процессе рассмотрения одного из трудовых споров, ответчик, возражая против исковых требований, характеризуя предыдущее отношение истца к исполнению трудовых обязанностей, отмечал, что последний «злоупотребляет своими положением и правами, нарушает субординацию, проявляет неуважение к руководству, создает препятствие в развитии

цивилизованных трудовых отношений»⁶. Очевидно, что в правосознании ответчика понятие «субординация» и соответствующий ему термин не охватывают такие производственные тенденции, как уважение к руководству и развитие цивилизованных трудовых отношений.

В другом случае Усть-Енисейский районный суд Красноярского края, рассмотрев спор об отказе в заключении контракта о службе в органах внутренних дел, в своем решении изложил аттестацию трудового поведения истца, данную ответчиком, следующим образом: «не соблюдает субординацию и этику делового общения сотрудника органов внутренних дел, допускает обращение к вышестоящему руководителю на «ты». На замечания руководителя реагирует непредсказуемо»⁷. В этом случае нарушение норм деловой этики и случаи обращения к руководителю на «ты» упоминаются ответчиком отдельно от нарушения субординации.

В решении по одному из трудовых споров, отражая содержание материалов дела, Железнодорожный районный суд города Улан-Удэ (Республика Бурятия) отметил, что в Правилах внутреннего трудового распорядка, утвержденных работодателем, была закреплена обязанность работника «соблюдать субординацию при взаимодействии с коллегами, руководителями»⁸, то есть имеющих несомненное юридическое значение термин «субординация», очевидно, понимался расширительно.

Таким образом, семантика термина «субординация» в научном понимании и сознании трудовых участников правоотношений может сводиться к строгому служебному подчинению либо, напротив, иметь коннотации, связанные с проявлением уважения, деловой этикой, нормами цивилизованной коммуникации в профессиональной сфере.

Интерпретационная вариативность термина «субординация», используемого в тексте норм права, регулирующих служебные отношения в органах внутренних дел, представляется неоправданно высокой также потому, что принцип субординации в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» не предусмотрен⁹, а в Федеральном за-

коне о службе в органах внутренних дел дефиниция рассматриваемого термина, используемого для обозначения одного из принципов организации служебной деятельности, отсутствует.

Сложившаяся ситуация является одним из примеров употребления терминов, имеющих юридическое значение и включенных в нормы, регулирующие важные общественные отношения, но не обладающих легальной дефиницией. Такое положение дел не способствует соблюдению точности при выражении воли законодателя, повышает интерпретационную вариативность юридической терминологии. Нарушение правил законодательной техники о семантической ясности специальной лексики в тексте нормативных правовых актов влечет нарушение прав и свобод граждан вследствие многозначности толкования норм в процессе правоприменения, вызывает сложности при привлечении виновных к юридической ответственности, а также отрицательным образом отражается на адекватности языка закона.

Параллели, проводимые некоторыми авторами между субординацией в органах внутренних дел и воинской дисциплиной, рассматриваемую ситуацию законодательного словоупотребления не спасают, поскольку, как отмечает П. А. Астафичев, правила субординации не имеют абсолютного характера даже в армейской среде, где требования дисциплины традиционно являются наиболее основательными и всеобъемлющими, однако обеспечение дисциплины не обладает самостоятельным приоритетом в отрыве от других, более важных целей государства в военной сфере [3, с. 180–191]. В связи с этим примечательно то, что текст Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹⁰ не содержит как упоминания о принципе субординации на службе, так и самого рассматриваемого термина. В Положении о порядке прохождения военной службы¹¹ понятие субординации также отсутствует.

На сегодняшний день исследование отношений сотрудников органов внутренних дел как участников коммуникативного взаимодействия между подначальными и начальниками успешно провел Д. Г. Передня, который констатировал очевидное присутствие тенденции компли-

⁶ Решение Сургутского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) от 16 января 2024 г. по делу № 2-429/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

⁷ Решение Усть-Енисейского районного суда (Красноярский край) от 12 января 2024 г. по делу № 2-4/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

⁸ Решение Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) от 12 января 2024 г. по делу № 2-4/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

⁹ О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: в ред. от 14 февраля 2024 г.:

принят Гос. Думой 25 апреля 2003 г.: одобрен Советом Федерации от 14 мая 2003 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

¹⁰ О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ: в ред. от 2 октября 2024 г.: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2025).

¹¹ Вопросы прохождения военной службы (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы»): Указ Президента Рос. Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 // НПП «Гарант-Сервис»: сайт. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

ментарного схизмогенезиса (англ. *schism* – раскол) применительно к отношениям названных участников служебной интеракции [8, с. 184–185], когда управляемая сторона проявляет все большее смирение, сталкиваясь с растущей силой воздействий с управляющей стороны. Исходя из этого и принимая во внимание необходимость обеспечения объективности исследования, отметим, что смысловая вариативность термина «субординация», используемого в служебном законодательстве, в настоящее время не повлекла критической утраты подчиненности в системе органов внутренних дел, но и не способствовала уменьшению той части судебных споров, при рассмотрении которых важную роль играет «поведение сотрудника, его отношение к службе, знание правил ее несения»¹².

Предположим, что осторожная позиция законодателя по вопросам разработки и утверждения легального определения понятия «субординация», а также использования соответствующего данному понятию термина в тексте нормативных правовых актов, регулирующих как государственную службу в целом, так и службу в органах внутренних дел в частности, объясняется тем, что субординация как безоговорочный императив может вступить в противоречие с иными аксиологическими основами регулирования отношений в современном обществе [3, с. 180–191]. Кроме того, положительный результат, который предполагает законодатель, принимая норму права, нередко достигается путем творческого самостоятельного подхода к правоприменению со стороны сотрудника органов внутренних дел, его уме-

ния грамотно презентовать себя как профессионала, когда формат служебной коммуникации совпадает с представлениями об этических границах трансляции управленческих решений и предполагает конструктивную обратную связь.

Таким образом, применительно к правовому регулированию служебных отношений в органах внутренних дел представляется возможным вести речь о наличии практического и научного разномыслия, в основе которого лежит противоречие (лат. *contradictio* – противоречие) между принципом субординации (подчиненности), предполагающим иерархизированное взаимодействие управляющих и начальствующих с управляемыми и подчиняющимися в рамках структурной организации в системе органов внутренних дел, и комплексом обстоятельств, связанных со спецификой деятельности правоохранительных органов, в значительном количестве случаев носящей своеобразную децентрализованную направленность, обусловленную социальным и культурным контекстом, что для более эффективного выполнения поставленных задач подразумевает самостоятельное проявление индивидуальных особенностей сотрудников с учетом правил контроля речи и требований коммуникативной техники.

В такой ситуации исключительно важно создать условия, в которых сотрудник, осознающий, что его отношения с руководством все-сторонне и ясно регламентированы с использованием понятной терминологии, будет гораздо более продуктивно выполнять свои служебные обязанности, не опасаясь какого-либо негативного воздействия [2, с. 46–48]. Разумная милитаризация служебных отношений в органах внутренних дел допустима в условиях строгой ясности используемой терминологии, когда понимание лексики законодателя и руководителя является гарантией недопущения срыва выполнения служебных задач и исключения понижения потенциала коллектива.

¹² П. 7 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 15 ноября 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 2001. 711 с.
2. Андреева С. Н., Румянцев Н. В., Кузьменюк А. А. Правовые основы и особенности деятельности профессиональных союзов в полиции на современном этапе // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 46–48.
3. Астафичев П. А. Конституционализация принципа уважения к старшим: опыт конституционных поправок 2020 года, их содержание и проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2. С. 180–191.

References:

1. Alekseev S. S. Pravo. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 2001. 711 s.
2. Andreeva S. N., Rumyantsev N. V., Kuz'menyuk A. A. Pravovye osnovy i osobennosti deyatel'nosti professional'nyh soyuzov v policii na sovremen-nom etape // Administrative Law and Process. 2022. № 10. S. 46–48.
3. Astafichev P. A. Konstitucionalizaciya principa uvazheniya k starshim: opyt konstitucionnyh popravok 2020 goda, ih sodержanie i problemy realizacii // Comparative Constitutional Review. 2021. № 2. S. 180–191.

4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 25. М., 1976. 600 с.
5. *Ванюшина И. Н.* Принцип субординации на государственной службе Российской Федерации и службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3 (53). С. 73–84.
6. *Зайков Д. Е.* Особенности равенства в военно-служебных отношениях // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2010. № 7. С. 17–22.
7. *Кузнецов Р. А.* Воинская дисциплина – основа военной службы на современном этапе // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 2 (4). С. 172–176.
8. *Передня Д. Г.* Взаимодополняющий схизмогенезис как тенденция взаимодействий субъектов и объектов управления в образовательных организациях системы МВД России // Педагогические науки. 2020. № 4. С. 184–185.
9. *Родина Н. В.* Изменение характера требований кредиторов как способ субординации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3. С. 76–83.
10. Советский энциклопедический словарь. М., 1983. 1600 с.
11. *Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В.* Особенности организации государственной службы в территориальных органах МВД России на современном этапе. Единоначалие и субординация (подчиненность) на службе в органах внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 273–279.
12. *Спицына Т. В.* Разъяснения ФНС обязательны для территориальных налоговиков // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2020. № 10. С. 19–23.
13. *Хохлов В. А.* Глоссарий корпоративного права. М., 2019. 239 с.
4. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya : v 30 t. T. 25. M., 1976. 600 s.
5. *Vanyushina I. N.* Princip subordinacii na gosudarstvennoj sluzhbe Rossijskoj Federacii i sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. № 3 (53). S. 73–84.
6. *Zajkov D. E.* Osobennosti ravenstva v voenno-sluzhebnyh odnosnieniyah // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2010. № 7. S. 17–22.
7. *Kuznecov R. A.* Voinskaya disciplina – osnova voennoj sluzhby na sovremennom etape // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2020. № 2 (4). S. 172–176.
8. *Perednya D. G.* Vzaimodopolnyayushchij skhizmogenezis kak tendenciya vzaimodejstvij sub"ektov i ob"ektov upravleniya v obrazovatel'nyh organizacijah sistemy MVD Rossii // Pedagogical Sciences. 2020. № 4. S. 184–185.
9. *Rodina N. V.* Izmenenie haraktera trebovanij kreditorov kak sposob subordinacii // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. № 3. S. 76–83.
10. Sovetskij enciklopedicheskiy slovar'. M., 1983. 1600 s.
11. *Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V.* Osobennosti organizacii gosudarstvennoj sluzhby v territorial'nyh organah MVD Rossii na sovremennom etape. Edinonachalie i subordinaciya (podchinennost') na sluzhbe v organah vnutrennih del // Bulletin of economic security. 2020. № 2. S. 273–279.
12. *Spicyna T. V.* Raz"yasneniya FNS obyazatel'ny dlya territorial'nyh nalogovikov // Current Accounting and Taxation Issues. 2020. № 10. S. 19–23.
13. *Hohlov V. A.* Glossarij korporativnogo prava. M., 2019. 239 s.

Для цитирования:

Салтыков Константин Геннадьевич. Термин «субординация» в законодательстве о службе в органах внутренних дел: интерпретационные подходы // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 22–28.

For citation:

Saltykov Konstantin Gennadievich. The Term “Subordination” in the Legislation on Service in the Internal Affairs Bodies: Interpretative Approaches // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 22–28.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ строительство в России и за рубежом

Небрятенко Ольга Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3-го факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: onebratenko@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342.5 : 342.7

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-29-35

Дата поступления статьи: 9 декабря 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Преимственность конституционного контроля в Советском и Российском государстве

Continuity of Constitutional Control in the Soviet and Russian States

Аннотация

Актуальность: совершенствование системы конституционного контроля в России представляется одним из условий функционирования правового государства. Начиная с мая 1990 г. центральное положение в системе охраны Конституции стал занимать Комитет конституционного надзора СССР. Особый интерес к исследованию правовой природы, материальных и процессуальных аспектов деятельности Комитета конституционного надзора СССР связан с тем, что он стал первым отечественным специализированным юрисдикционным органом, релевантность которого определяется наличием надзорных и контрольных полномочий, особой юридической силой его заключений, актуальных на сегодняшний день и составляющих мотивировочную основу решений Конституционного Суда Российской Федерации. Положительный опыт конституционного контроля эпохи позднего социализма СССР был

Olga Olegovna Nebratenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral Candidate of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical
Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: onebratenko@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

Relevance: the improvement of the constitutional control system in Russia seems to be one of the conditions for the functioning of the rule of law. Since May 1990, the central position in the system of protection of the Constitution has been occupied by the Committee for Constitutional Supervision of the USSR. A special interest in the study of the legal nature, material and procedural aspects of the activities of the USSR Constitutional Supervision Committee is due to the fact that it became the first domestic specialized jurisdictional body, the relevance of which is determined by the presence of supervisory and supervisory powers, the special legal force of its conclusions, relevant today and forming the motivational basis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The positive experience of constitutional control during the late socialist era of the USSR was also taken into account when the Constitution was amended

учтен также при поправке Конституции в 2020 г., но его потенциал до конца до сих пор не исчерпан, что актуализирует проблематику преемственности конституционного контроля в Советском и Российском государстве.

Постановка проблемы: показать общность признаков, характерных для Комитета конституционного надзора СССР и Конституционного Суда РСФСР (РФ) первой и второй модели организации, в вопросах функциональной значимости, организационной и компетенционной обособленности, принятия и признания итоговых актов Комитета в качестве источника прав и свобод человека и гражданина. Тем самым путем использования историко-правового опыта автором решается проблема дальнейшего совершенствования конституционного контроля в Российской Федерации.

Цель исследования: определить преемственность современного российского органа конституционного контроля от Комитета конституционного надзора СССР.

Методы исследования: автор использует нормативные правовые акты СССР и Российской Федерации, решения Комитета конституционного надзора СССР и Конституционного Суда РСФСР (РФ) первой и второй модели организации. Методологической основой исследования послужили диалектический, исторический, сравнительно-правовой и системный методы познания, позволившие выявить особенности становления и развития конституционного контроля в СССР и РФ.

Результаты и ключевые выводы: автор исходит из позиции, что до появления Комитета конституционного надзора СССР и в период его деятельности проверка конституционности нормативных актов больше соответствует конституционному надзору, с появлением Конституционного Суда РСФСР (РФ) конституционная юрисдикция становится наиболее адекватной конституционному контролю. Хотя термин «конституционный надзор» в большей степени соответствует деятельности Комитета конституционного надзора СССР, чем «конституционный контроль», последний также имел место как форма защиты Конституции в СССР. Комитет конституционного надзора СССР не следует отождествлять с судебной властью, но ряд признаков сближают его с Конституционным Судом РСФСР (РФ) первой и второй модели организации, а следовательно, с судебной ветвью власти. Заключение Комитета конституционного надзора СССР следует признать источником формирования судебной доктрины прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Ключевые слова: Комитет конституционного надзора СССР; конституционный контроль; конституционный надзор; судебная власть; конституционное правосудие; преемственность.

in 2020, but its potential has not yet been fully exhausted, which actualizes the issue of continuity of constitutional control in the Soviet and Russian states.

Problem statement: to show the commonality of features characteristic of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR and the Constitutional Court of the RSFSR (RF) of the first and second models of organization, in matters of functional significance, organizational and competency isolation, adoption and recognition of the final acts of the Committee as a source of human and civil rights and freedoms. Thus, by using historical and legal experience, the author solves the problem of further improving constitutional control in the Russian Federation.

The purpose of the study is to determine the continuity of the modern Russian body of constitutional control from the Committee of Constitutional Supervision of the USSR.

Research methods: the author uses the normative legal acts of the USSR and the Russian Federation, the decisions of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR and the Constitutional Court of the RSFSR (RF) of the first and second models of organization. The methodological basis of the research was dialectical, historical, comparative legal and systematic methods of cognition, which made it possible to identify the features of the formation and development of constitutional control in the USSR and the Russian Federation.

Results and key conclusions: the author proceeds from the position that before the appearance of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR and during its activity, the verification of the constitutionality of normative acts is more consistent with constitutional supervision, with the advent of the Constitutional Court of the RSFSR (RF), constitutional jurisdiction becomes the most adequate constitutional control. Although the term “constitutional supervision” is more consistent with the activities of the USSR Constitutional Supervision Committee than “constitutional control,” the latter also took place as a form of constitutional protection in the USSR. The Committee for Constitutional Supervision of the USSR should not be identified with the judiciary, but a number of features bring it closer to the Constitutional Court of the RSFSR (RF) of the first and second models of organization, and therefore with the judicial branch of government. The conclusions of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR should be recognized as the source of the formation of the judicial doctrine of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation.

Keywords: Committee for Constitutional Supervision of the USSR; constitutional control; constitutional supervision; judicial power; constitutional justice; continuity.

В разные годы существования Советского государства функция конституционного контроля возлагалась на Всероссийский съезд Советов и избираемый им ВЦИК, Верховный Суд СССР, Верховный Совет СССР, Президиум Верховного Совета СССР, Съезд народных депутатов СССР и Президента СССР. Комитет конституционного надзора СССР стал первым юрисдикционным органом, специально уполномоченным проверять акты органов государственной власти на предмет их соответствия Конституции (Основному Закону) СССР. Деятельность Комитета конституционного надзора СССР представляет собой бесценный положительный опыт становления конституционного контроля (в широком смысле), служит предпосылкой создания правового государства, которое провозглашено в современном Российском государстве. Опыт осуществления деятельности конституционного контроля эпохи социализма существенно повлиял на построение системы конституционного контроля в России.

Реформа конституционного контроля проходила в несколько этапов: на первом — учреждение Комитета конституционного надзора СССР, на втором — создание Конституционного Суда РСФСР (РФ) первой модели организации и, наконец, создание Конституционного Суда РФ второй модели организации. Учрежден Комитет конституционного надзора СССР в период масштабных реформ, проводившихся в Советском Союзе в 1985–1991 гг. в общественной, экономической, политической и правовой сферах. Реформа по становлению института правовой охраны Конституции, сопряженная с учреждением Комитета конституционного надзора СССР, относится к числу заслуживающих положительной оценки. Опыт конституционной охраны Конституции существенно повлиял на дальнейшее развитие данного института в Российском государстве, выбор и закрепление его статуса в современном виде.

Комитет конституционного надзора СССР был учрежден 1 декабря 1988 г., когда в соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Конституцию (Основной Закон) СССР¹, появилась статья о Комитете конституционного надзора СССР, определившая состав Комитета, порядок его образования, компетенцию, взаимоотношения с другими высшими государственными органами. На собравшемся через год после учреждения Комитета II Съезде народных депутатов 23 декабря 1989 г. были приняты сразу три важнейших для функционирования Комитета документа: Закон о конституционном надзоре СССР², актуализирована ст. 125 Конституции (Основного Закона) СССР³,

установившая новый численный состав членов Комитета, правовой статус и обновленные полномочия Комитета, а также избраны Председатель (член-корреспондент Академии наук СССР, профессор С. С. Алексеев) и заместитель Председателя Комитета конституционного надзора СССР (профессор Б. М. Лазарев)⁴. Верховный Совет избрал 19 членов Комитета в апреле 1990 г.⁵; вместе с Председателем и заместителем Председателя избранными оказались 21 вместо необходимых 27 членов, что, однако, не помешало Комитету в мае 1990 г. приступить к работе. С этого времени по декабрь 1991 г. Комитет конституционного надзора СССР стал центральным органом, осуществлявшим правовую охрану Конституции на территории СССР.

На проведенной 16 мая 1990 г. первой пресс-конференции Председатель Комитета конституционного надзора СССР С. С. Алексеев определил нравственные принципы, которым должны следовать его члены: «руководствоваться не партийной принадлежностью, а совестью, долгом и гражданской позицией ученого...» [5, с. 107], тем самым осуществлять деятельность, весьма схожую с характером судебной деятельности. В условиях борьбы мнений об учреждении института (органа) конституционного контроля (надзора) и возложении контрольных (надзорных) функций на Верховный Суд, Комитет конституционного надзора или Конституционный Суд на практике была воплощена идея создания Комитета конституционного надзора СССР. Конституционный Суд мог быть учрежден только в условиях четкого соблюдения принципа разделения властей, что на момент решения вопроса об учреждении Комитета конституционного надзора не могло быть реализовано вследствие полномочия Советов народных депутатов, неготовности органов власти предоставлять реальные полномочия Комитету. По мнению профессора Ж. И. Овсепян, разделение властей является «основополагающим принципом устройства и организации власти, обеспечивающим свободу человека в государственно организованном обществе и правовой характер государственной власти» [7, с. 20–21].

В научных трудах того времени и современной юридической литературе по-прежнему актуальным остается вопрос, является ли Конституционный Суд РФ правопреемником Комитета конституционного надзора СССР? Чтобы на него ответить, следует определиться, с контролем или надзором в большей степени ассоциируется деятельность Комитета, можно ли его идентифицировать с судебной властью, есть ли признаки, роднящие Комитет

(Основного Закона) СССР : Закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 974-1 // Ведомости ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 574.

⁴ Об избрании Комитета конституционного надзора СССР : постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. № 975-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 575.

⁵ Об избрании членов Комитета конституционного надзора СССР : постановление Верховного Совета СССР от 26 апреля 1990 г. № 1455-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 18. Ст. 314.

¹ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР : Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 747.

² О конституционном надзоре в СССР : Закон СССР от 23 декабря 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

³ Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции

и Конституционный Суд, сохраняется ли преемственность правовых позиций, высказанных Комитетом и в дальнейшем Конституционным Судом РСФСР (РФ) первой и второй модели организации. Дискуссионным остается вопрос о правовом статусе самого Комитета конституционного надзора СССР, его самостоятельности и независимости от других государственных органов, в частности от парламента.

Относительно преемства Конституционного Суда РФ от Комитета конституционного надзора СССР имеются две противоположные точки зрения. Согласно первой российский орган судебного конституционного контроля не является последователем органа советского конституционного надзора, рассматривается как неудавшийся эксперимент [4, с. 164-183]. Согласно второй точки зрения Конституционный Суд РСФСР (РФ) есть непосредственное последовательное продолжение правовой охраны Конституции, осуществляемой Комитетом конституционного надзора СССР [6, с. 54].

Комитет конституционного надзора СССР осуществлял надзорные и контрольные полномочия. Принятие заключений, например по проектам законов СССР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР, а также относительно конституций и законов союзных республик (ст. 19 Закона «О конституционном надзоре в СССР»), традиционно причисляют к надзорным полномочиям, поскольку такие заключения не обладали юридической силой приостановки действия законов СССР и иных актов, принятых Съездом, они лишь ставились на обсуждение и могли быть отклонены решением Съезда. Полномочия по проверке правовых актов, их отдельных положений, которые нарушали основные права и свободы человека и гражданина, способствовали усилению позиций советского органа конституционного надзора (контроля) в системе органов власти; их следует относить к контрольным, поскольку с момента принятия заключения неконституционные акты теряли силу (ч. 3 ст. 21 Закона «О конституционном надзоре в СССР»). Наступление указанного последствия в виде утраты юридической силы не соответствующих Конституции СССР актов позволило обнаружить не только консультативный и рекомендательный характер заключений Комитета конституционного надзора СССР, но и контрольный, а также сказать о трансформации Комитета конституционного надзора СССР «из надзорно-консультативного в надзорно-контрольный» [11, с. 19-31], поскольку в большей степени осуществлял функции конституционного надзора, чем контроля.

По поводу гипотетической возможности идентифицировать Комитет конституционного надзора СССР с судебной властью существуют различные суждения. Профессор Т. Г. Морщакова высказывалась об учрежденном Комитете конституционного надзора как о «половинчатой мере», обосновывая

свое мнение необходимостью его осуществления судебной властью, отделенной от законодательной и исполнительной [9, с. 51], видимо, отказывая Комитету в исследуемый исторический период в принадлежности к судебной власти. Положительную оценку деятельности Комитета давал в своем интервью его Председатель, член-корреспондент Академии наук СССР С. С. Алексеев, который указывал, что «...появилась-таки, пусть еще несильная, судебно-конституционная власть» [2, с. 3]. О том, что Комитет конституционного надзора СССР больше «напоминает сейчас конституционные суды или конституционные советы, существующие в других странах», хотя и «соединяет в себе и судебные, и надзорные функции», писал член Комитета М. И. Пискотин [8, с. 3]. Однако судебная природа конституционного надзора с трудом воспринималась даже в научном сообществе. Многие политики и ученые видели необходимость преобразования в будущем конституционного надзора в судебный конституционный контроль как позитивную альтернативу действующему на тот момент в стране конституционному надзору. Т. Э. Шуберт утверждала, что «в целях более последовательной реализации принципа разделения властей и достижения наибольшей эффективности в деле охраны Конституции представляется необходимым преобразование Комитета конституционного надзора СССР в Конституционный суд...» [10, с. 7]. Идею учреждения Конституционного Суда поддержал IV Съезд народных депутатов СССР, проведенный в декабре 1990 г., организационно-правовой формой охраны Конституции РСФСР должен был стать конституционный контроль.

Комитет конституционного надзора СССР не следует отождествлять с судебной властью, но ряд признаков функциональной значимости, организационной и компетенционной обособленности сближают его с Конституционным Судом РСФСР (РФ) первой и второй модели организации, а следовательно, с судебной ветвью власти. С точки зрения функциональной значимости и организационной обособленности отечественные органы конституционного контроля (надзора), начиная с конца XX века, идентифицируются со специализированными государственными органами, осуществляющими функцию проверки конституционности нормативных актов в качестве основополагающего направления деятельности. Далее организационная обособленность выражается в разукрупнении признаков, различающихся устройствами и процедурными характеристиками. В числе признаков, относящихся к конституционному устройству: достаточно длительный срок избрания (10 лет) (ч. 1 ст. 6), служащий дополнительной гарантией независимости его членов от чьего-либо воздействия; избрание в члены Комитета специалистов в области политики и права (ст. 5); полномочия, связанные с осуществлением пред-

варительного и последующего конституционного контроля (ст. 10, 12), что свидетельствует о близком правовом статусе Комитета конституционного надзора СССР к судебному органу [3, с. 11–19].

Статья 24 Закона «О конституционном надзоре в СССР» закрепляла принцип независимости лиц, избранных в Комитет конституционного надзора СССР, который обеспечивался сроком осуществления полномочий, неприкосновенностью, а также через установление запретов, адресованных членам Комитета. Так, среди ограничений, обращенных к членам Комитета: 1) запрет на запрашивание и получение указаний от любых государственных органов, общественных организаций, должностных лиц, что адекватно невмешательству в деятельность органа конституционного надзора (ст. 24); 2) занимать должности народных депутатов, а также быть в составе органов, акты которых поднадзорны Комитету (ст. 25); 3) запрет на высказывание своего мнения по предмету рассмотрения до принятия Комитетом заключения по данному вопросу (ч. 2 ст. 15). Неприкосновенность лиц, избранных в Комитет конституционного надзора СССР, обеспечивалась через провозглашение запрета на привлечение к уголовной ответственности, невозможность быть подвергнутым аресту или мерам административного взыскания (ст. 27). Гарантией независимости является подчинение членов Комитета конституционного надзора СССР только Конституции СССР, хотя есть некоторое противоречие уже на этапе закрепления данной гарантии. Так, ч. 1 ст. 3 закона закрепляла принцип законности, которым должны руководствоваться органы конституционного надзора в СССР, ч. 2 ст. 3 делала акцент на подчинении органов конституционного надзора «только Конституции СССР, конституциям союзных и автономных республик», а ст. 10 относил законы СССР к числу актов, поднадзорных Комитету. Известно, что судьи Конституционного Суда РФ в своей деятельности руководствуются только Конституцией и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ч. 1 ст. 29), что обеспечивает свободную оценку ими конституционности нормативных актов, а согласно тексту присяги судьи Конституционного Суда РФ подчиняются «только Конституции Российской Федерации, ничему и никому более» (ч. 2 ст. 10). Именно в этом смысле судья не может руководствоваться другими законами.

На приобретение Комитетом конституционного надзора СССР черт Конституционного Суда процедурного характера указывают следующие положения Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР»: заседания проводились открыто (ч. 3 ст. 17); организационной формой принятия заключения являлось совещание, где разрешалось присутствие только членов Комитета (ч. 8 ст. 17); отдельно регламентировалось особое мнение членов Комитета, которые могли его излагать в пись-

менной форме, в этом случае оно включалось в заключение и являлось его самостоятельной частью (ч. 3 ст. 18); особый порядок обнародования его заключений и утрата юридической силы в случае констатации нарушения поднадзорным правовым актом основных прав и свобод человека (ч. 3 ст. 21). Акты Комитета конституционного надзора публиковались в первом разделе Ведомостей Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР наряду с законами и международными договорами СССР (ст. 6)⁶.

В результате анализа судебно-конституционного характера Комитета, выявления признаков, сближающих Комитет с судебной властью, следует отметить также обстоятельства, позволяющие говорить об отдаленности Комитета от этой власти. Это имевшая место пробельность правового статуса членов Комитета конституционного надзора СССР, например отсутствие возрастных ограничений, обязательности наличия правового образования и стажа работы в правовых органах ослабляли статус членов Комитета, а также свидетельствуют о том, что данный орган задумывался как формальный. Граждане, как и суды, не наделялись правом обращения в Комитет конституционного надзора СССР, хотя предложения о наделении их таким правом звучали [6, с. 40]; они могли информировать о расхождении между Конституцией и законами СССР уполномоченные на обращение в Комитет органы (ч. 3 ст. 12). Окончательное решение в вопросах соответствия правовых актов Конституции СССР принадлежало представительным и законодательным органам государственной власти. В научных публикациях того времени Комитет конституционного надзора СССР как не наделенный правом отмены актов, признанных не соответствующими Конституции и законам СССР, квалифицируется как надзорный орган, а не контрольный или судебный [5, с. 69].

Большую часть вопросов Комитет конституционного надзора рассмотрел по собственной инициативе, лишь семь решений — по обращению наделенных таким правом субъектов, что впоследствии не могло не сказаться на постепенную вовлеченность Комитета в политические перипетии. Учреждение изначально Конституционного Суда и мощной судебной власти вместо Комитета конституционного надзора и наличие четкого разделения между ветвями власти, возможно, помогло бы сохранить институт конституционного контроля, не было бы перерыва в его работе, еще большее число актов получили бы свое разрешение, будучи предметом разбирательства в таком органе. Тем не менее опыт Комитета представляет ценность с точки зрения генезиса первого в нашей истории судебно-кон-

⁶ О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР и других актов, принятых Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР и их органами: Закон СССР от 31 июля 1989 г. № 307-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 205.

ституционного органа федеративной (общесоюзной) юрисдикции.

Преемственность заключений Комитета конституционного надзора СССР и решений Конституционного Суда РСФСР (РФ) первой и второй модели организации подтверждается ссылками на заключения Комитета конституционного надзора СССР при обосновании своих правовых позиций, например, когда Конституционный Суд РФ отказался признавать предметом конституционного процесса нормативные акты о прописке как признанные не действующими и не подлежащими обжалованию⁷ либо когда признаны не соответствующими Конституции РСФСР обыкновения правоприменительной практики расторжения трудового договора по достижении работником пенсионного возраста, несмотря на то что решения, содержащие данные обыкновения, вынесены после принятия Заключения от 4 апреля 1991 г.⁸ Подтверждением преемственности будет Определение Конституционного Суда РФ⁹, в котором Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы о проверке конституционности Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, поскольку подтвердил утрату им юридической силы на основании Заключения Комитета конституционного надзора СССР¹⁰.

Именно Комитет конституционного надзора СССР стал распространять правовые позиции, ранее высказанные по определенным вопросам на последующие аналогичные или близкие к ним. Так, например, Комитет дважды уделял внимание вопросу секретности нормативных актов. При обращении второй раз к данному вопросу¹¹ Комитет

повторил правовую позицию предыдущего Заключения¹² об опубликовании актов о правах, свободах и обязанностях как непременном условии их применения.

Комитет конституционного надзора СССР принимал участие в процессе правотворчества и правоприменения, о чем свидетельствуют его инициативы, направленные на внесение изменений в действующее законодательство. Например, в Заключении от 3 апреля 1991 г. Комитет конституционного надзора сформулировал предписание законодателю о необходимости устранения выявленного несоответствия законодательства СССР о реализации гражданами права на защиту с момента предъявления обвинения¹³. Огромное значение и существенные правовые последствия имело Заключение Комитета о применении неопубликованных актов о правах и свободах¹⁴, где обязательным условием применения актов о правах и свободах обозначено опубликование, трактуемое как доведение до всеобщего сведения. Акты государственных органов, допускающие действие неопубликованных нормативных актов, не соответствуют Конституции СССР. Резолютивная часть Заключения Комитета конституционного надзора СССР нашла отражение в действующей Конституции РФ (ч. 3 ст. 15). Поэтому констатируем, что вклад Комитета конституционного надзора СССР сопоставим с работой законодательных органов, а предложения законодателю адекватны законодательной инициативе.

Правопреемство Российской Федерации и Союза ССР на своей территории и в международных организациях закреплено в положении статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, что непосредственно указывает на историко-правовое преемство органов конституционного контроля, существовавших в Советском и современном Российском государстве. Преемственность в вопросах конституционного контроля советского и современного периодов также отражают поправки к Конституции 2020 г. относительно проверки соответствия Конституции РФ проектов законов. В период учредения и деятельности Комитета конституционного надзора СССР были выдвинуты идеи, которые послужили основой для последующего реформирования конституционного надзора и контроля, развития отечественной доктрины конституцион-

⁷ По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2-3.

⁸ О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий : Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 4 апреля 1991 г. № 20 (2-22) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. Ст. 501; По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР : Постановление Конституционного суда РСФСР от 4 февраля 1992 г. № 2П-3 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 13. Ст. 669.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Николая Васильевича на нарушение его конституционного права на судебную защиту Положением о порядке рассмотрения трудовых споров : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 1998 г. № 58-О // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁰ О несоответствии норм законодательства, исключающих для ряда категорий работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров : Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 21 июня 1990 г. № 2-2 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 27. Ст. 524.

¹¹ О положениях законодательства, устанавливающих льготы и привилегии отдельным категориям граждан : постановление Комитета конституционного надзора СССР от 28 ноября 1991 г. № 31 (2-27) // Отечественная конституционная юстиция: история и современность. Документы и материалы (1988–2010) / под общ. ред. А. А. Клишаса, С. М. Шахрая; сост. С. Н. Станских; предисл. А. А. Клишаса, С. М. Шахрая; Фонд современной истории. М., 2010. С. 193–195.

¹² О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 50. Ст. 1080.

¹³ Об обеспечении в законодательстве СССР права обвиняемого на защиту : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 3 апреля 1991 г. № 19 (2-25) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. Ст. 500.

¹⁴ О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 29 ноября 1990 г. № 12 (2-12) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 50. Ст. 1080.

ного правосудия, определения места Конституционного Суда РФ в системе разделения властей. Комитет конституционного надзора СССР являл собой образец одного из успешных конституционных преобразований перестроечного времени, он пред-

определил развитие конституционного правосудия в Российском государстве и на всем постсоветском пространстве. Как отметил С.С. Алексеев, Комитет – это «первая в нашей стране заявка на конституционное правосудие» [1, с. 322].

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Избранное: Наука права; Общесоциальные проблемы; Публицистика. М., 2003. 504 с.
2. Алексеев С. С. Третья власть: станет ли ею Комитет конституционного надзора // Известия. 1991. 23 февраля. № 47.
3. Баринов Э. Э. Перспективы применения предварительного конституционного контроля в России // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 11–19.
4. Галяева И. С. Институт предварительного конституционного контроля законов в конституционной истории России: есть ли преемственность? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1. С. 164–183.
5. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30-е – начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. 177 с.
6. Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991) // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 35–63.
7. Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов-на-Дону, 1992. 320 с.
8. Пискотин М. И. Конституции нужна защита // Известия. 1991. 26 января. № 23.
9. Судебная реформа : сборник обзоров / Т. Г. Морщакова. М., 1990. 94 с.
10. Шуберт Т. Э. Конституционный контроль в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 18 с.
11. Шульженко Ю. Л. Реформа конституционного контроля в СССР периода перестройки (1985–1991) // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 19–31.

Для цитирования:

НебрATENKO Ольга Олеговна. Преемственность конституционного контроля в Советском и Российском государстве // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 29–35.

References:

1. Alekseev S. S. Izbrannoe: Nauka prava; Obshchesocial'nye problemy; Publicistika. M., 2003. 504 s.
2. Alekseev S. S. Tret'ya vlast': stanet li eyu Komitet konstitucionnogo nadzora // Izvestiya. 1991. 23 fevralya. № 47.
3. Barinov E. E. Perspektivy primeneniya predvaritel'nogo konstitucionnogo kontrolya v Rossii // Russian Justice. 2024. № 3. S. 11–19.
4. Galyaeva I. S. Institut predvaritel'nogo konstitucionnogo kontrolya zakonov v konstitucionnoy istorii Rossii: est' li preemstvennost'? // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2022. № 1. S. 164–183.
5. Mityukov M. A. Predtecha konstitucionnogo pravosudiya: vzglyady, proekty i institucional'nye predposylki (30-e – nachalo 90-h gg. XX v.). M., 2006. 177 s.
6. Mityukov M. A., Ostapovich I. Yu. Predtecha konstitucionnogo pravosudiya na postsovetskom prostranstve: k istoriografii Komiteta konstitucionnogo nadzora SSSR (1988–1991) // Russian-Asian law journal. 2020. № 2. S. 35–63.
7. Ovsepyan Zh. I. Pravovaya zashchita konstitucij. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' v zarubezhnyh stranah. Rostov-na-Donu, 1992. 320 s.
8. Piskotin M. I. Konstitucii nuzhna zashchita // Izvestiya. 1991. 26 yanvarya. № 23.
9. Sudebnaya reforma : sbornik obzorov / T. G. Morshchakova. M., 1990. 94 s.
10. Shubert T. E. Konstitucionnyj kontrol' v SSSR : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1991. 18 s.
11. Shul'zhenko Yu. L. Reforma konstitucionnogo kontrolya v SSSR perioda perestrojki (1985–1991) // Journal of Russian Law. 2022. № 7. S. 19–31.

For citation:

NebrATENKO Olga Olegovna. Continuity of Constitutional Control in the Soviet and Russian States // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 29–35.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

Княжев Виктор Борисович,
доктор юридических наук,
кандидат военных наук, доцент,
начальник центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: Vkniazhev4@mvd.ru

Егоров Константин Анатольевич,
старший преподаватель-методист
центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: E.A.Constantin@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 34.09

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-36-43

Дата поступления статьи: 15 января 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Стрессоустойчивость российского общества при нарастании современных угроз общественной безопасности

Stress Tolerance of Russian Society in the Face of Increasing Modern Threats to Public Safety

Аннотация

Актуальность: материалы, представленные в статье, являются результатом научного анализа теоретических и практических подходов к оценке стрессоустойчивости российского общества в процессе преодоления угроз и опасностей в современной обстановке. Опираясь на работы российских специалистов и выводы, сделанные в тру-

Victor Borisovich Knyazhev,

Doctor of Law,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor,
Head of the Center for Command
and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Vkniazhev4@mvd.ru

Konstantin Anatolyevich Egorov,

Senior Lecturer and Methodologist
at the Center for Command and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: E.A.Constantin@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

Relevance: the materials presented in the article are the result of a scientific analysis of theoretical and practical approaches to assessing the stress tolerance of Russian society in the process of overcoming threats and dangers in the modern environment. Based on the work of Russian experts and the conclusions drawn in

дах ученых Академии управления МВД России, в статье сформулированы авторские определения и рекомендации по корректировке понятийного аппарата по теме исследования, раскрываются основные направления по достижению целей обеспечения общественной безопасности, которая должна осуществляться путем реализации государственной политики, направленной на решение задач, поставленных Президентом Российской Федерации в Указе от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Постановка проблемы: в статье приведен анализ материалов по формированию и поддержанию стрессоустойчивости общества и государства в современных условиях на всех уровнях социальной системы. Специфика проблемы состоит в том, что человек (социальная группа) осуществляет свою деятельность в различных условиях, в том числе в экстремальных, что требует от него развития способностей в противостоянии стрессу, то есть достижения необходимого уровня стрессоустойчивости для успешности его деятельности. Однако формированию и развитию стрессоустойчивости человека и общества в настоящее время уделяется недостаточное внимание.

Цель исследования: представить результаты социально-политического анализа структуры стрессоустойчивости общества и государства, системы ее обеспечения, сформулировать основные направления повышения уровня стрессоустойчивости российского общества и государства. Интересы обеспечения общественной безопасности на территории Российской Федерации диктуют необходимость углубленного анализа действующей системы формирования и поддержания стрессоустойчивости, определения ее достоинств и недостатков, выдвижения предложений по повышению стрессоустойчивости общества и государства.

Методы исследования: в процессе подготовки статьи авторы использовали горизонтальный сравнительный анализ. Исследование базируется на анализе современной концепции общественного развития, разработанной П. А. Сорокиным, Т. Парсонсом, Г. Бехманном и другими, о наличии рисков, воздействующих на социальные процессы.

Результаты и ключевые выводы: представлены разработанные авторами направления повышения стрессоустойчивости российского общества и государства в условиях перехода к информационному обществу. Применение результатов исследования возможно при решении широкого спектра задач, связанных с обеспечением общественной безопасности, в целях устойчивого развития общества и государства в различных, в том числе в экстремальных, условиях. При этом сделан вывод о том, что стрессоустойчивость выступает одним из важнейших компонентов общественной безопасности, характеризующих состояние всего общества. Важное

the works of scientists of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the article formulates the author's definitions and recommendations for adjusting the conceptual framework on the research topic, reveals the main directions for achieving the goals of ensuring public safety, which should be implemented through the implementation of state policy aimed at solving the tasks set by the President of the Russian Federation in Decree No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation".

Problem statement: the article provides an analysis of materials on the formation and maintenance of stress tolerance of society and the state in modern conditions at all levels of the social system. The specificity of the problem lies in the fact that a person (a social group) carries out his activities in various conditions, including extreme ones, which requires him to develop abilities in resisting stress, that is, to achieve the necessary level of stress tolerance for the success of his activities. However, insufficient attention is currently being paid to the formation and development of stress tolerance in humans and society.

The purpose of the study: to present the results of a socio-political analysis of the structure of stress tolerance of society and the state, the system of its provision, to formulate the main directions for increasing the level of stress tolerance of Russian society and the state. The interests of ensuring public safety on the territory of the Russian Federation dictate the need for an in-depth analysis of the current system of forming and maintaining stress tolerance, identifying its advantages and disadvantages, and making proposals to increase the stress tolerance of society and the state.

Research methods: during the preparation of the article, the authors used a horizontal comparative analysis. The study is based on an analysis of the modern concept of social development, developed by P. A. Sorokin, T. Parsons, G. Behmann and others, about the presence of risks affecting social processes.

Results and key conclusions: the directions developed by the authors to increase the stress tolerance of Russian society and the state in the context of the transition to an information society are presented. The application of the research results is possible in solving a wide range of tasks related to ensuring public safety, for the sustainable development of society and the state in various, including extreme, conditions. At the same time, it is concluded that stress tolerance is one of the most important components of public safety, characterizing the state of society as a whole. It is important to de-

значение имеет разработка направлений повышения стрессоустойчивости общества и государства, требующих комплексного подхода к их реализации.

Ключевые слова: современные угрозы; общественная безопасность; стрессоустойчивость; человек; общество; государство.

velop ways to increase the stress tolerance of society and the state, which require an integrated approach to their implementation.

Keywords: modern threats; public safety; stress tolerance; man; society; state.

К концу XX века против личности, общества и в целом Российского государства была развернута крупномасштабная интервенция, которая сегодня приобрела формы прокси-войны с использованием различного рода современных технологий, к которым следует отнести следующие: фальсификацию истории с подменой реальных событий вымышленными; формирование из России образа «врага цивилизованной части человечества»; формирование негативных образов руководителей государства; воздействие на сознание населения через средства массовой информации с использованием элементов нейролингвистического программирования в целях пропаганды насилия при решении различных проблем, потребления наркотиков и алкоголя; противостояние различных национальных и этнических групп друг другу; переориентацию отношений молодежи на массовое потребление и т. п. Все это в значительной степени может привести к неспособности или нежеланию граждан в полной мере осуществлять свою деятельность во благо общества и государства, их развития и процветания. В результате вышеизложенного в начале XXI века в обществе произошло резкое падение уровня социальной коммуникации как феномена человеческой культуры, его расслоение и значительное ослабление социальной устойчивости к угрозам современности. Для того чтобы разобраться в столь непростой ситуации, следует обратиться к результатам исследований влияния социально-коммуникативных факторов на стрессоустойчивость личности, общества и государства в целом [1].

Приходится констатировать, что в современном мире происходит смещение ценностных ориентиров массового сознания в сторону потребительского отношения к жизни, пропаганда насилия и нездорового образа жизни, подмена традиционных ценностей аморальными, создающими иллюзию возможности решения сложных задач простыми методами. Особую тревогу вызывает влияние идеологии экстремизма как на сознание отдельной личности, так и на коллективное сознание социальных групп, осуществляемое посредством возможностей современных технологий явного или скрытого информационного воздействия. При этом про-

паганда идей экстремизма осуществляется целенаправленно и дифференцированно с учетом возрастных, религиозных, национальных, культурных и других особенностей аудитории.

В современном обществе, которое принято считать цивилизованным, существует явный конфликт между уровнем развития науки и просвещения и потребностью людей в понимании социально-философских концепций, которые могли бы способствовать достижению гармонии в семьях, защите детей, подростков и пожилых людей, а также целых наций и народов от информационного воздействия, которое может нанести ущерб нашим национальным интересам как в настоящем, так и в будущем [2].

Рассмотрим основные стрессогенные факторы, воздействующие на российское общество:

- возрастающее влияние явлений и процессов, негативно сказывающихся как на политической и экономической стабильности России, так и всего мира в целом;
- существенное изменение целей и приоритетов управления, оказывающих влияние на обеспечение безопасности страны;
- попытки воздействия противника на информационную среду;
- возникновение кризисных явлений в общественном сознании, оказывающих негативное воздействие как на отдельных граждан, так и на общество в целом и т. д. [4].

В связи с этим становится понятной озабоченность как научного сообщества, так и государственных институтов относительно эффективности противодействия стрессовому воздействию как на индивидуальном уровне, так в масштабах общества и государства, поскольку способность отдельной личности и социума в целом противостоять негативному стрессовому воздействию является одной из важнейших составляющих общественной безопасности, которая характеризует не только общее состояние этого общества, но и всех сфер его деятельности на различных уровнях.

В начале 1970-х годов впервые в научных трудах было рассмотрено понятие «стрессоустойчивость». К. Холлинг в работе «Стрессоустойчивость и стабильность экологической системы» определил стрессоустойчивость как «меру стойкости систем и их способности по-

глощать изменения и колебания, при этом сохраняя прежние отношения между популяциями или переменными состояниями».

С того времени исследования в области стресса и противостояния ему, а также стрессоустойчивости индивида и социальных групп постоянно находятся в центре внимания психологии, социологии и других наук.

Понятие стрессоустойчивости по отношению к личности включает в себя способность человеческого организма противостоять стрессовым ситуациям без значительных эмоциональных потрясений, которые могут негативно сказаться на его работе и отношениях с окружающими, иными словами, это набор качеств, позволяющих человеку сохранять спокойствие и эффективно справляться со стрессом. В современном мире, где постоянно происходят изменения в политической, экономической, демографической, информационной и социальной сферах, вопрос о повышении стрессоустойчивости личности приобретает все большую актуальность.

Среди ученых не утихают дискуссии о том, какой подход оптимален для изучения стрессоустойчивости. В результате были выделены три подхода к изучению стрессоустойчивости: экологический, экономический и социально-политический. Экологический дискурс направлен на изучение способности экосистем адаптироваться к изменениям под воздействием шоков, сохраняя при этом свои основные свойства; экономический подход связан с анализом способности стран, регионов и отраслей справляться с внешними и внутренними потрясениями в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной выбирать наиболее оптимальный путь развития; в соответствии с социально-политическим подходом стрессоустойчивость подразумевает не только способность государственных органов власти, общественных организаций и других сообществ, представляющих гражданское общество, поддерживать стабильность и жизнеспособность общества в кризисные периоды, но и гарантировать целостность его социально-политической системы [6]. В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес для нас представляет последний из подходов.

Причина, которая вызывает особое внимание к изучению форм и методов повышения стрессоустойчивости общества, непосредственно связана с влиянием целого ряда факторов на его качественные характеристики на современном этапе. Прежде всего, это продолжающееся научно-техническое развитие общества, дальнейшее совершенствование информационных средств и оборудования, проникновение цифровых технологий во многие сферы его деятельности, но с одновременным наличием ком-

плекса угроз и опасностей, которые характеризуются природными, техногенными, социальными и военными факторами.

В данной статье авторы определяют понятие стрессоустойчивости как способность всех уровней власти результативно отвечать вызовам, возникающим в экономической, социальной и политической жизни общества [6].

Обеспечение государством прав и конституционных свобод каждого гражданина невозможно без достижения необходимого, как индивидуального, так и коллективного (общественного) уровня стрессоустойчивости. Без выполнения этого условия социально-экономический прогресс невозможен. Поэтому государственная деятельность в данной сфере должна быть направлена на обеспечение защиты граждан, а также формирование эффективного коллективного взаимодействия.

Актуальность указанной деятельности объясняется необходимостью адекватного реагирования граждан на стрессогенные факторы, а также сохранения высокого уровня работоспособности в экстремальных условиях. Следовательно, является обязательным выполнение условия по обеспечению достаточного уровня стрессоустойчивости в процессе деятельности как отдельных индивидов, а также социума и государства, включая различного рода органы публичной власти, который позволит эффективно выполнять возложенные на них функции при возникновении любых ситуационных изменений.

В связи с этим важное значение имеет стрессоустойчивость общества, которая зависит от нестабильных процессов современного мира, прямо или косвенно влияющих на состояние каждого его индивида.

Не анализируя весь комплекс угроз и опасностей, которые в настоящее время могут спровоцировать неспецифические реакции общества на воздействие различных неблагоприятных факторов (физических, социальных или психологических), отметим лишь то, что они достаточно разнообразны и имеют тенденцию к расширению как по форме, так и по содержанию [5].

Действия, предпринимаемые со стороны ряда западных государств, по сохранению их главенствующего положения в мире, постоянное стремление транснациональных корпораций к ограничению социально-экономического развития других государств приводят к усилению диспропорций в развитии последних с одновременной деградацией действующих моделей социально-экономических отношений и повышением уровня социального неравенства населения. Эти процессы сопровождаются обострением внутривнутриполитических и межгосударственных противоречий, что влечет за собой

ослабление роли международных институтов в обеспечении системы глобальной безопасности. Развитие ситуации в негативном направлении способно обострить международную обстановку, поставить мир на грань вооруженного конфликта. В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека»¹.

В связи с этим необходимо сосредоточить основные усилия государства, российского общества и каждого гражданина на достижении целей обеспечения государственной и общественной безопасности, которая должна осуществляться путем реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач, поставленных Президентом Российской Федерации. Таковые достаточно подробно изложены в ранее упомянутом указе Президента Российской Федерации. Особенно актуальными являются следующие позиции:

– недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечение разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации, других преступных посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций»;

– обеспечение безопасности проводимых на территории Российской Федерации общественно-политических и иных мероприятий;

– повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, совершенствование системы общественного контроля, механизмов участия граждан и организаций в обеспечении государственной и общественной безопасности;

– развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности;

– предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма;

– снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений;

– предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи;

– предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют;

– предупреждение и нейтрализация социальных, межконфессиональных и международных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан и т. д.²

Важным условием для реализации приведенных мер является наличие общественной стабильности и безопасности непосредственно внутри страны. Совершенно очевидно, что государство, неспособное разрешить внутренние противоречия, возникающие по экономическим, социальным, демографическим, экологическим и политическим причинам, подвергается опасности вторжения других государств и может быть втянуто в крупномасштабную войну. Поэтому в настоящее время особое внимание научному сообществу и практическим специалистам следует уделить устойчивости социальных организаций, общностей как основных структур, объединяющих граждан и составляющих фундамент государственности, посредством их способности к возвращению в исходное состояние после внезапного внутреннего или внешнего воздействия.

В Академии управления МВД России значительное внимание уделяется изучению способов, направленных на сохранение социальной стабильности общества в особых условиях. Ученые и практики, занимающиеся проблемами, связанными с деятельностью человека, общества и государства в особых усло-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2024).

² Там же.

виях, придерживаются мнения о необходимости проведения дальнейших исследований в области стрессоустойчивости социальных систем, а также их отдельных элементов.

Г. И. Деминым, Л. Л. Грищенко, В. Б. Княжевным, А. Ф. Майдыковым были выделены особенности стрессоустойчивости применительно к обществу и отдельным его элементам. Авторы полагают, что понятие «стрессоустойчивость» включает в себя устойчивость к стрессу общества при изменении обстановки. Особенность этого термина заключается в том, что он объединяет в себе свойства двух вышеупомянутых понятий и обладает качественной характеристикой, присущей им обоим. Устойчивость социальной организации зависит не только от способности каждого ее члена противостоять стрессовым ситуациям, но и от готовности структуры эффективно выполнять свои задачи в условиях резких изменений обстановки [3].

По результатам научных поисков, предшествовавших написанию этой статьи, авторам представляется возможным дать определение понятию «стрессоустойчивость социальной организации», которое можно сформулировать следующим образом: это результат проявления нормальных неспецифических реакций социальной организации на воздействие различных неблагоприятных факторов, возникающих при особых условиях и ведущих к нарушению ее способности сохранять имеющееся постоянно внутреннее состояние, которое в совокупности координируется организацией и направлено на поддержание заданного динамического равновесия.

Необходимо также отметить, что устойчивость общества характеризуется способностью социальной организации сохранять стабильность групповых отношений, а также восстанавливаться после воздействия различных негативных факторов.

Социальная организация, используя различные формы саморегуляции, а также поддержания и обеспечения эффективности своей деятельности, должна обладать определенной степенью устойчивости для выполнения возложенных на нее функций в экстремальных ситуациях (особых условиях).

Результаты исследования, проведенного авторами, подтверждают вывод о том, что одним из обязательных условий стабильного развития социальной организации является ее стрессоустойчивость. Поэтому необходимость учета различных факторов, оказывающих влияние на устойчивость социальной организации при нарастании современных угроз общественной безопасности, в настоящее время является актуальным направлением деятельности общества и государства. В этой статье выделим лишь не-

которые из них, имеющие, по нашему мнению, наибольшее значение.

Во-первых, для того чтобы социальная организация могла успешно противостоять стрессовым ситуациям, необходимо создать эффективную правовую базу для регулирования общественных отношений. Это включает в себя разработку и внедрение государственно-правовых механизмов, способных урегулировать власть и управление, а также обеспечить защиту деятельности социальных институтов.

В современном быстро меняющемся мире законы также претерпевают значительные изменения. Чтобы избежать ошибок в их применении, государственные органы должны оперативно реагировать на новые вызовы, с которыми они сталкиваются. Поэтому крайне важно, чтобы нормативные правовые акты охватывали все аспекты общественной жизни, включая особые условия, что обеспечит законность действий как отдельных граждан, так и общества в целом [4].

Во-вторых, важным условием слаженности в работе всех институтов социальной организации при возникновении экстремальных условий являются заблаговременное построение эффективной системы управления, профессиональная подготовленность управленческих кадров, их дифференцированная расстановка в каждом из звеньев управления, а также способность к принятию своевременных, обоснованных управленческих решений для разрешения проблем, возникающих в социуме.

В-третьих, профилактика стрессовых состояний у членов социальной организации является еще одним направлением формирования стрессоустойчивости, как индивидуальной, так и коллективной (групповой). Цели такой профилактики достигаются в процессе тренировки возможного воздействия негативных факторов на личность и социальную организацию в целом, а также в процессе оказания психологической помощи членам социальной организации, необходимой для нормализации и поддержания высокого уровня морально-психологического состояния. Последующая корректировка деятельности, направленной на формирование и поддержание стрессоустойчивости в обществе, осуществляется в интересах поддержания его способности к выполнению возложенных функций в изменяющейся, потенциально опасной обстановке.

В-четвертых, успешности действий личности в экстремальных ситуациях, сохранению способности социальной организации к осуществлению необходимых функций в особых условиях способствует заблаговременное осуществление морально-психологической подготовки, направленной на вы-

работку психологической готовности к действиям в неблагоприятной обстановке, связанной с риском для жизни и здоровья человека, а также развитие способности к адекватному реагированию на стресс и минимизацию его последствий.

В-пятых, на уровень стрессоустойчивости социальной организации существенно влияет техническое состояние и оснащение систем жизнеобеспечения и безопасности на социально значимых объектах, поскольку от их развития и корректного функционирования зависит предотвращение возможных негативных последствий чрезвычайных ситуаций для жизни и здоровья граждан.

Перечисленные нами факторы имеют важное значение для обеспечения стабильности социальной организации и оказывают большое влияние не только на степень индивидуальной стрессоустойчивости личности, но и всего общества в целом. С другой стороны, комплексная взаимосвязь между индивидуальной и коллективной (групповой) стрессоустойчивостью способствует достижению высокого уровня эффективности деятельности социальной организации при выполнении задач в любых условиях обстановки.

В равной степени это положение справедливо для характеристики эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Поэтому выделим основные направления формирования стрессоустойчивости у сотрудников органов внутренних дел для осуществления ими необходимых действий в любых условиях оперативной обстановки.

1. Регулярное проведение с сотрудниками в системе служебной подготовки практических занятий (тренингов) на учебных полигонах, психологических полосах препятствий.

2. Моделирование действий сотрудников в особых условиях при возникновении чрезвычайных ситуаций природного, техногенного или социального характера. Использование этих моделей при проведении занятий с сотрудниками в рамках служебной подготовки.

3. Проведение штабных тренировок, командно-штабных учений, деловых игр в целях формирования готовности сотрудников к эффективным безошибочным действиям при выполнении мероприятий по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в особых условиях обстановки.

4. Организация тренировок (учений) для отработки задач взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти при выполнении задач в особых условиях.

5. Разработка методик морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел в особых условиях, антистрессовая подготовка сотрудников.

6. Обобщение и применение на практике опыта проведения контртеррористической и специальной военной операций при подготовке сотрудников к действиям в особых условиях.

Кроме того, для обеспечения устойчивости общества к стрессу необходимо достижение высокого уровня антистрессовой и профессиональной подготовленности граждан, а также способности институтов общества (органов управления) к реализации эффективных управленческих решений в сложных, экстремальных условиях деятельности.

В завершение сделаем некоторые выводы, которые, конечно, не могут претендовать на концептуальность, но тем не менее отражают научную позицию авторов на определенном термине «стрессоустойчивость общества». В общем виде стрессоустойчивость общества – это такое состояние социальной организации, при котором полностью сохраняется ее способность к саморегуляции и выполнению функций, независимо от возникновения особых условий. В то же время общество должно сохранять стабильность в своей деятельности и быть готовым к эффективному функционированию, несмотря на внешние и внутренние негативные факторы.

Таким образом, стрессоустойчивость российского общества к воздействию современных угроз общественной безопасности – это интегративная характеристика, включающая соответствующие индивидуальные качества входящих в него личностей, а также совокупность правовых, социально-экономических, материально-технических и иных средств, обеспечивающих эффективное осуществление функций социальной организацией при различных изменениях обстановки.

В последнее время произошедшие социально-политические и экономические изменения в Российской Федерации позволили выявить ряд существенных проблем, требующих решения со стороны государственных органов с использованием различных мер поддержки, а также разработать новые программы развития. Это сделает возможным решить имеющиеся проблемы, превратив их в перспективные направления совершенствования стрессоустойчивости общества. К их числу, по нашему мнению, можно отнести не только дальнейшее совершенствование управления институтами государства и социальной организацией в целом, но и модернизацию медицины, развитие структур по оказанию психологической помощи населению, а также поддержку со стороны государства деятельности профильных неправительственных организаций.

Список литературы:

1. Грищенко Л. Л. Современные угрозы национальной безопасности России // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 124–128.
2. Грищенко Л. Л., Княжев В. Б. Война как коммерческий проект : монография. М., 2023. 186 с.
3. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф., Демин Г. И. Стрессоустойчивость в обществе и государстве и роль органов внутренних дел ее формировании // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35). С. 5–9.
4. Коробельникова Ю. Л. К вопросу о правовом содержании понятия стрессоустойчивости общества и государства // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 68-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека. Уфа, 2017. № 2. С. 50–57.
5. Коробельникова Ю. Л. Обеспечение безопасности человека в городе: современное состояние, проблемы и перспективы : монография. М., 2021. 220 с.
6. Матвеева Е. В. Некоторые аспекты изучения факторов экономической и социально-политической стрессоустойчивости в регионе в условиях глобального кризиса / Е. В. Матвеева, Е. В. Гоосен, Е. С. Каган [и др.] // Фундаментальные исследования. 2020. № 8. С. 56–60.

Для цитирования:

Княжев Виктор Борисович, Егоров Константин Анатольевич. Стрессоустойчивость российского общества при нарастании современных угроз общественной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 36–43.

References:

1. Grishchenko L. L. Sovremennye ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii // Academic Thought. 2022. № 4 (21). С. 124–128.
2. Grishchenko L. L., Knyazhev V. B. Vojna kak kommercheskij proekt : monografiya. M., 2023. 186 s.
3. Knyazhev V. B., Majdykov A. F., Demin G. I. Stres-soustojchivost' v obshchestve i gosudarstve i rol' organov vnutrennih del ee formirovanii // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 3 (35). S. 5–9.
4. Korabel'nikova Yu. L. K voprosu o pravovom sodержanii ponyatiya stressoustojchivosti obshchestva i gosudarstva // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 68-j godovshchine so dnya prinyatiya Vseobshchej deklaracii prav cheloveka. Ufa, 2017. № 2. S. 50–57.
5. Korabel'nikova Yu. L. Obespechenie bezopasnosti cheloveka v gorode: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy : monografiya. M., 2021. 220 s.
6. Matveeva E. V. Nekotorye aspekty izucheniya faktorov ekonomicheskoy i social'no-politicheskoy stressoustojchivosti v regione v usloviyah global'nogo krizisa / E. V. Matveeva, E. V. Goosen, E. S. Kagan [i dr.] // Fundamental research. 2020. № 8. S. 56–60.

For citation:

Knyazhev Victor Borisovich, Egorov Konstantin Anatolyevich. Stress Tolerance of Russian Society in the Face of Increasing Modern Threats to Public Safety // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 36–43.

Ульянов Александр Данилович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 35:34

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-44-53

Дата поступления статьи: 2 июля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Культура управления – взгляд руководителя (сравнительный анализ)

Management Culture – a Manager's Perspective (Comparative Analysis)

Аннотация

Актуальность: существующая система кадровой работы с руководящим составом органов внутренних дел сможет обеспечить высокий уровень их компетентности, если в процессе их профессионального роста будет больше внимания уделяться культуре управления.

Постановка проблемы: сложившиеся взгляды руководителей органов внутренних дел за ряд лет (с 2012 г. по 2024 г.) в сравнении дают возможность получить действительную картину изменений в оценке такой важнейшей научно-практической категории, как культура управления, которая оказывает значительное влияние на деятельность органов внутренних дел.

Цель исследования: выявление реального состояния современного восприятия руководящим составом органов внутренних дел ситуации в области культуры управления, являющейся одним из потенциальных резервов повышения эффективности работы руководителя и результатов деятельности органов внутренних дел в целом, определение основных направлений корректировки профессиональной подготовки в системе МВД России.

Aleksandr Danilovich Ul'yanov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Organization of the Activities of the Internal
Affairs Bodies of the Center for Command
and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

Relevance: the existing system of personnel work with the leadership of the internal affairs bodies will be able to ensure a high level of their competence if more attention is paid to the management culture in the process of their professional growth.

Problem statement: the prevailing views of the heads of internal affairs bodies over a number of years (from 2012 to 2024) in comparison make it possible to get a real picture of changes in the assessment of such an important scientific and practical category as management culture, which has a significant impact on the activities of internal affairs bodies.

Purpose of the study: to identify the real state of the current perception of the managerial staff of internal affairs bodies of the situation in the field of management culture, which is one of the potential reserves for improving the effectiveness of the manager and the results of the internal affairs bodies as a whole, to determine the main areas of adjustment of professional training in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Методы исследования: социологический опрос, сравнительный анализ, метод суммарных оценок, контент-анализ ведомственных нормативных актов.

Результаты и ключевые выводы:

1. Обновление стратегии социального и экономического развития государства, новые вызовы и угрозы, которые могут оказать значительное влияние на общественную безопасность и деятельность органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции, постоянного нарастания военного и экономического давления на страну, актуализируют вопросы профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению правоохранительных задач.

2. Управленческие и организационные отношения, которые отличаются высоким динамизмом, обусловленным их нацеленностью на решение текущих и стратегических задач развития страны, требуют обновленной парадигмы служения России, замены во всех сферах государственной и общественной жизни так называемой элиты теми тружениками и воинами, которые в переломные моменты истории делом доказали верность Отечеству, проявили свои лучшие человеческие и профессиональные качества.

3. Сравнительный анализ опросов, проведенных в 2012 г. и в 2024 г. с одинаковым перечнем вопросов для руководящего состава органов внутренних дел, дал возможность свести воедино и выделить сегодняшние позитивно одобряемые тенденции в ключевых характеристиках культуры управления (к ним относятся возросший интерес к знаниям по управлению в условиях обострения ситуации, в сфере современных информационных технологий) и вместе с тем снижение интереса к базовым правовым знаниям, основам рыночной экономики, общей культуре управления.

4. В числе направлений развития культуры управления наиболее значимыми являются повышение общего культурного уровня, которое предполагает сохранение и упрочение позитивных жизненных принципов, убеждений, основополагающих идей, развитие свойств, выраженных в способности к творческой реализации своих возможностей; расширение знаний и совершенствование навыков в сфере современных информационных технологий, по управлению в условиях обострения ситуации; усиление внимания к обучению качественно новым знаниям и навыкам, связанным со стратегическим руководством в условиях обострения оперативной обстановки; упрочение таких базовых качеств, как настойчивость в достижении цели, умение доводить дело до конца; готовность вести за собой личным примером.

Ключевые слова: культура; управление; новые угрозы; профессиональная готовность; руководитель; модель культуры; компоненты; результативность труда; инновационные технологии.

Research methods: sociological survey, comparative analysis, method of summarized assessments, content analysis of departmental normative acts.

Results and key conclusions:

1. Updating the strategy of social and economic development of the state, new challenges and threats that can have a significant impact on public safety and the activities of internal affairs bodies in the context of a special military operation, the constant increase in military and economic pressure on the country, actualizes the issues of professional readiness of the staff of the bodies internal affairs to perform law enforcement tasks.

2. Managerial and organizational relations, which are characterized by high dynamism due to their focus on solving the current and strategic tasks of the country's development, require an updated paradigm of service to Russia, replacing the so-called elite in all spheres of state and public life with those workers and warriors who, at crucial moments in history, They proved their loyalty to the Fatherland, showed their best human and professional qualities.

3. A comparative analysis of the questions conducted in 2012 and in 2024 on the same list of issues for the management of internal affairs bodies made it possible to bring together and share current positively approved trends in key characteristics of the management culture (these include an increased interest in management knowledge in the context of an escalating situation, in the field of modern information technologies) and, at the same time, a decrease in interest in basic legal knowledge, the basics of a market economy, and general management culture.

4. Among the areas of management culture development, the most significant are the improvement of the general cultural level, which involves the preservation and consolidation of positive life principles, beliefs, fundamental ideas, the development of properties expressed in the ability to creatively realize their capabilities; the expansion of knowledge and skills improvement in the field of modern information technologies, management in conditions of aggravation of the situation; increased attention to learning qualitatively new knowledge and skills related to strategic leadership in an escalating operational environment; strengthening of such basic qualities as perseverance in achieving goals, the ability to finish things; willingness to lead by personal example.

Keywords: culture; management; new threats; professional readiness; manager; cultural model; components; labor efficiency; innovative technologies.

Изучение проблемы культуры управления как основы формирования деятельности руководителей в системе государственной службы позволяет выделить ее как категорию, характеризующую уровень овладения специфическим видом трудовой деятельности в любой сфере общественного производства [11, с. 153]. Ее критерием является реальное состояние управленческих и организационных отношений в конкретных социально-временных и социально-пространственных условиях.

Современные условия характеризуются новыми угрозами и опасностями, связанными с проведением специальной военной операции и постоянно нарастающим военным и экономическим давлением на страну, которые могут оказать значительное влияние на деятельность органов внутренних дел. Сегодня нужны руководители с обновленными знаниями и пониманием того, какие меры и методы эффективны в предотвращении попыток дестабилизации и разрушения единства российского общества, управления правоохранительной системой при резком осложнении оперативной обстановки [4, с. 60–63]. Актуализируется вопрос защиты базовых духовно-нравственных ориентиров и современных требований к качественному профессиональному потенциалу государственных служащих, их морально-психологической готовности работать в новых условиях. Управленческие и организационные отношения отличаются высоким динамизмом, обусловленным их нацеленностью на решение текущих проблем развития страны. Так, в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию намечена парадигма замены так называемой элиты теми тружениками и воинами, кто в переломные моменты истории служит России: «Они и должны выходить на ведущие позиции и в системе образования и воспитания молодежи, и в общественных объединениях, в госкомпаниях, бизнесе, в государственном и муниципальном управлении, возглавлять регионы, предприятия в конечном итоге, самые крупные отечественные проекты»¹.

В целом, разделяя точку зрения Д. Г. Передни [8, с. 126; 9, с. 52, 66], культуру управления можно определить в качестве интегративного явления, отражающего особенности трудовой деятельности руководящего состава как профессионального труда и как социально-нравственного института, поскольку вопросы формирования профессионального корпуса, дисциплины, законности и воспитания личного состава в настоящее время выделены в число приоритетных. По существу, культура управления как категория включает в себя

системные элементы, основными из которых являются профессиональные знания об управляемом объекте, перспективах его развития, модели, подходы, методы и приемы управления, высокий уровень организаторских способностей и навыков в области управления, способность к публичному выступлению, стиль делового общения при условии соблюдения этических и нравственных норм, иными словами, все то, что характеризует глубинное содержание управления [2, с. 51].

Более глубокое понимание сущности и содержания многокритериальной модели культуры управления возможно при рассмотрении ее структурных составляющих. Структурно-содержательное определение культуры управления включает в себя сложнотерминированный комплекс профессиональных, деловых и личностных свойств руководителя. При исследовании на структурном уровне выделяются основные компоненты культуры управления руководителя в территориальных органах МВД России, интегрирующие в себе элементы интеллектуальной и практической деятельности, которые характеризуют имеющийся уровень развития управленческих способностей должностного лица, его способности мышления (таблица 1).

Данный подход дает возможность систематизировать структурно-иерархические взаимосвязи такого феномена, как культура управления, позволяет охарактеризовать эффективности управленческой деятельности, определить характер взаимодействия субъектов и объектов управления, степень интеллектуализации управленческого труда, инновационный потенциал управленческой культуры. Причем комплекс социально значимых характеристик и требований к культуре управления имеет общее и специфичное в зависимости от уровня управления, занимаемой руководящей должности, условий, в которых формируются навыки управленческой деятельности, от иных факторов, конкретизирующих установки концептуальной среды².

Прежде чем разрабатывать рекомендации, какой должна быть культура управления в ОВД, необходимо выяснить, какова она есть в настоящее время. Необходимость приведения управленческого ресурса МВД России в соответствие требованиям новой социальной реальности ставит вопрос проработки обозначенной проблемы. Именно с указанных позиций с 2009 по 2012 г. в Академии управления МВД России проводились исследования состояния и тенденций развития культуры управленческого труда, основанные на сбо-

¹ Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. // СПС Консультант-Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 03.03.2024).

² Концептуальная среда представляет собой пространственно-временное существование и жизнедеятельность человека в обществе, государстве, которая включает в себя множество взаимодействующих между собою сфер: социально-политической, правовой, экономической, культурной, идеологической, научно-технической, информационно-психологической, экологической, иной.

Таблица 1

Основные компоненты культуры управления и их содержание

№	Компоненты	Содержание компонентов культуры управления руководителя
1	профессионально-технологический	наличие знаний, методического опыта и мастерства; практические умения и навыки руководителя; способность к использованию логики управленческого труда и выработке на ее основе способов и приемов управления; высокая организованность в управлении служебным коллективом; использование в работе современных инновационных технологий управления; умение прогнозировать ход событий и быстро ориентироваться в обстановке повышенной сложности
2	мотивационно-целевой	ценностные ориентации, мотивы и интересы, ориентиры в решении управленческих задач; потребность в их успешном осуществлении, стремление к достижению коллективом, организацией успеха
3	коммуникативный	культура управленческого общения, способность к позитивному взаимодействию с подчиненными и коллективом, умение осуществлять коммуникативные взаимодействия с целью сохранения позитивного имиджа подразделения, органа внутренних дел; умение корректировать свое эмоциональное состояние с учетом конкретной ситуации; применение многовариантных подходов к проблеме распознавания и учета мотивации сотрудников

ре эмпирических сведений, в которых участвовали 498 респондентов, являющихся слушателями факультета подготовки руководителей территориальных органов внутренних дел очной и заочной форм обучения [5, с. 79].

Методический потенциал данного экспресс-исследования базируется на эмпирическом методе сравнения как способе сопоставления двух и более объектов (событий, фактов, аналитических результатов), выявления общего и отличительного (сходства и различия) в явлениях и процессах, необходимых для познания объективной действительности. Исследование проводилось методом опроса «ручным» анкетированием, а также с помощью системы Google Формы – онлайн-инструмента, при использовании которого можно со-

ставлять опросы, а также анализировать их результаты. В опросе приняли участие представители высшего и среднего начальствующего состава 2-го факультета (факультета подготовки управленческих кадров) и Высших академических курсов (далее – ВАК) Академии управления МВД России. С использованием системы Google Формы было получено 74 ответа слушателей 2-го факультета и 56 ответов представителей ВАК.

Минимально взятый объем выборочной совокупности говорит о том, что в экспресс-исследовании участвовали респонденты, которые прошли службу в основном в территориальных органах МВД России районного уровня (54,8 %). В территориальных органах регионального уровня работали 31,5 % опрошенных (рисунок 1).

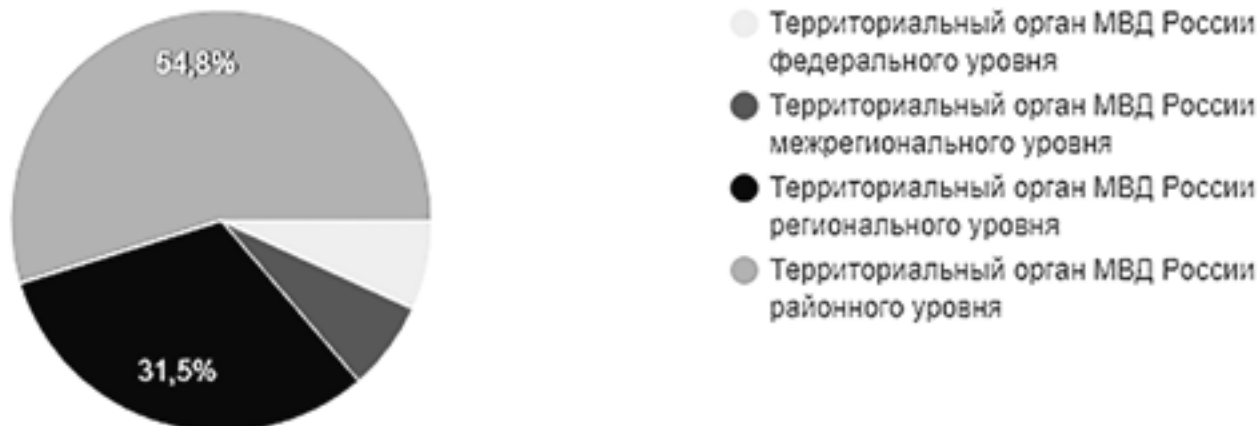

Рис. 1. Характеристика участников экспресс-опроса по месту службы

Таблица 2

**Ответы респондентов о важности знаний,
востребованных в современный период (сравнительный анализ)**

№	Варианты ответов на вопрос (допускается не более пяти ответов)	2012 г.	2024 г.
		%	
1	По управлению персоналом	79,3	68,9
2	По праву	73,4	40,5
3	По стратегическому управлению	56,5	52,7
4	По культуре делового общения	53,8	44,6
5	По управлению в условиях обострения ситуации	49,5	56,8
6	В области современных информационных технологий	46,2	48,6
7	В финансовой области	29,9	16,2
8	По инновационному менеджменту	27,7	16,2
9	В области политических процессов	27,2	10,8
10	По основам рыночной экономики	21,7	5,4

Их общий стаж работы (79,7 % проработали в подразделениях ОВД свыше 15 лет) говорит о достаточном опыте практической деятельности, что свидетельствует о достоверности полученных ответов на вопросы анкеты. Кроме того, о представительности говорит тот факт, что респонденты обладают достаточным опытом руководящей работы, практической работы на должности (51,4 % – руководители подразделений ОВД, 32,4 % – заместители начальника).

Концептуальный подход к исследованию заключается в том, что результативность труда руководителей любых уровней территориальных органов МВД России с возможно наименьшими ресурсными затратами ставится в зависимость не только от объективных, но и в большинстве случаев от субъективных факторов управленческого процесса, неразрывно связанных с базовыми характеристиками культуры

управления, преломленными через индивидуальные качества субъекта деятельности. Вопросы сводились к тому, как должен быть организован процесс управления, какие свойства должны преобладать у всех руководителей, носителями каких ценностных ориентаций они должны являться, каким формальным и неформальным нормам соответствовать.

Эти насущные вопросы имеют важное значение и также актуальны на сегодняшний день, как и десять, двадцать, тридцать лет назад. Чтобы полноценно применить ресурс прежних эмпирических исследований, используем вторичные данные, в том числе для проверки собственных измерений. При ответе на вопрос: какие знания сегодня наиболее востребованы руководителями ОВД, были получены следующие ответы (таблица 2).

Переведем «сухой» цифровой формат в графический вид (рисунок 2).

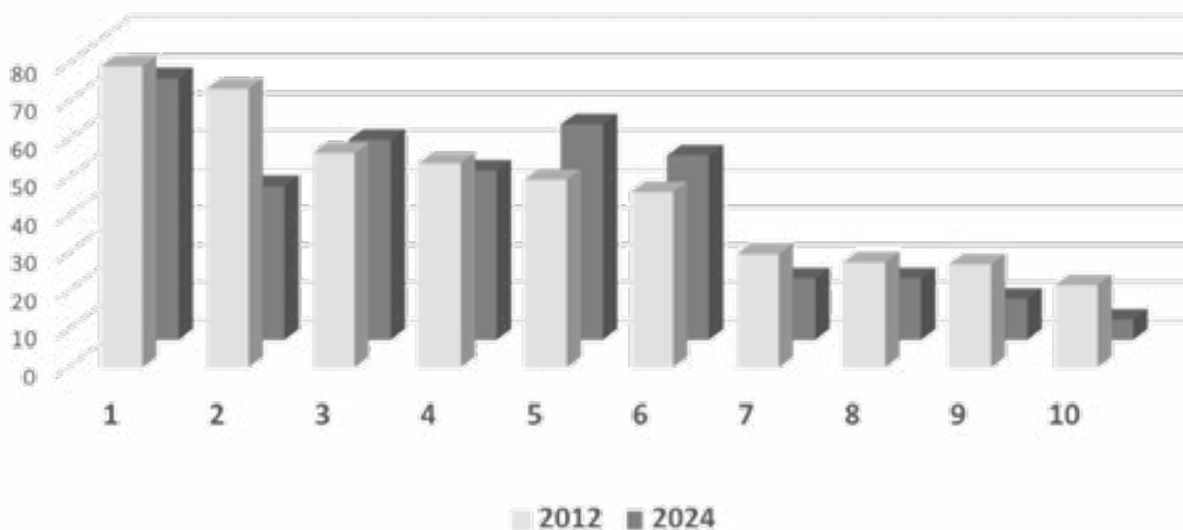

Рис. 2. Сравнительные характеристики (2012 г., 2024 г.) вариантов ответов респондентов

На диаграмме, представляющей сравнительные характеристики ответов респондентов о важности знаний, которые сегодня наиболее востребованы руководителями ОВД, прежде всего заметно уменьшение интереса в получении знаний по праву (на – 55,1%), то есть базовых познаний в сфере регулирования нормами права всех сторон общественных отношений (п. 2). С одной стороны, в современных условиях существуют информационные справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», СТРАС «Юрист», иные базы данных, которые, несомненно, облегчают поиск нормативных правовых актов и комментариев к ним. С другой стороны, и это следует подчеркнуть, правоохранительная сфера затрагивает чрезвычайно важные стороны человеческого бытия, защищает людей от произвола, общество и государство от преступных посягательств. Руководящему составу органов внутренних дел крайне важно знание правовых норм, их категориально-понятийного аппарата и правильное применение в реальных условиях.

В настоящее время в системе МВД России происходят коррекция и обновление нормативной базы, касающейся правового регулирования деятельности на вновь образованных территориях Российской Федерации, постоянное наращивание готовности подразделений к решению оперативно-служебных задач в условиях чрезвычайных ситуаций, резкого осложнения оперативной обстановки, попыток дестабилизации и раскола единства российского общества изнутри. Президент Российской Федерации В. В. Путин, обращаясь к личному составу подразделений МВД России на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г., в заключительном слове отметил, что «вы должны обеспечить нормальную жизнь для рядового гражданина России, но сами должны работать в условиях, близких к условиям военного времени»³.

Сравнительный анализ ответов респондентов дает основания говорить о верном понимании руководителями ОВД необходимости обладания умениями и навыками управления в условиях обострения ситуации (п. 5). В системе МВД России реализуется комплекс мер по повышению готовности личного состава в том числе к деятельности в особых условиях. Осуществляется работа по обеспечению введенных особых правовых режимов и различных уровней реагирования, организуются практические занятия с выездом на полигоны и стрельбища⁴.

³ Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 03.04.2024).

⁴ Из выступления Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева

Следует обратить внимание на возросшую востребованность знаний опрошенных в области современных информационных технологий (п. 6). Специфика современной управленческой деятельности обусловлена активным использованием цифровых логико-аналитических технологий, освоением прогрессивных мультимедийных устройств восприятия и озвучивания, дающим возможность расширения не только логического анализа, но и образного восприятия. В то же время отмечено снижение интереса к инновационному менеджменту (п. 8).

По существу, речь идет о внедрении инновационных технологий в управленческую деятельность органов внутренних дел, что несет в себе не только общенациональную значимость, но и имеет социальное содержание. С одной стороны, органы внутренних дел не могут находиться в стороне от глобальных процессов государственного и общественного преобразований, с другой – инновации становятся одним из основных средств совершенствования деятельности органов внутренних дел в противодействии преступности. Инновация представляет собой поиск новых решений старых проблем, или внедрение «будущего» в «настоящее», которое, безусловно, связано с вмешательством в целостность организационных систем, и попытку проектирования сбалансированности интересов субъектов данных систем в решении стратегических и оперативных правоохранительных задач [6, с. 150].

Одним из направлений внедрения инноваций в организацию управленческого труда в органах внутренних дел являются технологические преобразования процесса управления, которые связаны прежде всего с широким распространением компьютерных технологий в рамках цифровой трансформации. МВД России принимает активное участие в реализации концепции цифровой трансформации государственного управления. Введение в эксплуатацию единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел (ИСОД МВД России) позволило перевести управленческую деятельность Министерства на цифровую платформу. Обеспечен доступ к информационным ресурсам ИСОД МВД России зарегистрированных пользователей со своих автоматизированных рабочих мест, подключенных к интегрированной мультисервисной телекоммуникационной сети (ИМТС). Рассмотрим мнения респондентов при их оценке приоритетности качеств руководителей, необходимых для организации работы подразде-

на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 03.04.2024).

Таблица 3

**Ответы респондентов о шкале свойств,
необходимых для эффективного управления и лидерства в коллективе
(сравнительный анализ)**

№	Варианты ответов на вопрос	2012 г. %	2024 г. %
1	Настойчивость в достижении цели, умение доводить дело до конца	64,1	64,9
2	Справедливость	56,5	56,8
3	Опыт управленческой работы	53,3	37,8
4	Готовность вести за собой личным примером	47,3	56,8
5	Большой, нежели у других сотрудников, объем специальных знаний	39,1	21,6
6	Требовательность к себе, самокритика	38,6	36,5
7	Самообладание, выдержка	37,5	27,0
8	Решительность	33,2	31,1
9	Общий культурный уровень	31,0	13,5
10	Нравственные принципы	31,0	23,0
11	Требовательность к другим	22,8	18,9
12	Такт в общении с сотрудниками	20,7	23,0
13	Жесткость в принятии и выполнении решений	13,0	17,6
14	Готовность к риску ради интересов дела	8,7	8,1

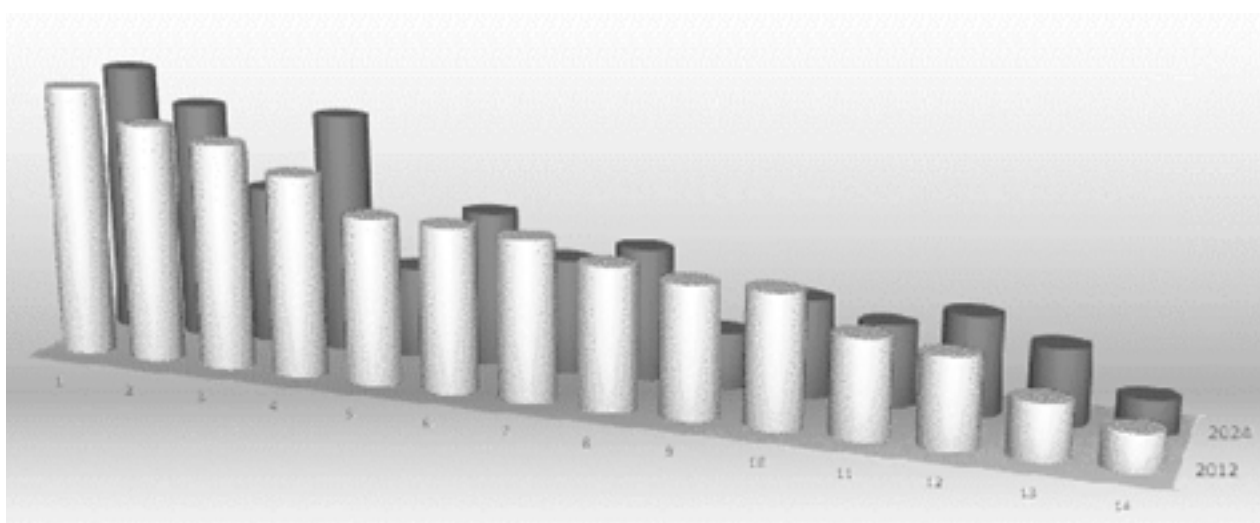

Рис. 3. Сравнительные характеристики (2012 г., 2024 г.) вариантов ответов респондентов

ления, органа внутренних дел (таблица 3). Вопрос сформулирован следующим образом: что, на Ваш взгляд, необходимо для эффективного управления и лидерства в коллективе?

Отобразим цифровой формат таблицы в более доступную графическую форму восприятия (рисунок 3).

Качества руководителя, представленные в табличном формате, в целом и составляют компоненты культуры управления. Можно отметить определенную стабильность взглядов опрошенных руководителей на основные ориентиры эф-

фективного управления и лидерства в коллективе. Такие свойства руководителя, как настойчивость в достижении цели, умение доводить дело до конца, готовность вести за собой личным примером, дают основания говорить о преемственности в служении обществу, государству. Тем не менее обращает на себя внимание нынешнее мнение респондентов (п. 3), связанное со снижением требований к опыту управленческой работы как условия эффективного управления и лидерства в коллективе (2012 г. – 53,7 %; 2024 г. – 37,8 %). Управленческий опыт скла-

дывается из умений и навыков, которые приобретаются на руководящей должности, когда должностное лицо из начальника превращается в лидера коллектива, решая задачи оперативно-го и стратегического характера.

Особенно это важно, как сказано в решении коллегии МВД России от 30 мая 2023 г. № 2км⁵, в условиях проведения специальной военной операции, которая послужила основанием для начала комплексной работы по обеспечению готовности личного состава к выполнению оперативно-служебных задач в период действия специальных правовых режимов. Коллегия отмечает наличие нерешенных проблем, связанных с уровнем профессионального мастерства, который в полной мере отвечает складывающимся реалиям, что создает риски невыполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел при их функционировании в особых условиях. Профессиональное мастерство, искусство управления, также как и профессиональная культура управления, приобретаются с опытом работы.

Статья 9 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ⁶ в квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел включает в том числе и требования к стажу (опыту) работы. В п. 77 приказа МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50⁷ отмечается, что кандидаты на начальствующие должности в подразделениях, органах внутренних дел должны соответствовать квалификационным требованиям, в число которых входит стаж (опыт) работы по специальности, профессиональные знания и навыки.

Снижение внимания к наличию опыта управленческой работы свидетельствует в целом о недооценке учета опыта прошлых лет, отражающего существенные моменты правоохранительной деятельности, преемственности опыта работы отдельных руководителей, которые сумели в сложных условиях функционирования системы МВД сохранить профессионализм сотрудников, поддержать имидж органов внутренних дел как части государственного аппарата, способного решительно и результативно противостоять преступности [10, с. 139].

Также требуют осмысления взгляды респондентов о необходимых качествах эффективного управления и лидерства в коллективе, связанных с наличием у руководителей общего высокого

культурного уровня (п. 9). В 2012 г. свыше одной трети опрошенных отмечали важность данного компонента культуры управления. В 2024 г. лишь 13,5 % отметили значимость указанного параметра. В целом, общий культурный уровень предполагает наличие у человека качеств, которые выражаются в способности к творческой реализации своих возможностей, поступков, мыслей, чувств, основанных на социальных ценностях, выработанных всем ходом развития человечества. К ним относится совокупность жизненных принципов, убеждений, основополагающих идей, а также культура общения, отдыха, семейных и дружеских отношений.

Тревожный тренд снижения общего культурного уровня («антикультурная тенденция») отмечается и другими исследователями [7, с. 67–71; 3, с. 45–51; 1, с. 3–5], что, безусловно, сказывается на развитии интеллектуальных, творческих, нравственных, физических потребностей общества. В своем выступлении на пленарной сессии XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что российская цивилизация существует только в своей целостности, в духовном и культурном богатстве и сохранять прочное единство является непростой задачей⁸. Профессиональная управленческая деятельность в любой сфере должна опираться не только на узкоконкретные знания и навыки, но и на более широкие мировоззренческие представления о социальном мире и человеке.

Общий подход к формированию управленческого аппарата государственного органа утвержден Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 96⁹, где наряду с профессиональным уровнем учитываются и личностные качества претендента. Этический кодекс государственного служащего включает в себя основные компоненты уровня культуры общения, управления. Требования учета личных качеств отражены в Положении о кадровом резерве МВД России¹⁰, обозначены в Кодексе этики и служебного поведения¹¹, определяющем государственно-правовой статус сотрудника, включая лиц, замещающих должности руководящего состава. Существует ряд приказов МВД России, регламентирующих

⁵ Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 2 км : приказ МВД России от 3 июля 2023 г. № 480.

⁶ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ : в ред. от 26 февраля 2024 : принят Гос. Думой 17 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации 25 ноября 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁷ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 : в ред. от 30 января 2023 г.

⁸ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 03.04.2024).

⁹ Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа, кадровом резерве органа публичной власти федеральной территории : Указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2017 г. № 96 : в ред. от 1 марта 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 10. Ст. 1473.

¹⁰ Об утверждении Положения о кадровом резерве Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 июня 2023 г. № 363.

¹¹ Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 : в ред. от 2 мая 2023 г.

отдельные стороны служебной деятельности в части культуры управления, формирования и поддержания позитивных свойств должностных лиц, позволяющих эффективно выполнять служебные задачи в повседневных и особых условиях¹².

Анализируя итоги проведенного опроса руководящего состава органов внутренних дел, можно выделить сегодняшние позитивные тенденции в определении ключевых характеристик культуры управления в сравнении с мнением десятилетней давности. К ним относится возросший интерес к знаниям по управлению в условиях обострения ситуации, в сфере современных информационных технологий. Вместе с тем отмечается снижение интереса к базовым правовым знаниям, а также основам рыночной экономики.

Сегодня востребованы руководящие кадры новой формации, которые являются не только профессионалами, умеющими руководить службами и подразделениями органов внутренних дел, личным составом, но и могут выступать как проводники инновационной деятельности, способные мыслить масштабно, прогнозировать развитие событий, готовые в интересах службы работать в иной местности, решительно действовать в условиях обострения ситуации, вырабатывать способы конструктивного решения проблем, возникающих в процессе управления. Несоответствие личностных и профессионально значимых качеств руководителей запросам времени, недостатки культуры управления, ее несформированность в значительной степени предопределяют существующие сегодня пробелы в противодействии преступности, в том числе факты нарушений должностными лицами органов внутренних дел дисциплины и законности.

Анализ ведомственных нормативных актов, регулирующих вопросы профессионального роста руководящего состава органов внутренних дел, в той или иной мере касающихся культуры управления¹³, позволяет утверждать о прора-

ботанности вопроса подготовки резерва для работы на руководящих должностях. Речь, скорее всего, должна идти о недостаточной эффективности реализации положений нормативных документов. В современных условиях управленческий вектор должен быть смещен в сторону повышения качества профессиональной деятельности, составной частью которой является культура управления, том числе при выполнении задач в особых условиях.

Многогранное понимание культуры управления, которая включает общую культуру руководящего состава, позволяет скорректировать проблематику профессиональной подготовки в целом. Совершенствование культуры управления в ОВД является одним из потенциальных резервов повышения эффективности работы руководителя. В числе направлений развития культуры управления, которые могут дать реальный положительный результат, наиболее значимыми, по данным проведенного исследования, являются повышение общего культурного уровня, которое предполагает сохранение и упрочение позитивных жизненных принципов, убеждений, основополагающих идей, развитие свойств, выраженных в способности к творческой реализации своих возможностей; расширение знаний и совершенствование навыков в сфере современных информационных технологий, управления в условиях обострения ситуации; освоение качественно новых знаний и навыков, связанных со стратегическим руководством в условиях обострения оперативной обстановки; развитие таких базовых качеств, как настойчивость в достижении цели, умение доводить дело до конца; готовность вести за собой личным примером.

¹² Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 : в ред. от 3 июня 2022 г.

¹³ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России

от 1 февраля 2018 г. № 50 : в ред. от 30 января 2023 г.; Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений : приказ МВД России от 12 января 2021 г. № 5 : в ред. от 15 июня 2023 г.; Об утверждении Типового положения о подразделении по работе с личным составом территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне : приказ МВД России от 20 декабря 2022 г. № 975; Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44.

Список литературы:

1. *Валеева Ю. Р.* Культурный уровень молодежи: образ и реальность // Ноябрьские правовые чтения: воспитание, этика, культура. Альманах лектория : материалы региональных (межвузовских) науч.-практ. конф. Красноярск, 2020. Вып. 1.
2. *Голубев В. Л.* К понятию культуры управления // Индивидуальная управленческая кон-

References:

1. *Valeeva Yu. R.* Kul'turnyj uroven' molodezhi: obraz i real'nost' // Noyabr'skie pravovye chteniya: vospitanie, etika, kul'tura. Al'manah lektoriya : materialy regional'nyh (mezhvuzovskih) nauch.-prakt. konf. Krasnoyarsk, 2020. Vyp. 1.
2. *Golubev V. L.* K ponyatiyu kul'tury upravleniya // Individual'naya upravlencheskaya koncepciya rukovoditelya: psihologicheskie aspekty : materialy

- цепция руководителя: психологические аспекты : материалы III республиканской науч.-практ. конф. Минск, 2022.
3. *Зайнетдинова Ю. Д., Ковальчук Е. А.* Развитие культурного уровня периферийных городов при помощи цифровых технологий // Цифровые технологии: настоящее и будущее : сборник статей Национальной науч.-практ. конф. с международным участием. Тольятти, 2022.
  4. *Князев В. Б., Грищенко Л. Л., Егоров К. А.* О современных подходах к подготовке управленческих кадров органов внутренних дел для решения задач специальной военной операции // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65).
  5. *Конеvская О. Ю.* Современное состояние управленческой культуры в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29).
  6. *Конко З. У.* Инновации как основа развития системы профессиональной подготовки кадров МВД России // Документ в современном обществе: на пути к междисциплинарному изучению : материалы XV Всероссийской студенческой науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2022.
  7. *Омаров М. М., Омарова М. М.-Г.* Современная проблема оценки культурного уровня студенческой молодежи // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 17. № 1.
  8. *Передняя Д. Г.* Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Московского лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846).
  9. *Передняя Д. Г.* Управленческая культура органов внутренних дел Российской Федерации: концепция, состояние, факторы развития : дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2023.
  10. *Семенов А. И., Казарцева Г. А.* Управленцы высшего звена МВД: личности и реформы // Проблемы права. 2017. № 2 (61).
  11. *Филимонцев Н. М., Степанова Е. Н.* Культура управленческой деятельности в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46).
  - III respublikanskoj nauch.-prakt. konf. Minsk : Akademiya MVD, 2022.
  3. *Zajnetdinova Yu. D., Koval'chuk E. A.* Razvitie kul'turnogo urovnya periferijnyh gorodov pri pomoshchi cifrovyyh tekhnologij // Cifrovye tekhnologii: nastoyashchee i budushchee : sbornik statej Nacional'noj nauch.-prakt. konf. s mezh-dunarodnym uchastiem. Tol'yatti, 2022.
  4. *Knyazhev V. B., Grishchenko L. L., Egorov K. A.* O sovremennyh podhodah k podgotovke upravlencheskih kadrov organov vnutrennih del dlya resheniya zadach special'noj voennoj operacii // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 1 (65).
  5. *Konevskaya O. Yu.* Sovremennoe sostoyanie upravlencheskoj kul'tury v organah vnutrennih del // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 1 (29).
  6. *Konko Z. U.* Innovacii kak osnova razvitiya sistemy professional'noj podgotovki kadrov MVD Rossii // Dokument v sovremennom obshchestve: na puti k mezhdisciplinarnomu izucheniyu : materialy XV Vserossijskoj studencheskoj nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 2022.
  7. *Omarov M. M., Omarova M. M.-G.* Sovremennaya problema ocenki kul'turnogo urovnya studencheskoj molodezhi // Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences. 2023. T. 17. № 1.
  8. *Perednya D. G.* Upravlencheskaya kul'tura i kul'tura upravleniya: k voprosu o razgranichenii ponyatij // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2022. Vyp. 1 (846).
  9. *Perednya D. G.* Upravlencheskaya kul'tura organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: koncepciya, sostoyanie, faktory razvitiya : dis. ... d-ra sociol. nauk. Moskva, 2023.
  10. *Semenov A. I., Kazarceva G. A.* Upravlenцы vysshego zvena MVD: lichnosti i reformy // Issues of Law. 2017. № 2 (61).
  11. *Filimoncev N. M., Stepanova E. N.* Kul'tura upravlencheskoj deya-tel'nosti v organah vnutrennih del // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia . 2010. № 2 (46).

Для цитирования:

Ульянов Александр Данилович. Культура управления — взгляд руководителя (сравнительный анализ) // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 44–53.

For citation:

Ul'yanov Aleksandr Danilovich. Management Culture - a Manager's Perspective (Comparative Analysis) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 44–53.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Маллекер Диана Ивановна,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: diana1999z@mail.ru

Diana Ivanovna Malleker,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: diana1999z@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.3/.7

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-54-66

Дата поступления статьи: 26 декабря 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона

Drug Propaganda: a Predictive Assessment of the Results of Criminalization and Prospects for Improving the Criminal Law

Аннотация

Актуальность исследования: ежегодное увеличение наркотизации населения повлекло за собой многократные попытки законодателя криминализировать вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков, которые завершены принятием в 2024 г. Федерального закона № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым с 1 сентября 2025 г. вступит в силу ст. 230.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за пропаганду наркотиков. Результат криминализации требует научного подхода в прогностической оценке признаков нового состава преступления, а также выявления вероятных проблем уголовно-правовой квалификации по нему и решения задачи совершенствования уголовного закона.

Abstract

Relevance: the annual increase in drug use of the population has led to repeated attempts by the legislator to criminalize involvement in drug use and trafficking, which were completed by the adoption in 2024 of Federal Law No. 226-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, according to which On September 1, 2025, Article 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes responsibility for drug propaganda, will come into force. The result of criminalization requires a scientific approach in predicting the signs of a new crime, as well as identifying possible problems of criminal law qualification for it and solving the problem of improving the criminal law.

Problem statement: the construction of the objective side of the corpus delicti under art. 230.3 of

Постановка проблемы: конструкция объективной стороны состава преступления по ст. 230.3 УК РФ не вполне отвечает потребностям криминализации общественно опасных деяний, связанных с вовлечением в употребление и незаконный оборот наркотиков и, прежде всего, с пропагандой их немедицинского потребления или незаконной рекламой, а равно интернет-ресурсов, используемых в целях их распространения, являющихся основными формами осуществления вовлечения и остающихся за рамками уголовно-правовой реакции.

Цель исследования: разработать оптимальную модель криминализации вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков, осуществляемого в формах пропаганды их немедицинского потребления либо незаконной рекламы, включая информацию об интернет-ресурсах, используемых в целях распространения запрещенных средств и веществ.

Методы исследования: изучение документов, которые сопровождали законодательные инициативы по криминализации пропаганды наркотиков, было применено в целях оценивания результатов законотворчества; герменевтический анализ, а также доктринальное толкование – при уяснении значения конструкций уголовного закона; опрос экспертов – в целях выявления проблем квалификации пропаганды немедицинского потребления или незаконной рекламы наркотиков и интернет-ресурсов, используемых для их распространения, необходимости совершенствования уголовного закона в указанной части. Эмпирическая база: стандартизированное анкетирование 251 сотрудника подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на районном, окружном и региональном уровнях (у 19,8 % из них стаж службы в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков менее 5 лет; у 16,9 % – от 5 до 10; у 23 % – от 10 до 15; у 21,8 % – от 15 до 20; у 18,5 % – более 20), а также 10 сотрудников Следственного департамента МВД России (у 30 % из них стаж службы в соответствующих подразделениях менее 5 лет; у 20 % – от 5 до 10; у 10 % – от 10 до 15; у 20 % – от 15 до 20; у 20 % – более 20) и анализ 115 судебных решений и приговоров по ст. 230 УК РФ (в период с 2018 г. по 2024 г. включительно) по проблемам квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков по действующему УК РФ, 25 сотрудников Управлений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на региональном уровне (у 20 % стаж службы в соответствующих подразделениях менее 5 лет; у 12 % – от 5 до 10; у 20 % – от 10 до 15; у 28 % – от 15 до 20; у 20 % – более 20) – об уязвимостях конструкции вводимой ст. 230.3 УК РФ. Респон-

the Criminal Code of the Russian Federation does not fully meet the needs of criminalization of socially dangerous acts related to involvement in the use and trafficking of drugs, and, above all, with the promotion of their non-medical consumption or illegal advertising, as well as Internet resources used for their dissemination, which are the main forms of involvement and remaining outside the scope of the criminal law reaction.

The purpose of the study is to develop an optimal model for criminalizing involvement in drug use and trafficking, carried out in the form of propaganda of their non-medical use or illegal advertising, including information about Internet resources used to distribute prohibited drugs and substances.

Research methods: the study of documents that accompanied legislative initiatives to criminalize drug propaganda was applied in order to evaluate the results of lawmaking; hermeneutic analysis, as well as doctrinal interpretation, in clarifying the meaning of criminal law constructions; a survey of experts in order to identify problems in the qualification of propaganda of non-medical use or illegal advertising of drugs and Internet resources used for their dissemination, the need to improve the criminal law in this part. Empirical base: standardized survey of 251 employees of drug control units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district, district and regional levels (19.8% of them have less than 5 years of service in drug control units; 16.9% – from 5 to 10; 23% – from 10 to 15; 21.8% – from 15 to 20; 18.5% – more than 20), as well as 10 employees of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia (30% of them have less than 5 years of service in the relevant departments; 20% – from 5 to 10; 10% – from 10 to 15; 20% – from 15 to 20; 20% have more than 20) and an analysis of 115 court decisions and sentences under Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation (from 2018 to 2024 inclusive) on the qualification of crimes in the field of drug trafficking under the current Criminal Code of the Russian Federation, 25 employees of Drug Control Departments of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the regional level (20% have less than 5 years of service in the relevant departments; 12% have from 5 to 10; 20% have from 10 to 15; 28% have from 15 to 20; 20% have more than 20) – about the vulnerabilities of the design introduced by art. 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The respondents assessed their activities in initiating and investigating criminal cases over the entire period of service in the relevant units.

The results and key conclusions: the introduction of criminal liability for drug propaganda, which is one of the main ways of involvement in their use and trafficking, does not fully meet the needs of criminalization of these socially dangerous activities. The construction of Article

денты оценивали свою деятельность по возбуждению и расследованию уголовных дел за весь период прохождения службы в соответствующих подразделениях.

Результаты и ключевые выводы: введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, являющуюся одним из основных способов вовлечения в их употребление и незаконный оборот, не вполне удовлетворяет потребностям криминализации указанной общественно опасной деятельности. Конструкция ст. 230.3 УК РФ оставляет за рамками уголовно-правовой реакции общественно опасные формы деяний, связанные с пропагандой немедицинского потребления и незаконной рекламой наркотиков, а равно интернет-ресурсов, используемых для их распространения. Использование в конструкции состава преступления ст. 230.3 УК РФ административной преюдиции и недостаточная проработка данной составляющей в новой редакции ст. 6.13 КоАП РФ, наряду с перечисленными признаками объективной стороны, также затруднят и привлечение к уголовной ответственности участников организованных преступных групп. В предмет ст. 230.3 УК РФ не были включены отдельные виды наркотиков. Предлагается авторская редакция названия и содержания ст. 230.3 УК РФ, которая учитывает рассогласованность конструкции «пропаганда наркотиков», при этом допуская криминализацию пропаганды их немедицинского потребления либо незаконной рекламы, а равно интернет-ресурсов, используемых в целях их незаконного распространения. Применение информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, предлагается предусмотреть как квалифицирующий признак состава преступления.

Ключевые слова: криминализация; преступное вовлечение; наркотики; употребление; незаконный оборот; квалификация; пропаганда; реклама.

230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation leaves out the scope of criminal legal reaction socially dangerous forms of acts related to the promotion of non-medical consumption and illegal advertising of drugs, as well as Internet resources used for their distribution. The use of corpus delicti in the construction of art. 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation of administrative prejudice and insufficient elaboration of this component in the new edition of Article 6.13 of the Administrative Code of the Russian Federation, along with the listed signs of the objective side, will also make it difficult to bring participants in organized criminal groups to criminal responsibility. Certain types of drugs were not included in the subject of art. 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's version of the title and content of art. 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which takes into account the inconsistency of the construction "drug propaganda", while allowing for the criminalization of propaganda of their non-medical consumption or illegal advertising, as well as Internet resources used for their illegal distribution. It is proposed to provide for the use of information and telecommunication networks, including the Internet, as a qualifying feature of a crime.

Keywords: criminalization; criminal involvement; drugs; use; illicit trafficking; qualification; propaganda; advertising.

Пропаганда немедицинского потребления, незаконная реклама наркотиков и интернет-ресурсов, используемых в целях их распространения, являются ключевыми способами преступного вовлечения в их употребление и незаконный оборот¹. Выступая универсаль-

ными формами для маркетингового продвижения товаров или услуг, наркоориентированные пропаганда и реклама давно волнуют представителей общественности, государственной власти, правоохранительных органов. Об этом свидетельствует п. «г» ст. 13 раздела 4 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период

¹ В соответствии с п. «б» ст. 4 раздела 1 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, наркотики – «наркотические средства и психотропные вещества, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные

психоактивные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, включенные в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации».

до 2030 г. (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 733, содержащий указание на необходимость выявления и пресечения функционирования в сети Интернет ресурсов, которые используются для пропаганды незаконных потребления и распространения наркотиков². Актуальность указанной проблемы подчеркивается весьма значительным количеством законодательных инициатив, которые направлены на криминализацию пропаганды и рекламы наркотиков. Последняя из таких предусматривает введение с 1 сентября 2025 г. в УК РФ новой ст. 230.3, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотиков³. Решение о криминализации пропаганды наркотиков представляется обоснованным, так как в практической деятельности долгое время возникают сложности квалификации соответствующих деяний.

По результатам экспертного опроса 11,9 % сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на районном, окружном и региональном уровнях (далее – сотрудники УНК) в рамках профессиональной деятельности сталкивались с возбуждением уголовных дел за наркоориентированную пропаганду либо незаконную рекламу по ст. 230 УК РФ. При этом только 46,7 % экспертов из числа сотрудников УНК и 10 % сотрудников Следственного департамента МВД России (далее – сотрудники СД) высказались, что привлекали за пропаганду или незаконную рекламу наркотиков по ст. 6.13 КоАП РФ. Тогда как 84,9 % экспертов УНК и 100 % сотрудников СД указали, что нужна самостоятельная статья УК РФ, ведь имеющимися уголовно-правовыми нормами эти деяния охватить невозможно.

Действительно, диспозиция ст. 230 УК РФ не охватывает абсолютно все случаи вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков. Так, ранее проведенный ретроспективный анализ уголовных законов Российской империи 1845 г. (его редакции 1885 г.) и 1903 г. позволил классифицировать преступное поведение лица, которое имеет целью побудить к совершению противоправных деяний, следующим образом: склонение к преступной дея-

тельности как форма подстрекательства в рамках института соучастия в совершении преступления; вовлечение, осуществляемое путем склонения и других способов, в преступную и иную антиобщественную деятельность вне института соучастия в совершении преступления. Как итог, ст. 230 УК РФ устанавливает ответственность только за один из способов осуществления вовлечения, тогда как в современных условиях оно характеризуется множеством форм общественно опасного поведения.

Для наиболее полного освещения исследуемого нами вопроса необходимо обратиться к небольшой, однако содержательной истории проектов законов по криминализации наркоориентированной пропаганды и рекламы.

В 2012 г. была предпринята первая законодательная инициатива, в рамках которой рассматривался законопроект № 108866-6⁴. Его инициаторы предлагали криминализировать незаконные пропаганду и рекламу наркотиков, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях (далее – ИТС), в том числе сети Интернет, путем введения в УК РФ ст. 228.5. Авторы отмечали необходимость сохранения административного правонарушения по ст. 6.13 КоАП РФ, дополнив его объективную сторону формулировкой «...если данные действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Она характеризовалась как сильными сторонами (криминализация незаконной рекламы наркотиков), так и слабыми. Предлагаемая к введению конструкция не позволяла бы привлекать к уголовной ответственности лиц, которые осуществляют пропаганду и рекламу наркотиков путем создания и распространения листовок, тиражирования предметов одежды с соответствующими названиями или изображениями, нанесения надписей на объекты инфраструктуры и т. д.

Наряду с рассмотрением законопроекта № 108866-6 в 2015 г. Президентом России было также дано поручение Правительству России пересмотреть вопрос о необходимости внесения в законодательство страны изменений и дополнений, предусматривающих уголовную ответственность за распространение в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) информации о приобре-

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 : в ред. от 29 марта 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 48. Ст. 7710.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков) : проект федерального закона от 30 марта 2023 г. № 325719-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/325719-8> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за незаконные пропаганду и рекламу наркотических средств и психотропных веществ : проект федер. закона от 9 июля 2012 г. № 108866-6 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/108866-6> (дата обращения: 01.11.2024).

тении, хранении, перевозке, изготовлении и переработке наркотиков⁵. Указанное было реализовано при помощи Федерального закона № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Как итог, первая законодательная инициатива стала неактуальной для рассмотрения и 25 июля 2018 г. была отклонена. Однако еще многие вопросы, в частности об уголовной ответственности за пропаганду и незаконную рекламу наркотиков, так и не были решены.

Спустя почти семь лет состоялась вторая законодательная инициатива: в 2019 г. в Госдуму России был внесен проект федерального закона № 826083-7⁷. Его инициаторы выступили за криминализацию пропаганды наркотиков путем введения в УК РФ ст. 230.3, при этом ст. 6.13 КоАП РФ предлагалось признать утратившей силу. Для обоснования вносимых на рассмотрение законодательных изменений их авторами указывались либерализация отношения к наркотикам и недостаточность административно-правовых санкций за деяния в этой части.

Вместе с тем предлагаемое упразднение ст. 6.13 КоАП РФ могло привести к тому, что за деяния с меньшей степенью общественной опасности предусматривалась бы только уголовная ответственность, как и для совершивших деяния с высокой степенью общественной опасности (например, пропаганда наркотиков в составе организованных преступных групп). Была бы и высокая вероятность, что лица, совершившие деяния с меньшей степенью общественной опасности, избегали бы ответственности в силу признания судом деяния малозначительным. При этом предлагаемые изменения не охватывали бы пропаганду потребления и незаконную рекламу наркотиков.

Вторая инициатива не обрела логического завершения. В 2019 г. на стадии предвари-

тельного рассмотрения проекта профильный Комитет Госдумы России принял решение вернуть его субъекту права законодательной инициативы. Основанием для этого явилось несоответствие требованиям ст. 104 Конституции Российской Федерации⁸ и п. «к» ч. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации⁹ – ввиду отсутствия отзывов Верховного Суда Российской Федерации и Правительства России.

Обе вышеизложенные законодательные инициативы с момента появления неоднократно становились предметом критики в юридической литературе. Так, проблемы в конструкции объективной стороны состава преступления отражены А. А. Лачиным, указавшим на то, что ответственность по ст. 230.3 УК РФ должна наступать за рекламу, в которой использование средств массовой информации и ИТТ является квалифицирующим признаком. Пропаганда, отмечал специалист, приобрела политическую окраску, и ее использование в конструкции статей УК РФ нежелательно [6, с. 86]. За необходимость административной преюдиции по ст. 6.13 КоАП РФ выступал А. В. Уздовский, тогда как саму ст. 230.3 предлагал дополнить квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных технологий» [9, с. 464]. При этом Л. С. Радькова указывала, что предлагаемая к введению ст. 230.3 УК РФ должна быть нацелена на специальный субъект, тем самым устанавливая ответственность за вовлечение в потребление наркотиков несовершеннолетнего лица, квалифицирующим признаком являлось бы совершение деяния родителем или иным лицом, на которого возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего [8, с. 249, 251]. В свою очередь, О. И. Цоколова отмечала, что в ст. 230 УК РФ склонение направлено на конкретное лицо, а вводимая в УК РФ ст. 230.3 позволит привлекать к уголовной ответственности за вовлечение, ориентированное на неопределенный круг лиц [11, с. 213].

Не умаляя значимости позиций авторов, скажем, что вопросы, связанные с вероятными проблемами квалификации пропаганды и рекламы наркотиков по вводимым составам преступлений, их трудами не были охва-

⁵ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 21 июля 2015 г. ПР-1439ГС // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/50041> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. 2015. № 24 (6595). URL: <https://rg.ru/documents/2015/02/06/veshestva-dok.html> (дата обращения: 01.11.2024).

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части установления уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ : проект федер. закона от 30 октября 2019 г. № 826083-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/826083-7> (дата обращения: 01.11.2024).

⁸ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

⁹ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Рос. Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-ПГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

ченны. Сохраняют актуальность вопросы, связанные с пропагандой немедицинского потребления и незаконной рекламой наркотиков, а равно интернет-ресурсов, используемых для их распространения, которые предстоит рассмотреть и изучить в контексте вводимого ст. 230.3 УК РФ состава преступления.

В 2022 г. предпринята третья законодательная инициатива. Президентом России было дано поручение Правительству России подготовить законопроект об уголовной ответственности за пропаганду потребления и незаконного оборота наркотиков в ИТС, включая сеть Интернет¹⁰. В целях исполнения поручения 30 марта 2023 г. на рассмотрение в Госдуму России поступило три законопроекта.

Первым из обозначенной группы (№ 325730-8¹¹) было предложено в ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹² (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ) закрепить новое определение пропаганды наркотиков, под которой необходимо понимать «распространение информации и (или) материалов, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет)» 1) о способах и методах незаконных разработки, производства или изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, сбыта, приобретения, использования, потребления, а также ввоза на территорию России и вывоза с ее территории наркотиков, мест их приобретения; 2) способах/методах незаконных приобретения, хранения, перевозки, пересылки, культивирования наркосодержащих растений, а также мест их приобретения; 3) допустимости, привлекательности и необходимости незаконного потребления наркотиков; 4) преимуществах их незаконного использования; 5) использовании подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое и физическое здоровье наркотиков; 6) совершении иных незаконных действий с наркотиками посредством оправдания

и представления как общепринятых норм поведения.

Как следует из пояснительной записки к рассматриваемому законопроекту, изменения, выносимые на рассмотрение Госдумы России, основывались на двух ключевых аспектах. Во-первых, предложения уточнения понятия пропаганды наркотиков, определения ее основных признаков. Данное обусловливалось необходимостью разграничения форм распространения информации о наркотиках, которые могут иметь разное правовое значение. Во-вторых, введении полного запрета на любую форму пропаганды наркотиков ввиду действовавшего частичного ограничения, касающегося отдельных аспектов этой деятельности. Предлагалось исключить из сферы уголовного регулирования публичное распространение через средства массовой информации и ИТС, включая сеть Интернет, научных, литературных и других художественных произведений, содержащих сведения о наркотиках, но опубликованных в срок до 1 января 2024 г. (при отсутствии в них данных о способах или методах незаконных разработки, производства и употребления наркотиков, местах незаконного приобретения и незаконной культивации наркосодержащих растений). После данной даты публичное распространение таких произведений допускается при условии маркировки о вреде наркотиков. Обязательным станет указание, что за незаконный оборот наркотиков предусмотрена ответственность, в том числе пожизненное лишение свободы.

Внесение вышеизложенных изменений, по мнению их авторов, создало бы правовые основы установления административной и уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, совершенную в ИТС, включая сеть Интернет. Многие специалисты уже неоднократно обращали внимание, что действующая редакция ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ уже почти не отражает полностью объективные признаки пропаганды наркотиков [2, с. 43]. Нам же видится, что и новая редакция не снимет многие вопросы, напротив, обострит новые проблемы. Ранее в данной статье указанного федерального закона запрещалась и пропаганда новых потенциально опасных психоактивных веществ, в новой редакции они не предусматриваются в качестве предмета преступления.

Остановимся подробнее на том, что новая редакция ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ сужает круг предметов противоправного посягательства и называет лишь наркотические средства, наркосодержащие растения, психотропные вещества и их прекурсоры,

¹⁰ Борьбу с пропагандой наркотиков в Интернете могут усилить // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/56740/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части запрета пропаганды незаконных оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, потребления наркотических средств и психотропных веществ, культивирования наркосодержащих растений) : проект федер. закона от 30 марта 2023 г. № 325730-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/325730-8> (дата обращения: 01.11.2024).

¹² О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

при этом исключая новые потенциально опасные психоактивные вещества, которые в контексте исследуемого вопроса остаются в ст. 6.13 КоАП РФ наряду с рекламой наркотиков, однако только до 1 сентября 2025 г.

Так, новые потенциально опасные психоактивные вещества в соответствии со ст. 2.2. «Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен» Федерального закона № 3-ФЗ – это вещества, которые вызывают у человека состояние наркотического или же иного токсического опьянения, опасное для жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Однако в настоящее время в соответствующий Реестр не включено ни одно такое вещество. Эксперты указывают, ввиду существующих трудностей такие вещества порой классифицируют как аналоги и прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ либо же производные наркотических средств и психотропных веществ. Такой подход сомнителен и требует урегулирования с точки зрения буквы закона, однако не самовольной практики, имеющей весьма серьезные последствия для правоприменительной деятельности. Как пример для иллюстрации можно привести ст. 234.1 УК РФ, введенную почти десять лет назад. Согласно данным официальной правовой статистики, в период с 2018 г. по 2023 г. число дел, возбужденных по данной статье, равно нулю¹³. Сложившаяся ситуация указывает на необходимость пересмотра имеющихся подходов. В этой связи решение законодателя об их неключении в обновленную редакцию ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ видится обоснованным и рациональным. Однако это не снимает ряд вопросов.

В настоящее время представители наркобизнеса реализуют такие средства и вещества, в отношении которых еще не установлены меры государственного контроля, в силу чего их оборот легален¹⁴. Особо подчеркивает это Ю. А. Клюева, указывая: преступники, стараясь избежать ответственности, синтезируют новые вещества либо, видоизменяя старые, находящиеся под запретом или контролем государства, создают совершенно новые. И если незаконный оборот первых еще можно огра-

ничить при помощи применения таких понятий, как «производные наркотических средств и психотропных веществ» или «аналоги наркотических средств и психотропных веществ», вторые все же остаются в псевдоправовом обороте [4, с. 188]. Такие вещества автором предлагается относить к категории «новые психоактивные вещества» [5, с. 24]. При этом категории «производные наркотических средств и психотропных веществ» в Федеральном законе № 3-ФЗ нет, о ней упоминается только в постановлении Правительства Российской Федерации № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»¹⁵ (далее – постановление Правительства России № 681). Это порождает межотраслевую рассогласованность, приводящую к отсутствию оснований для криминализации соответствующих деяний.

Важно отметить, в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии является недопустимым. В контексте сложившейся ситуации привлечь к уголовной ответственности за пропаганду потребления производных наркотических средств и психотропных веществ, а также новых психоактивных веществ будет невозможно.

По второму законопроекту (№ 325715-8¹⁶) корреспондирующие изменения было предложено внести в административное законодательство, приведя ст. 6.13 КоАП РФ в соответствие с обновляемой в ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ терминологией, установив ответственность за пропаганду незаконных оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, потребления наркотических средств или психотропных веществ, культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры. В пояснительной записке указывается, что он разработан для противодействия пропаганде незаконного оборота наркотиков и их потребления с использованием ИТС, включая сеть Интернет.

По третьему законопроекту (№ 325719-8¹⁷) предлагалось ввести в УК РФ новую ст. 230.3,

¹⁵ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 27. Ст. 3198.

¹⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления административной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков) : проект федер. закона от 30 марта 2023 г. № 325715-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/325715-8> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской

¹³ Уголовное судопроизводство // Судебная статистика РФ : сайт. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁴ Роскачество нашло на маркетплейсах БАДы с наркотиками и кавой-кавой // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6c6f0839a79471a0e73db6c5> (дата обращения: 01.11.2024).

установив уголовную ответственность за повторную пропаганду наркотиков. Пояснительная записка к нему гласит, что в целях осуществления пропаганды незаконного оборота и употребления наркотиков, а также вербовки их распространителей используются социальные сети и площадки популярных форумов, ресурсы крупных тематических сайтов, свободный доступ к которым имеет неограниченное количество пользователей сети Интернет. Технические возможности (анонимность, быстрота передачи, трансграничность информации, отсутствие непосредственного контакта субъектов, одновременный охват весьма широкой аудитории, простота сбора данных, небольшие финансовые издержки), используемые для распространения пронаркотической информации, позволяют с минимальными затратами достигать эффективности пропаганды. Эти действия обладают повышенной общественной опасностью, их предупреждение не может обойтись без уголовно-правового регулирования.

Законопроекты третьей законодательной инициативы стали финальными и были реализованы, однако принятыми формулировками законодателью все же не удалось решить накопившиеся проблемы. В этой связи ставить точку в вопросе о криминализации пропаганды потребления и незаконной рекламы наркотиков, а равно интернет-ресурсов, использующихся для их распространения, еще рано.

С 1 сентября 2025 г. вступит в силу Федеральный закон № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁸, согласно которому в УК РФ будет введена новая ст. 230.3, устанавливающая ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества или их прекурсоры. Но, несмотря на многолетнюю проработку вопроса, вводимая статья не лишена недостатков при формулировке признаков, характеризующих состав преступления. Это требует дальнейшего научного осмысления, ведь уголовно-правовая оценка преступного поведения напрямую зависит от того, насколько полно и точно законодатель устано-

вил регулирующие пределы ответственности предписания [7, с. 73].

Во-первых, ст. 230.3 УК РФ будет охватывать только случаи пропаганды наркотиков, вовсе не имея указания на случаи их рекламы, которая до 1 сентября 2025 г. оставлена в административно-правовом поле – действующей редакции ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ. После чего рекламы наркотиков не будет и в административном законодательстве. По Федеральному закону № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹⁹ новая редакция содержания ст. 6.13 КоАП РФ будет устанавливать ответственность за факты распространения информации о наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах, растениях, содержащих наркотические средства или психотропные вещества и их прекурсоры, об аналогах наркотических средств и психотропных веществ с нарушением установленных законодательством России требований. В ч. 2 и ч. 3 новой редакции ст. 6.13 КоАП РФ будет указано только на пропаганду наркотиков.

Для установления значимости указанной проблемы для квалификации исследуемых нами деяний в лист экспертного опроса было заложено несколько вопросов. По итогу анализа полученных по ним данных 32 % респондентов УНК соотнесли пропаганду и рекламу наркотиков как тождественные деяния, 36 % – как общее и частное, где родовым деянием выступила пропаганда. Оставшиеся 32 % разграничили их. При этом 68 % отметили, что уголовная ответственность за пропаганду наркотиков может охватывать также и случаи их рекламы. Мы с последним утверждением абсолютно не согласны.

Несмотря на то что пропаганда и реклама зачастую рассматриваются как синонимы, между этими способами маркетингового продвижения существуют различия. Как указывает А. Н. Баранов, в содержательном аспекте пропаганду и рекламу объединяет то, что обе они направлены на формирование у аудитории определенного представления о каком-либо явлении, а также его положительной оценке. Сходство и в том, что в классических вариантах обе они предполагают многократное, интенсивное, а также систематическое повторение одних и тех же тезисов. Но пропаганда предполагает не отсутствие конкуренции или выбора у потребителя, а тяготение к такому положению, обусловленное этим

Федерации (в части установления уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков) : проект федер. закона от 30 марта 2023 г. № 325719-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/325719-8> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 8 августа 2024 г. № 226-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4922.

¹⁹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 8 августа 2024 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4921.

стремление к монополизму, к максимальному подавлению других точек зрения [1, с. 56].

В исследовании О. Ф. Воспяковой и Д. А. Свиридова пропаганда и реклама разграничиваются по пяти характеристикам. Во-первых, по цели, где в случаях пропаганды это склонение к определенному поведению или мировоззрению, в рекламе — реализация товаров и услуг. Во-вторых, по объекту: в первом случае это взгляды и учения, во втором — товар и услуга. В-третьих, по использованию средств массовой информации, в пропаганде освещающих деятельность любыми способами, в рекламе имеется приоритет приобретения медийного пространства и эфирного времени. В-четвертых, по задачам, в случае пропаганды нацеленных на привлечение сторонников, а в рекламе — на информирование о событиях. В-пятых, пропаганда и реклама выполняют разные функции, отличающиеся как по целям, так и по методам воздействия на аудиторию [3, с. 138].

Кроме того, различает наркоориентированные пропаганду и рекламу также и законодатель. Нормативное понятие пропаганды наркотиков имеется в ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ. Определение рекламы содержится п. 1 ст. 3 Федерального закона № 38-ФЗ «О рекламе» — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, которая адресована неопределенному кругу лиц, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему, а также его продвижение на рынке²⁰. В п. 2 ст. 7 этого же закона указывается, что реклама наркотиков не допускается. Однако определения для термина «реклама наркотиков» ни в одном из вышеуказанных законов не присутствует, что создает сложности для правоприменения. Так, в ряде нормативных правовых актов речь идет зачастую только лишь о пропаганде наркотиков. В соответствии со ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» запрещается пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотиков. Здесь же, однако уже без особой конкретики, указано: запрещено распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами²¹. В ряде случаев используются обобщенные формулировки.

Так, п. 6 ст. 10 «Распространение информации или предоставление информации» Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержит запрет на распространение информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти либо вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность²². Как итог, государственная политика страны имеет приоритетом запрещение пропаганды наркотиков. Запрет рекламы наркотиков по ч. 1 ст. 6.13 КоАП РФ будет действовать только до 1 сентября 2025 г. После указанной даты он останется лишь в п. 2 ст. 7 Федерального закона № 38-ФЗ «О рекламе».

Для дальнейшего исследования отметим, что под пропагандой наркотиков мы будем понимать действия, которые указаны в ч. 1 ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ, под их рекламой — в контексте ст. 3 и п. 2 ст. 7 Федерального закона № 38-ФЗ «О рекламе». Таким образом, конструкция объективной стороны состава преступления по ст. 230.3 УК РФ может охватывать только случаи пропаганды наркотиков, но не их немедицинского потребления либо незаконной рекламы.

Во-вторых, конструкция объективной стороны состава преступления по ст. 230.3 УК РФ не содержит упоминания о случаях рекламы самого незаконного оборота наркотиков, интернет-ресурсов, используемых для их распространения. Однако на этапе внесения законопроекта № 325719-8 ст. 230.3 УК РФ выглядела следующим образом: «Пропаганда незаконных оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, потребления наркотических средств или психотропных веществ, культивирования растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества либо их прекурсоры». Таким образом, объективная сторона состава преступления по ст. 230.3 УК РФ была сформулирована в более узком виде по сравнению с первоначальными предложениями.

Как показал анализ судебных решений и приговоров по ст. 230 УК РФ, а также экспертный опрос сотрудников УНК и сотрудников СД, размещаемые на объектах инфраструктуры и в условиях цифровой среды QR-коды, ссылки на веб-сайты, названия интернет-магазинов незаконной купли-продажи наркотиков приводят к наркоориентирован-

²⁰ О рекламе: Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

²¹ О средствах массовой информации: Закон Рос. Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 г.: в ред. от 23 ноября 2024 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

²² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

ным чатам и форумам, привычным шаблоном в которых являются объявления о высоких и стабильных выплатах, настраиваемом под себя графике, сопровождении на всех этапах работы, гарантировании полной анонимности. Таким образом, имеется ориентирование на заманивание в незаконный оборот наркотиков в качестве участников, при этом рекламируется выгодность и доступность указанной преступной деятельности для любого человека.

В целях наиболее полного освещения данной проблемы вернемся к ранее описанным признакам пропаганды наркотиков, которые будут введены в ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ по законопроекту № 325730-8. Проведенный нами анализ дает право утверждать, что реклама деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, обещающая огромные выплаты и полную ее анонимность, не может быть полностью охвачена указанными признаками. Единственный признак, под описание которого реклама незаконного оборота наркотиков или интернет-ресурсов, используемых для их распространения, может подойти, — это п. 6 ч. 1 новой редакции ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ, а именно совершение иных незаконных действий с наркотиками путем их оправдания или представления как общепринятых норм поведения.

Из этой ситуации можно выйти следующими двумя способами. Первый — дополнить ч. 1 новой редакции ст. 46 Федерального закона № 3-ФЗ признаком, характеризующим незаконную рекламу наркотиков, их незаконного оборота, а равно и интернет-ресурсов, используемых для их распространения. Второй — дополнить вводимую ст. 230.3 УК РФ указанием на данные элементы.

В-третьих, в соответствии с диспозицией вводимой в уголовный закон ст. 230.3 УК РФ пропаганда перечисленных в ее названии средств и веществ может быть совершена только в ИТС, включая сеть Интернет, что не соответствует тому, как преступная деятельность воплощается в действительности. Отмечается высокая доступность, а также многообразие мест размещения пропагандистских и рекламных надписей. Граффити с QR-кодами и ссылками наносятся на фасады жилых и промышленных зданий, временные строительные и иные конструкции, заборы, хозяйственные постройки, разнообразны элементы благоустройства, в подземных переходах, на остановках общественного транспорта и на множество других элементов инфраструктуры [10, с. 101, 102]. Вместе с тем исследование судебных решений и приговоров по ст. 6.13 КоАП РФ, а также ст. 230 УК РФ свидетельствует, что привлеченных к ответст-

венности за пропаганду и рекламу наркотиков можно разделить на категории: лиц, допустивших правонарушение по личным причинам, деяния которых заключаются в действиях, где имеет место ношение одежды с соответствующими изображениями либо надписями, отметок «нравится» или «поделиться» в социальных сетях и т. д.; лиц, занимающихся исследуемой деятельностью в качестве участников наркобизнеса и являющихся членами организованных преступных групп, осознающих свою причастность к преступной деятельности. Действия вторых не могут быть охвачены вводимой ст. 230.3 УК РФ.

Таким образом, законодатель счел признак использования ИТС, включая сеть Интернет, ключевым для криминализации исследуемых деяний. Но нам данный подход видится не вполне верным, так как ключевым в указанном отношении должен выступать признак совершенности в составе организованной преступной группы, участники которой осуществляют пропаганду потребления наркотиков как с использованием ИТС, включая сеть Интернет, так и без них.

Описанная выше ситуация приведет к тому, что в субъектах России будут формироваться разные модели привлечения к ответственности за пропаганду немедицинского потребления либо незаконную рекламу наркотиков и интернет-ресурсов, используемых для их распространения, при которых их осуществление в ИТС, включая сеть Интернет, будет отнесено к ст. 230.3 УК РФ, а вне их — к ст. 230 УК РФ, как это уже происходит в настоящее время. Данную проблему можно решить путем приведения диспозиции новой ст. 230.3 УК РФ в соответствие с объективными признаками преступной деятельности, описание которой видится нам в следующей конструкции: «пропаганда немедицинского потребления либо незаконная реклама наркотиков, а равно интернет-ресурсов, используемых для их распространения».

Наряду со всеми обозначенными недостатками в конструкции ст. 230.3 УК РФ была выявлена проблема в способе конструирования состава преступления. Так, привлечение участников организованных преступных групп к уголовной ответственности по ст. 230.3 УК РФ осложнено ввиду конструирования состава преступления с применением административной преюдиции, по которой лицо, совершившее пропаганду наркотиков, должно быть уже два раза в течение года привлечено к административной ответственности по ст. 6.13 КоАП РФ. При этом в тех случаях, когда деяние может подпадать как под административную, так и под

уголовную ответственность, в соответствующую ст. КоАП РФ добавляется указание «если данные действия не содержат признаков уголовного наказуемого деяния». Однако новая редакция ст. 6.13 КоАП РФ, вступающая в силу с 1 сентября 2025 г. в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»²³, такое указание будет содержать только в конструкции ч. 3, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотиков, совершенную в ИТС, включая сеть Интернет. В то время как в ч. 2 новой ст. 6.13 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотиков, совершенную без их использования, эта формулировка отсутствует.

С целью выяснения значимости исследуемой проблемы для квалификации пропаганды немедицинского потребления либо незаконной рекламы наркотиков и интернет-ресурсов, использующихся в целях их распространения, обратимся к экспертному мнению сотрудников УНК. Так, всего 32 % опрошенных экспертов поддержали мнение о том, что ст. 230.3 УК РФ должна применяться только после привлечения лица к административной ответственности по ст. 6.13 КоАП РФ. При этом 25 % из них указали, что привлечение в течение одного года должно быть однократным, и лишь 7 % – двукратным. Большинство (68 %) высказались, что административная преюдиция вовсе излишняя, необходимо привлекать сразу к уголовной ответственности.

Таким образом, конструирование законодателем состава преступления по вводимой в уголовный закон ст. 230.3 УК РФ с применением административной преюдиции и одновременной ее недоработкой в конструкции ч. 2 новой ст. 6.13 КоАП РФ только обострит проблему привлечения к уголовной ответственности участников организованных преступных групп. Данное в перспективе приведет к формированию различных моделей, при которых правоприменитель будет уже вынужден относить пропаганду потребления и незаконную рекламу наркотиков, совершенные в составе организованных преступных групп, но без использования ИТС, включая сеть Интернет, к ст. 230 УК РФ. Для обеспечения формирования единой практики применения законодательства представляется целесообразным внести корректировки, во-первых, в содержание диспози-

ций ч. 2 и ч. 3 новой ст. 6.13 КоАП РФ, дополнив указанием на незаконную рекламу наркотиков, а равно интернет-ресурсов, использующихся в целях их распространения; во-вторых, дополнить содержание диспозиции ч. 2 новой ст. 6.13 КоАП РФ формулировкой «...если данные действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Указанное позволит отграничивать административные составы от уголовных и предотвратить коллизии в процессе правоприменения.

Подводя итог, акцентируем внимание на следующих основных результатах исследования:

1. Установление уголовной ответственности за пропаганду наркотиков не вполне удовлетворяет потребностям криминализации преступного вовлечения в их употребление и незаконный оборот. Конструкция ст. 230.3 УК РФ оставляет за рамками уголовно-правовой реакции те общественно опасные формы деяний, которые связаны с пропагандой немедицинского потребления либо незаконной рекламы наркотиков, а равно интернет-ресурсов, использующихся в целях их распространения. В этой связи ст. 230.3 УК РФ нуждается в дополнении в части криминализации обозначенных общественно опасных деяний. Применение ИТС, включая сеть Интернет, необходимо предусмотреть как квалифицирующий признак состава преступления. При этом ч. 2 и ч. 3 новой редакции ст. 6.13 КоАП РФ необходимо изложить по аналогии с предлагаемой нами редакцией ст. 230.3 УК РФ.

2. Использование в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, административной преюдиции, наряду с другими признаками его объективной стороны, затруднит привлечение к уголовной ответственности участников организованных преступных групп. Для обеспечения формирования единой практики применения правовых норм представляется целесообразным внести корректировки, дополнив ч. 2 новой ст. 6.13 КоАП РФ по аналогии с ее ч. 3 формулировкой «...если указанные действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». Данное решение позволит устранить рассогласованность законодательства, способствуя привлечению к уголовной ответственности лиц, осуществляющих вовлечение в употребление и незаконный оборот наркотиков, находясь в составе организованных преступных групп.

3. В силу имеющейся сегодня межотраслевой рассогласованности предмет преступления, предусмотренный новой ст. 230.3 УК РФ, не охватывает в своем содержании, во-первых, производные наркотических средств или психотропных веществ, во-вторых, новые психоактивные вещества, пропаганду потребления

²³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 8 августа 2024 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33. Ст. 4921.

и незаконную рекламу которых активно осуществляют участники организованных преступных групп. Ввиду недопустимости применения положений уголовного закона по его

аналогии необходимо устранить несогласованность положений Федерального закона № 3-ФЗ с постановлением Правительства Российской Федерации № 681.

Список литературы:

1. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65.
2. Бучнева М. В. К вопросу об административной ответственности за пропаганду наркотиков // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 41–45.
3. Воспякова О. Ф., Свиридов Д. А. К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1 (41). С. 136–139.
4. Клюева Ю. А. Совершенствование понятийного аппарата судебной экспертизы психоактивных веществ как инструмент повышения доказательственного значения заключения эксперта // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Красноярск, 2024. С. 188–191.
5. Клюева Ю. А. Совершенствование понятийного аппарата как один из инструментов в борьбе с незаконным синтезом новых психоактивных веществ // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения) : сборник научных статей по материалам международной науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. М., 2024. С. 19–25.
6. Лачин А. А., Лачина Е. А. Уголовная ответственность за незаконную рекламу наркотических средств: российский и международный опыт // Ученые записки. 2020. № 1 (33). С. 84–86.
7. Поезжалов В. Б. Некоторые спорные вопросы законодательных регламентаций и квалификации отдельных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : сборник материалов международного науч.-практ. семинара. Красноярск. 2021. С. 71–74.
8. Радькова Л. С. О некоторых мерах по профилактике вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их ана-

References:

1. Baranov A. N., Parshin P. B. Kategoriya propagandy v lingvisticheskoj ekspertize teksta // Theory and Practice of Forensic Science. 2017. T. 12. № 2. S. 53–65.
2. Buchneva M. V. K voprosu ob administrativnoj otvetstvennosti za propagandu narkotikov // Administrative Law and Procedure. 2016. № 8. S. 41–45.
3. Vospyakova O. F., Sviridov D. A. K voprosu o propagande i reklame nezakonnogo oborota narkotikov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2024. № 1 (41). S. 136–139.
4. Klyueva Yu. A. Sovershenstvovanie ponyatijnogo apparata sudebnoj ekspertizy psihoaktivnyh veshchestv kak instrument povysheniya dokazatel'stvennogo znacheniya zaklyucheniya eksperta // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki : materialy XXVII mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. Ch. 2. Krasnoyarsk, 2024. S. 188–191.
5. Klyueva Yu. A. Sovershenstvovanie ponyatijnogo apparata kak odin iz instrumentov v bor'be s nezakonnym sintezom novyh psihoaktivnyh veshchestv // Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti Rossijskoj Federacii v finansovoj sfere (65-e ezhegodnye Kriminalisticheskie chteniya) : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. Ch. 2. M., 2024. S. 19–25.
6. Lachin A. A., Lachina E. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnuyu reklamu narkoticheskikh sredstv: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt // Scientific notes. 2020. № 1 (33). S. 84–86.
7. Poeszhalov V. B. Nekotorye spornye voprosy zakonodatel'nyh reglamentaciej i kvalifikacii otdel'nyh prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv // Podrazdeleniya po kontrolyu za oborotom narkotikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii: 30 let so dnya obrazovaniya : sbornik materialov mezhdunarodnogo nauch.-prakt. seminar. Krasnoyarsk. 2021. S. 71–74.
8. Rad'kova L. S. O nekotoryh merah po profilaktike вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их ана-

- логов // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 248–253.
9. *Уздовский А. В.* Уголовно-правовое противодействие пропаганде и рекламе наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Российское право на современном этапе : сборник трудов XIV международной науч.-практ. конф. М., 2020. С. 461–465.
  10. *Фильченко А. П., Жандров В. Ю.* Противодействие запрещенной рекламе интернет-магазинов по продаже наркотиков // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 97–109.
  11. *Цоколова О. И.* О законопроектах в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы международной науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Красноярск, 2020. С. 212–214.
  9. *Uzdovskij A. V.* Uголовно-pravovoe protivodejstvie propagande i reklame narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih analogov // Rossijskoe pravo na sovremennom etape : sbornik trudov XIV mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. M., 2020. S. 461–465.
  10. *Fil'chenko A. P., Zhandrov V. Yu.* Protivodejstvie zapreshchennoj reklame internet-magazinov po prodazhe narkotikov // The Rule of Law State: Theory and Practice. 2021. № 4 (66). S. 97–109.
  11. *Cokolova O. I.* O zakonproektah v sfere protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki : materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. Ch. 2. Krasnoyarsk, 2020. S. 212–214.

Для цитирования:

Маллекер Диана Ивановна. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 54–66.

For citation:

Malleker Diana Ivanovna. Police inquiry: an independent form of procedural inquiry or a simplified version of preliminary investigation? // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 54–66.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, прокурорский надзор, правоохранительная деятельность

Россинский Сергей Борисович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4 Уголовно-правовые науки

Sergey Borisovich Rossinsky,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenska St., 10

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Scientific Specialty:
5.1.4 Criminal Law Sciences

УДК 343.102

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-67-75

Дата поступления статьи: 29 октября 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия?

Police Inquiry: an Independent Form of Procedural Inquiry or a Simplified Version of Preliminary Investigation?

Аннотация

Актуальность исследования: надлежащее понимание сущности, смысла, роли и предназначения дознания в общей системе досудебного производства по уголовному делу способствует выявлению пробелов и шероховатостей в его нормативном регулировании и оптимизации правоприменительной практики, в первую очередь дознавательской практики органов внутренних дел.

Постановка проблемы: существующие доктринальные и нормативно-правовые подходы к пониманию дознания не предполагают должного раскрытия концептуальных признаков и особенностей, позволяющих считать его

Abstract

Relevance of the research: a proper understanding of the essence, meaning, role and purpose of inquiry in the general system of pre-trial criminal proceedings helps to identify gaps and rough edges in its regulatory regulation and optimize law enforcement practice, primarily the investigative practice of law enforcement agencies.

Problem statement: the existing doctrinal and regulatory approaches to understanding the inquiry do not imply proper disclosure of the conceptual features and features that allow it to be considered not as variations of the preliminary investigation, but as a full-fledged procedural form of preliminary investigation. The purpose of the

не вариацией предварительного следствия, а полноценной процессуальной формой предварительного расследования.

Цели исследования: формирование совокупности научных положений о подлинной сущности, смысле, роли и предназначении дознания как процессуальной деятельности, предопределенной принципиально иными по сравнению с предварительным следствием и обусловленными преимущественно по отношению к классической парадигме работы полиции подходами к решению стоящих перед досудебным производством задач.

Методы исследования: основным методом исследования был избран диалектический подход к познанию реальности, а специальными – историко-правовой, технико-юридический, системно-аналитический и другие методы.

Результаты и ключевые выводы: несмотря на инкрементальную процессуализацию дознания, на преобразования доктринальных и законодательных подходов к его роли и предназначению в общем механизме досудебного производства, оно все еще сохраняет свои исконные полицейские корни, по-прежнему базируется на классической полицейской парадигме работы правоохранительных органов. Поэтому дознание никоим образом нельзя считать упрощенной вариацией предварительного следствия: оно было и остается обособленной, располагающей уникальной сущностью, подразумевающей собственный смысл, выполняющей собственную роль и имеющей автономное предназначение формой предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание; досудебное производство; органы дознания; предварительное расследование; предварительное следствие; сущность дознания.

research is to form a set of scientific provisions on the true essence, meaning, role and purpose of inquiry as a procedural activity, predetermined by fundamentally different approaches to solving the tasks facing pre-trial proceedings in comparison with the preliminary investigation and determined by continuity with respect to the classical paradigm of police work.

Research methods: the dialectical approach to cognition of reality was chosen as the main research method, and historical–legal, technical-legal, system-analytical and other methods were chosen as special methods.

The results and key conclusions: despite the incremental processualization of the inquiry, the transformation of doctrinal and legislative approaches to its role and purpose in the general mechanism of pre-trial proceedings, it still retains its original police roots, still based on the classical police paradigm of law enforcement agencies. Therefore, the inquiry cannot in any way be considered a simplified variation of the preliminary investigation.: it was and remains an isolated, unique entity, implying its own meaning, fulfilling its own role and having an autonomous purpose as a form of preliminary investigation.

Keywords: inquiry; pre-trial proceedings; bodies of inquiry; preliminary investigation; preliminary investigation; the essence of inquiry.

Реалии российской системы уголовной юстиции, характеризующиеся нестабильностью законодательства и постоянными колебаниями правоприменительной практики, заставляют вновь и вновь задумываться о перспективах дальнейшего развития досудебного производства как одного из важнейших этапов уголовно-процессуальной деятельности в целом, его отдельных механизмов и процедур в частности. На протяжении последних лет данные вопросы привлекают повышенное внимание государственных и общественных деятелей, ученых-процессуалистов, практических работников, других специалистов, побуждая к все новым и новым раундам полемических обсуждений. Причем многие

из обсуждаемых вопросов касаются различных проблем дознания как формы предварительного расследования. Некоторым из них, связанным с доктринальным пониманием сущности дознания, его смысла, роли и предназначения в общем механизме досудебного производства по уголовному делу, и посвящается настоящая статья.

На первый взгляд, данные проблемы вообще могут показаться несколько надуманными, не заслуживающими права являться предметом серьезных научных изысканий. Ведь ответы на вопросы о сущности, смысле, роли и предназначении дознания вроде бы четко вытекают из содержания ряда находящихся в системном единстве положений

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ, Кодекс). Дознание прямо определяется как отнесенная к компетенции дознавателя (следователя) форма предварительного расследования, подлежащая использованию по не предполагающим обязательности предварительного следствия уголовным делам (п. 8 ст. 5 УПК РФ). При этом одну из существующих разновидностей дознания – ординарное дознание (дознание в общем порядке) – предписывается производить с учетом некоторых изъятий (читай: упрощений) из порядка предварительного следствия (ч. 1 ст. 223 УПК РФ), а другую – сокращенное дознание (дознание в сокращенной форме) – осуществлять уже с учетом изъятий из порядка ординарного дознания (ч. 1 ст. 226.1. УПК РФ). И, наконец, из положений, устанавливающих основания для разграничения предметов дознания и предварительного следствия, усматривается, что его (дознание) допускается проводить по уголовным делам о менее тяжких преступлениях (ч. 3 ст. 150 УПК РФ). Хотя постоянно «шлифуемые» критерии для подобного разграничения видятся не столько имеющими серьезное доктринальное обоснование, сколько обусловленными стремлением к достижению равномерности служебной нагрузки следователей и дознавателей.

Таким образом, исходя из смысла закона, под дознанием надлежит понимать дуалистическую категорию, охватывающую и упрощенный, и сильно упрощенный порядки предварительного расследования, свойственные уголовным делам о характеризующихся сравнительно малой степенью общественной опасности, не вызывающих существенного социального резонанса преступлениях, в связи с чем вполне способным обойтись без использования столь серьезных государственных ресурсов, какие требуются для организации и надлежащего проведения предварительного следствия. В силу своей очевидности и бесспорности эти либо имеющие некоторые оттенки взгляды присущи подавляющему большинству современных публикаций [5, с. 19; 11, с. 40–41 и др.].

Вместе с тем все подобные подходы к пониманию дознания не лишены одного серьезного изъяна. Они не предполагают должного раскрытия и разъяснения тех концептуальных признаков и особенностей, которые позволяют не признавать дознание упрощенной, ускоренной, облегченной либо какой-то еще «ущербной» вариацией предварительного следствия, а счи-

тать его полноценной, имеющей собственный смысл и играющей собственную роль процессуальной формой, распадающейся на два дифференцированных механизма: ординарное дознание и сокращенное дознание. Иными словами, ни в положениях закона, ни в доктринальных источниках нельзя обнаружить никаких четких и внятных посылов, обуславливающих не столько производный от предварительного следствия, сколько самостоятельный характер дознания как автономного режима (а если быть точнее, совокупности двух в чем-то схожих, но все же разнящихся режимов) предварительного расследования. Более того, как отмечалось выше, некоторые положения закона, в первую очередь упомянутая ч. 1 ст. 223 УПК РФ, прямо подразумевают производность дознания от предварительного следствия, что неизбежно приводит к не очень заметным, но вполне реальным нормативным противоречиям с теми нормами закона, в которых дознание все-таки расценивается в качестве полноценной формы досудебного производства.

Конечно, определенные различия между дознанием и предварительным следствием все же существуют [4, с. 816]. Они хорошо известны, достаточно подробно рассмотрены в литературе, в первую очередь в учебниках и учебных пособиях уголовно-процессуальной направленности [9, с. 347; 10, с. 286–287 и др.]. На такие различия неоднократно обращалось внимание и в учебно-методических публикациях автора настоящей статьи: говорилось о нахождении дознания и предварительного следствия в ведении разных субъектов; указывалось на неодинаковую длительность сроков указанных форм досудебного производства; упоминалось об отсутствии единых нормативных подходов к процессуальному положению (статусу) подвергающихся уголовному преследованию лиц; заявлялось об одноэтапности дознавательского и двухэтапности следственного алгоритмов формирования обвинительного тезиса как основного результата соответствующей деятельности; констатировались различия в степени поднадзорности следователей и дознавателей прокурору, а также их процессуально-ведомственной подчиненности и подконтрольности своему начальству; упоминалось и об отсутствии идентичности процедур завершения досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности [7, с. 107–110].

Однако упоминать об этих различиях представляется правильным и даже полезным лишь в расчете на их доведение до студентов, курсантов, слушателей высших либо среднеспециальных юридических учебных заведений, а также других лиц, постигающих азы уголовно-процессуального права, дознавательской или следствен-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

ной деятельности. С помощью подобных аргументов авторы вузовских учебников могут достаточно легко и просто объяснить своим читателям, а работающие в аудитории лекторы и преподаватели — своим визави существование нескольких режимов предварительного расследования, то есть внести некоторую ясность в вопрос о дифференциации досудебного производства, хотя и на весьма примитивном уровне. По крайней мере, автор настоящей статьи, проработав более 20 лет в системе высшего юридического образования и подготовив целый ряд учебников уголовно-процессуальной направленности, неоднократно убеждался в эффективности и целесообразности данного дидактического приема.

Вместе с тем для более подготовленных и хорошо разбирающихся в уголовно-процессуальной материи читателей такие аргументы, скорее всего, покажутся достаточно наивными и несостоятельными. Вряд ли кто-либо из опытных ученых-процессуалистов или практических работников всерьез поверит, что дознание и предварительное следствие стали признаваться самостоятельными формами досудебного производства именно благодаря вышеуказанным различиям. Ведь все подобные особенности дознания, равно как и предварительного следствия, предопределены не столько подлинной сущностью и правовой природой дознавательской и следственной деятельности, сколько решением насущных, порой сиюминутных задач государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, обусловленных не более чем потребностью в оптимизации правоприменительной практики, стремлением к иным позитивным результатам, а иногда и просто вкусовыми предпочтениями авторов соответствующих законотворческих инициатив. Именно поэтому такие особенности вовсе не предполагают нормативной стабильности, а, напротив, предрасположены к частым изменениям и дополнениям — за последние годы многие из них уже неоднократно подвергались текущим, нередко весьма хаотичным корректировкам.

Примеры долго искать не надо. Достаточно вспомнить историю развития правил, регламентирующих сроки дознания (ч. 3, 4, 5 ст. 223 УПК РФ). Вначале дознавателям предписывалось завершать предварительное расследование не позднее 15 суток с момента возбуждения уголовного дела с возможностью продления этого срока надзирающим прокурором, но не более чем на 10 суток; затем, в 2003 г., изначально устанавливаемый срок увеличился до 20 суток²; и, наконец, в 2007 г. темпоральные лимиты

производства дознания разрослись до весьма внушительных пределов: начальный срок дознания вырос до 30 суток, а прокуроры разных уровней стали уполномочены в зависимости от различных обстоятельств продлевать этот срок еще до 30 суток, до 6 и даже до 12 месяцев³.

Схожие тенденции наблюдались и в части развития положений о поднадзорности следователей и дознавателей прокурору, а также их процессуально-ведомственной подчиненности и подконтрольности своему начальству. Так, в момент принятия УПК РФ законодатель исходил из идентичности, по крайней мере высокой степени тождественности механизмов прокурорского надзора, ведомственного руководства и контроля за дознанием и предварительным следствием. Однако в дальнейшем эти подходы подверглись существенным изменениям: в 2007 г. роль прокурорского надзора за предварительным следствием заметно ослабла с одновременной передачей множества соответствующих полномочий в ведение нового на тот момент субъекта уголовного судопроизводства — руководителя следственного органа⁴, тогда как в сфере дознания прежнее «соотношение сил» осталось практически неизменным, если, конечно, не считать упразднения механизма прокурорского санкционирования решения о возбуждении уголовного дела, введения в предмет уголовно-процессуального регулирования статуса начальника подразделения дознания и ряда других фрагментарных корректировок правил осуществления дознавательской деятельности.

Если ненадолго обратить историко-правовой взор к положениям отмененного в 2002 г. позднесоветского Уголовно-процессуального кодекса 1960 г. (далее — УПК РСФСР) и сопоставить их с нормами действующего закона, то определенные перемены можно усмотреть и в подходах к процессуальному положению (статусу) подвергающихся уголовному преследованию лиц, и в алгоритмах формирования обвинительного тезиса (позиции обвинения), и в механизмах окончания досудебного производства. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 120 УПК РСФСР в ее системном единстве с положениями гл. 11 УПК РСФСР, дознаватели (в процессуальной терминологии того периода — лица, производящие дознание) в отличие от своих сегодняшних коллег вовсе не освобождались от обязанности осуществления полноценной процедуры привлечения в качестве об-

³ См.: Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴ См.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

² См.: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

виняемого; исключения составляли лишь случаи использования протокольной формы досудебной подготовки материалов уголовного дела. В этой связи не существовало и наблюдаемой в настоящее время дифференциации процессуального положения подвергавшихся уголовному преследованию лиц: различия в статусах подозреваемого и обвиняемого обуславливались исключительно степенью уверенности следователя либо дознавателя в изобличении человека в совершении определенного преступления. В соответствии со ст. 199 УПК РСФСР и находившейся с ней в системном единстве ч. 2 ст. 124 УПК РСФСР предусматривался унифицированный, не зависящий от процессуальной формы расследования порядок завершения досудебного производства, предполагающий возможность прекращения уголовного дела либо его направления в суд с обвинительным заключением; особые процедуры завершения предварительного следствия устанавливались лишь в случаях, связанных с потребностью в решении вопросов о применении к лицу принудительных мер медицинского характера либо мер административного взыскания. Тогда как в действующем Кодексе предусмотрены специальные правила окончания дознания: вначале появился порядок направления уголовного дела в суд с обвинительным актом, а затем — и с обвинительным постановлением.

На основании всего вышеизложенного закономерно возникает целый ряд достаточно важных и взаимосвязанных доктринальных вопросов. В чем заключаются сущность и смысл дознания? Какова его подлинная роль в общем механизме досудебного производства по уголовному делу? Можно ли все-таки считать дознание обособленной, имеющей собственное предназначение и при этом распадающейся на два дифференцированных механизма формой предварительного расследования или его должно расценивать как упрощенную, в чем-то «ущербную» вариацию предварительного следствия, предрасположенную к использованию по «мелким», неприметным, не вызывающим особого интереса уголовным делам?

Причем особо актуальными эти вопросы представляются на фоне наблюдаемых в последние годы правотворческих стремлений к нивелированию границ между процессуальным положением дознавателей и следователей. Так, с одной стороны, дознаватели фактически уже превращены в своеобразных квазиследователей, располагающих всей полнотой юрисдикционной правосубъектности: они обладают возможностями собирать полноценные, априорно пригодные к использованию в судебном заседании доказательства, наделены правом прини-

мать правоприменительные решения, располагают иными требуемыми для осуществления следственных функций полномочиями. К тому же эти правотворческие стремления находят вполне ожидаемую поддержку и на ведомственном уровне: в структурах соответствующих органов исполнительной власти постепенно создаются формируемые наподобие следственных отделов специализированные подразделения дознания, в ведение которых передаются функции по возбуждению и расследованию не предполагающих обязательности предварительного следствия уголовных дел. Например, к основным задачам образованных еще в 1992 г. специализированных подразделений дознания органов внутренних дел отнесено рассмотрение сообщений о преступлениях, предварительное расследование в форме дознания, осуществление иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом дознавательских функций⁵; аналогичные либо схожие по смыслу задачи поставлены перед подразделениями дознания органов ФТС России, органов принудительного исполнения ФССП России и органов госпожнадзора Федеральной противопожарной службы МЧС России.

С другой стороны, дознание, связанное с уголовным преследованием ряда специальных субъектов (депутатов, судей, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и других лиц, обладающих особым правовым статусом) либо по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении этих лиц, вообще предписывается проводить не дознавателям, а следователям Следственного комитета Российской Федерации (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Конечно, смысл подобных требований более или менее понятен: он объясняется желанием законодателя создать условия для максимально объективного и непредвзятого расследования таких уголовных дел, исключить риски конфликта интересов и других нежелательных последствий. Однако сама возможность проведения дознания сотрудниками органов предварительного следствия — это уже неоспоримая данность. Кстати, ранее полномочиями по производству дознания были наделены и следователи некогда существовавших органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Во всяком случае ясно одно: обнаружить в действующем уголовно-процессуальном законе явные «следы» подлинной автономности

⁵ См. приказ МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».

дознания как полноценной формы предварительного расследования, усмотреть какие-либо нормативные намеки на его собственную роль и обособленный характер в общем механизме досудебного производства представляется достаточно сложным! Законодатель просто перестал уделять указанным нюансам должное внимание, фактически оставил их «на произвол судьбы». И в этой связи некоторые ученые вообще призывают к объединению дознания с предварительным следствием и созданию унифицированной процессуальной формы расследования уголовного дела [6, с. 47].

Может быть, в сложившихся обстоятельствах вообще стоит отказаться от подобного понимания дознания? Возможно, настало время начать признавать его не столько формой, не столько каким-то самостоятельным порядком предварительного расследования, сколько упрощенной вариацией предварительного следствия?

Подобные вопросы вовсе не уникальны. Они возникают и в отношении других номинально автономных режимов уголовно-процессуальной деятельности. Например, легально признаваемый таковым особый порядок расследования и судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних также достаточно сложно расценивать как отдельную процессуальную форму, как продукт дифференциации уголовного процесса. В реальности он тоже является лишь вариацией общего порядка уголовного судопроизводства, предполагающей несколько незначительных особенностей (расширенный предмет доказывания, обязательность участия законного представителя, специфику проведения некоторых процессуальных действий и т. п.).

Может быть, дознание заслуживает схожей доктринальной оценки? Возможно, сущность и смысл дознания действительно сводятся не более чем к набору незначительных процедурных особенностей, лишаящих его права претендовать на статус полноценной формы предварительного расследования?

Нет. Это далеко не так! Взгляды на дознание как на подлежащий ликвидации правовой анахронизм или как упрощенную вариацию предварительного следствия представляются не имеющими никакой доктринальной основы и базирующимися исключительно на не вполне удачных, иногда просто непродуманных положениях УПК РФ. Причем, по всей вероятности, такие положения не в последнюю очередь стали результатом недостаточно четкого понимания самим «коллективным законодателем» (читай: участвующими в разработке проекта Кодекса специалистами) смысла и характера дознавательской, то есть, по сути, полицейской деятельности и ее концептуальных отличий

от предполагающей принципиально иную парадигму работы следственной деятельности.

Однако основные причины наблюдаемых в настоящее время законодательных шероховатостей все-таки заключаются далеко не в этом. Они кроются в тенденциях развития национальной системы досудебной уголовной юстиции за последние сто лет, состоящих в инкрементальной процессуализации дознания и его постепенном превращении в полноценное направление процессуальной деятельности [8, с. 62–63]. Если прежде, до Октябрьской революции, под дознанием понималась совокупность непроцессуальных мероприятий полицейского типа, предполагающих раскрытие преступлений, установление и задержание подозреваемых, сохранение следов произошедшего, розыск обвиняемых и т. п., то к концу XX столетия в национальной доктрине и законодательстве прочно укоренились подходы, отождествляющие такую деятельность с обособленной, альтернативной предварительному следствию формой расследования уголовного дела.

Вместе с тем все указанные факторы так и не смогли повлиять на окончательное уничтожение сущности дознания как особого направления работы правоохранительных органов, оказались неспособны полностью выхолостить его исконный смысл. Они лишь привели к устранению сугубо «внешних», формальных, то есть достаточно заметных и наиболее предрасположенных к поверхностному восприятию специфических признаков и атрибутов дознавательской деятельности. Тогда как сама уникальная сущность дознания и его подлинный смысл были настолько глубоко закопаны в процессуальную «почву», настолько надежно спрятаны в процессуальной материи, что их надлежащее распознавание оказалось не под силу даже самому «коллективному законодателю». Но они все же существуют и напрямую связаны с классической парадигмой работы органов исполнительной власти полицейского типа.

Невзирая на инкрементальную процессуализацию дознания, на столь серьезные преобразования доктринальных и законодательных подходов к его роли и предназначению в общем механизме досудебного производства по уголовному делу, оно (дознание) *все еще сохраняет свои исконные полицейские корни*. Несмотря на частичное выполнение современными органами дознания функций юстиции, их деятельность по-прежнему базируется на классической полицейской парадигме, предполагающей незамедлительное реагирование на поступивший «сигнал» и принятие безотлагательных мер, направленных на выявление и раскрытие преступления, на задержание подозреваемого, на предварительное выяснение обстоя-

тельств случившегося, на сохранение предрасположенной к искажению либо утрате информации и т. д.

Конечно, наиболее отчетливо такая парадигма просматривается в части выполнения других свойственных органам дознания процессуальных функций — производства неотложных следственных действий и исполнения разовых поручений следователей (ст. 157 УПК РФ). Подобные превентивно-вспомогательные направления дознавательской деятельности имеют достаточно сильные сходства с классическими методами полицейской работы, в том числе с практикой полицейских чиновников дореволюционной России.

Однако для предусмотренных гл. 32–32.1 УПК РФ «полнообъемных» порядков предварительного расследования тоже характерны особенности, заставляющие вспомнить об их полицейском происхождении и обратить внимание на определенную степень их преемственности по отношению к условиям проведения полицией разборов различных правонарушений. В первую очередь такие особенности присущи сокращенному дознанию, предполагающему возможность использования для обоснования обвинительного тезиса собираемых в полусвободной форме материалов проверки сообщения о преступлении. Но при большом желании некоторые подобные особенности можно усмотреть и в требованиях, предъявляемых к производству ординарного дознания.

Представляется, что, даже будучи достаточно сильно сближенным с предварительным следствием, осуществляясь в так называемом следственно-ориентированном режиме [3, с. 114], ординарное дознание по-прежнему характеризуется чуть менее глубоким вниканием в детали происшедшего — данный посыл прямо вытекает из изначальной необремененности дознания процедурой привлечения в качестве обвиняемого. Именно это характерное для предварительного следствия условие и предопределяет гораздо более полное, всестороннее и объективное исследование имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Ведь выполнение предусмотренных гл. 23 УПК РФ процедурных требований позволяет обвиняемым (их защитникам) осознавать существо выдвинутых обвинений, давать predeterminedенные такими обвинениями показания, пояснения, заявлять ходатайства, то есть быть услышанными еще на этапе расследования соответствующих уголовных дел. А это, в свою очередь, способствует (по крайней мере должно способствовать) уразумению следователями вытекающих из данных показаний, пояснений, ходатайств пробелов в предмете доказывания и противоречий в доказательственной базе. Тогда как дознавателям (за исключением случаев предусмотренных ч. 3 ст. 224 УПК РФ)

фактически предписывается расследовать уголовные дела с как бы односторонним (не обвинительным, а именно односторонним!) уклоном, то есть обходиться без подобных «подсказок» второй стороны, рассчитывая лишь на свою проницательность, опыт, а также указания руководства, прокуроров и существующие методические рекомендации. Конечно, дознанию все же присущи некоторые страховочные механизмы: согласно действующему уголовно-процессуальному закону подозреваемые (их защитники) вовсе не лишены возможностей дачи показаний, объяснений, заявления ходатайств, в том числе права быть допрошенными после уведомления о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Но практические воплощения подобных дозволений не могут определяться должной осведомленностью данных участников о сущности и содержании подлежащих выдвижению органами дознания уголовно-правовых претензий — исходя из смысла ч. 1–2 ст. 225 и ч. 1, 4 ст. 226.7 УПК РФ, такие претензии належит формулировать только в обвинительных актах и постановлениях, предъявляя их для ознакомления заинтересованным лицам непосредственно перед передачей соответствующих уголовных дел прокурору для последующего направления в суд.

Кстати, именно в этой связи дознание в отличие от предварительного следствия не предполагает безальтернативности: по письменному указанию прокурора такая форма расследования может быть изменена с направлением уголовного дела руководителю следственного органа для организации дальнейшего досудебного производства (ч. 4 ст. 150 УПК РФ). В этой же связи неконструктивными видятся прагматичные и даже несколько утилитарные предложения ряда современных ученых-процессуалистов, в первую очередь профессора Б. Я. Гаврилова, о полном упразднении установленной гл. 23 УПК РФ процедуры привлечения в качестве обвиняемого и сведения следственного порядка выдвижения уголовно-правовой претензии к механизму, сходному с алгоритмом уведомления лица о подозрении в совершении преступления [1, с. 54; 2, с. 10], — подобные новации могут оказать весьма негативное влияние на полноту, всесторонность и объективность предварительного следствия.

Таким образом, на основании всего изложенного можно прийти к выводу об обусловленности подлинной сущности, смысла, роли и предназначения дознания принципиально иными по сравнению со следственной деятельностью, сформированными с учетом преемственности по отношению к классической парадигме работы полиции подходами к решению стоящих перед предварительным расследованием задач.

Подобные подходы не подразумевают исчерпывающего познания всех аспектов и нюансов случившегося, не связаны с доскональным выяснением мельчайших подробностей события преступления, других имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств, не сопряжены с детальным изучением личности обвиняемого (подозреваемого), стремлением к пониманию причин его криминального поведения и движущих им мотивов по крайней мере в том объеме, в котором это требуется для производства предварительного следствия, а, напротив, предполагают не такую глубокую, несколько более поверхностную когницию произошедшего, рассчитанную не столько на полноту, всесторонность и объективность предполагаемых результатов, сколько на оперативность и кратковременность досудебного расследования достаточно незначительных, характеризующихся сравнительно слабой степенью общественной опасности криминальных деяний с как можно более скорым направлением всех наработанных материалов в суд. Иными словами, в отличие от предварительного следствия лейтмотивом дознания надлежит считать свойственный для работы органов полицейского типа алгоритм: «1. Быстро разобраться в обстоятельствах случившегося. 2. Выдвинуть в отношении лица уголовно-правовую претензию. 3. Скорее передать уголовное дело в суд». А основной ареной для исчерпывающего процессуального познания, изучения личности обвиняемого и решения тому подобных задач по окончанным дознанием уголовным делам следует признавать судебное заседание в первой инстанции.

Поэтому дознание никоим образом нельзя считать некоей упрощенной, пусть даже весьма специфической вариацией предварительного следствия, предрасположенной к использованию по «мелким», «незаметным», не вызывающим особого интереса уголовным делам. Дознание было и пока еще остается обособленной, располагающей уникальной сущностью, подразумевающей собственный смысл, выполняющей собственную роль и имеющей автономное предназначение формой предварительного расследования, распадающейся на два дифференцированных механизма, как бы на две субформы.

В завершение остается лишь обратить внимание, что высказанные в настоящей статье доводы о дознании как о форме предварительного расследования предопределяют потребность в пересмотре целого ряда иных доктринальных позиций и основанных на них положений уголовно-процессуального законодательства. В частности, разумным видится изменение принципов разграничения уголовных дел на подлежащие расследованию в форме дознания и предполагающие обязательность предварительного следствия, в первую очередь отказ от нормативных подходов, связывающих такое разграничение лишь с должным балансом в служебной нагрузке соответствующих государственных органов (их структурных подразделений) и должностных лиц. Кроме того, стоит вообще задуматься о реставрации дореволюционной либо раннесоветской парадигмы дознания или же о разработке каких-то иных механизмов оперативного установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств в «облегченном» режиме. К рассмотрению всех этих вопросов автор настоящей статьи планирует вернуться в последующих публикациях.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания к его реорганизации? // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 51–56.
2. *Гаврилов Б. Я.* XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.
3. *Калачева А. В.* Орган дознания как субъект уголовно-процессуальных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 241 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд. М., 2017. 1280 с.
5. *Мичурина О. В.* Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008. 581 с.

References:

1. *Gavrilov B. Ya.* Pred'yavlenie obvineniya v dosudebnom proizvodstve: est' li osnovaniya k ego reorganizacii? // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2017. № 4 (44). S. 51–56.
2. *Gavrilov B. Ya.* XX let rossijskomu ugolovno-processual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya // The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. № 6. S. 7–14.
3. *Kalacheva A. V.* Organ doznaniya kak sub'ekt ugolovno-processual'nyh pravootnoshenij : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 241 s.
4. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L. V. Golovko. 2-e izd. M., 2017. 1280 s.
5. *Michurina O. V.* Konceptiya doznaniya v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii i problemy ee realizacii v organah vnutrennih del. M., 2008. 581 s.

6. *Победкин А. В.* О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 46–48.
7. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу : учебник. М., 2022. 232 с.
8. *Россинский С. Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
9. *Смирнов А. В. Калиновский К. Б.* Уголовный процесс : учебник / под ред. А. В. Смирнова. 3-е изд. М., 2007. 704 с.
10. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.А. Лазаревой. М., 2015. 656 с.
11. *Химичева Г. П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. 352 с.
6. *Pobedkin A. V.* O cennosti processual'noj formy v usloviyah pravovogo nigilizma v Rossii // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 2. S. 46–48.
7. *Rossinskij S. B.* Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu : uchebnik. M., 2022. 232 s.
8. *Rossinskij S. B.* Rossijskaya sistema dosudebnogo proizvodstva kak sintez razlichnyh tipov ugovnogo processa // State and Law. 2023. № 4. S. 58–65.
9. *Smirnov A. V. Kalinovskij K. B.* Ugolovnyj process : uchebnik / pod red. A. V. Smirnova. 3-e izd. M., 2007. 704 s.
10. Ugolovnyj process : uchebnik / pod red. V. A. Lazarevoj. M., 2015. 656 s.
11. *Himicheva G. P.* Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnym delam: koncepciya sovershenstvovaniya ugovno-processual'noj deyatel'nosti. M., 2003. 352 s.

Для цитирования:

Россинский Сергей Борисович. Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия? // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 67–75.

For citation:

Rossinsky Sergey Borisovich. Police Inquiry: an Independent Form of Procedural Inquiry or a Simplified Version of Preliminary Investigation? // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 67–75.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10
E-mail: rwmмос@rambler.ru

ORCID 0000-0002-2585-6388

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-76-84

Дата поступления статьи: 12 февраля 2025 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Европейский опыт формирования взаимоотношения полиции и граждан и его учет в государствах – участниках СНГ

The European Experience of Forming the Relationship between Police and Citizens and Its Consideration in the CIS Member States

Аннотация

Актуальность: эффективность охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности напрямую зависит от избранной в государстве модели организации органов полиции, полицейской деятельности и их реализации в практике государственного строительства. Сервисная модель полиции, сервис-ориентированное полицирование, сервисная полиция – одни из ключевых понятий, используемых для характеристики направления развития полиции в современных демократических государствах. Эти понятия все активнее используются и в со-

Vladimir Mikhailovich Redkous,
Doctor of Law, Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Administrative Law
and Administrative Procedure,
The Institute of State and Law
of the Russian Academy of Science,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenka St., 10
E-mail: rwmмос@rambler.ru

ORCID 0000-0002-2585-6388

Scientific Speciality:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

Relevance: the effectiveness of protecting public order and ensuring public safety directly depends on the model chosen in the state for the organization of police bodies, police activities and their implementation in the practice of state building. The police service model, service-oriented policing, and service policing are some of the key concepts used to characterize the direction of police development in modern democratic states. These concepts are increasingly used in the modern public administration lexicon in the Russian Federation and in the CIS member states, indicating what a modern police force should be and who

временном государственно-управленческом лексиконе в Российской Федерации и в государствах – участниках СНГ, обозначая, какой должна быть современная полиция и кто является конечным потребителем ее услуг. Сервисная модель полиции предусматривает новый тип отношений полиции и граждан, полиции и гражданского общества, основанный на доверии, прозрачности, открытости полиции общественному контролю и доступности полиции для населения. Однако внедрение сервисной модели полиции базируется на апробированной практикой европейских государств моделях полицейской деятельности, которые и будут рассмотрены в данной статье.

Постановка проблемы: до настоящего времени нельзя однозначно сказать, что существует как общепринятое определение сервисной модели полиции, так и то, что эта модель была полноценно сформирована в какой-либо стране. Принято считать, что сервисная полиция пришла на смену полиции милитаризованной и что основным предназначением сервисной полиции является предоставление соответствующих услуг гражданам и иным субъектам в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Декларирование построения полиции по сервисной модели влечет принятие соответствующих организационно-правовых мер, изменение самой парадигмы взаимоотношений полиции и граждан, когда граждане страны, население становятся основным потребителем услуг полиции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Это требует научной разработки вышезатронутых вопросов, в том числе и путем активного привлечения зарубежного опыта для получения полной и объективной картины об их содержании. Анализ европейского опыта построения моделей полиции и полицейской деятельности востребован в российских условиях совершенствования деятельности полиции.

Цель исследования: совершенствование подходов к разработке концептуальных направлений модернизации организации и оптимизации деятельности полиции в современных условиях с учетом положительного зарубежного опыта.

Методы исследования: диалектика, общие и частные методы юридических наук, сравнительное правоведение.

Результаты и ключевые выводы: изменение парадигмы взаимоотношений России с ведущими западными государствами не должно умалять ценность выработанного зарубежной практикой опыта строительства органов полиции, который в допустимых пределах может быть использован и в российских условиях.

is the end user of its services. The police service model provides for a new type of relationship between the police and citizens, the police and civil society, based on trust, transparency, openness of the police to public control and accessibility of the police to the public. However, the implementation of the police service model is based on the models of policing that have been proven by the practice of European states, which will be discussed in this article.

Problem statement: until now, it is impossible to say unequivocally that there is a generally accepted definition of the police service model, and that this model has been fully formed in any country. It is generally accepted that the service police has replaced the militarized police, and that the main purpose of the service police is to provide appropriate services to citizens and other entities in the field of public order and public safety. Declaring the construction of the police according to the service model entails the adoption of appropriate organizational and legal measures, a change in the very paradigm of relations between the police and citizens, when the citizens of the country, the population become the main consumer of police services in the field of public order and public safety. This requires the scientific development of the above-mentioned issues, including through the active involvement of foreign experience in order to obtain a complete and objective picture of their content. The analysis of the European experience in building models of police and policing is in demand in the Russian context of improving police activities.

The purpose of the study is to improve approaches to the development of conceptual directions for improving the organization and activities of the police in modern conditions, taking into account the positive foreign experience.

Research methods: dialectics, general and particular methods of legal sciences, comparative law.

Results and key conclusions: a change in the paradigm of Russia's relations with leading Western states should not detract from the value of the experience gained in building police agencies in foreign practice, which can be used within acceptable limits in Russian conditions. In the Russian Federation and in the CIS member States, there is a steady trend in the development of the police service model, which provides for the reduction of militarized police functions in favor of providing various services to the population related to the protection of public order and ensuring public safety. This changes the nature of the relationship between the police and citizens, makes citizens equal participants in emerging public relations, and expands the possibilities of public control over the exercise of their powers by the police. The article shows that three main approaches to the relationship between police and citizens have been

В Российской Федерации и в государствах – участниках СНГ отмечается устойчивая тенденция развития сервисной модели полиции, предусматривающей сокращение милитаризованных функций полиции в пользу оказания населению различных услуг, связанных с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности. Это меняет характер взаимоотношений полиции и граждан, делает граждан равноправными участниками возникающих общественных отношений, расширяет возможности общественного контроля за реализацией полицией своих полномочий.

В статье показано, что преимущественно в Европе сформировались три основных подхода к взаимоотношению полиции и граждан: максимизация полицейского присутствия в обществе (proximity policing); полиция стандартизированных процедур (instrumental policing); полиция процедурной справедливости (procedural justice policing). Эти подходы в своей совокупности с учетом потребностей и условий государственно-правового развития трансформировались в концепцию сервисной модели полиции, хотя и продолжают использоваться в регулировании полицейской деятельности в европейских государствах.

Ключевые слова: государственное управление; административная реформа; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; правовое регулирование; правоохранительные органы; органы внутренних дел; полиция; документы стратегического планирования; сервисная модель полиции; полицейская деятельность; профилактика преступлений и иных правонарушений; взаимодействие с гражданами; гражданское общество.

formed mainly in Europe: maximizing police presence in society (proximity policing); police of standardized procedures (instrumental policing); police of procedural justice (procedural justice policing). These approaches in their entirety, taking into account the needs and conditions of state and legal development, have been transformed into the concept of a police service model, although they continue to be used in regulating police activities in European countries.

Keywords: public administration; administrative reform; protection of public order; ensuring public safety; legal regulation; law enforcement agencies; internal affairs agencies; police; strategic planning documents; police service model; policing; prevention of crimes and other offenses; interaction with citizens; civil society.

В государствах – участниках СНГ, в том числе и в Российской Федерации, постепенно получает широкое распространение концепция так называемой сервисной модели полиции, что отражается на всех сторонах организации и деятельности полиции. А. А. Гришковец в своей работе указывает, что «на современном этапе российской государственности у органов внутренних дел наряду с традиционными «полицейскими функциями» появилась новая, так называемая сервисная функция, осуществление которой связано с предоставлением государственных услуг населению». По мнению ученого, сервисная функция основной для полиции не является. А. А. Гришковец свой вывод делает на основе того, что сервисные услуги предоставляются полицией «вне рамок собственно полицейской деятельности, отличитель-

ной особенностью которой является применение предусмотренных законом отдельных мер государственного принуждения». А сервисная функция, в противовес полицейской, не предусматривает применения подобного рода мер. Ее реализация осуществляется в рамках позитивной управленческой деятельности, отмечает А. А. Гришковец [3, с. 40–41].

Г. Р. Рустемова и И. С. Приходько, говоря о сути сервисной полицейской деятельности, связывают ее реализацию с применением «новых методов сотрудничества полиции и общества для противодействия преступности, обеспечения должного правопорядка и безопасности. Она состоит прежде всего в изменении методов и средств, используемых в практике полиции, и принятии мер по конструктивному взаимодействию между полицией и обществом» [5, с. 22].

Реализация сервисной модели полиции ведет к уточнению правового положения полиции в системе государственных правоохранительных органов, наделению ее новыми функциями, связанными с обслуживанием населения; трансформации взаимоотношений полиции и граждан, отказу от ведомственности в пользу открытости и доступности полиции для граждан; демилитаризации полиции, усилению обоснованности применения полицией мер государственного полицейского принуждения; изменению критериев оценки деятельности полиции и ее сотрудников; совершенствованию требований, в том числе и этических, предъявляемых к сотрудникам полиции.

Для реализации сервисной модели полиции необходимо учитывать положительный зарубежный опыт существующих концептуальных направлений деятельности полиции, накопленный прежде всего европейскими государствами. Невзирая на резкое охлаждение и свертывание отношений между Россией и ведущими государствами Западной Европы по многим направлениям деятельности, в том числе и полицейской, учет положительного зарубежного опыта всегда полезен и приемлем в границах, допускаемых законодательством нашей страны, традициями российской правовой системы, а также иными факторами, учитываемыми при принятии решения о его использовании в российских условиях.

Концепция сервисности полиции находит свое закрепление в документах стратегического планирования, принимаемых в государствах СНГ в области общественной безопасности. Так, например, в Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы (в сфере профилактики правонарушений), утвержденной постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 г. № 1233, прямо сказано, что ее реализация будет способствовать достижению следующих общенациональных приоритетов и стратегических задач: совершенствованию правовых основ государства, направленных на эффективную реализацию гражданином прав и свобод, обеспечивающих верховенство закона во всех сферах жизни, взаимную ответственность личности и государства; переходу от силовой модели работы полиции к сервисной модели взаимодействия правоохранительных органов с гражданами для построения безопасного и правового общества; построению «человекоцентричной» модели государственного управления — «люди прежде всего». При этом в рассматриваемой концепции речь идет о «сервисной модели взаимодействия правоохранительных органов с гражданами», что является даже более широким подходом, чем просто «сервисная модель взаимодействия органов внутренних дел (полиции) с гражданами», где имеется в виду перестроение всей правоохранительной системы государства, включая и органы безопас-

ности, и внутренние войска (национальную гвардию), и иные правоохранительные органы.

Анализ научных публикаций показывает, что наиболее последовательно сервисная модель полиции внедряется в Республике Казахстан. Так, например, Н. К. Адалиев пишет, что «модель сервисной полиции», по существу, представляет собой сотрудничество между полицией и обществом, направленное на совместное установление и решение проблем этого общества» [1, с. 12]. Сервисная полиция — это такой подход к полицейской деятельности, который характеризуется, во-первых, направленностью стратегии деятельности полиции на оказание качественных услуг населению и решение проблем безопасности на основе партнерства с обществом; во-вторых, тем, что основными направлениями деятельности являются профилактика преступлений и иных правонарушений; в-третьих, обеспечением шаговой доступности, нацеленной на максимальное облегчение гражданам доступа к полиции; в-четвертых, тесным сотрудничеством с населением, повышением оперативности реагирования, а также применением цифровых технологий.

Поскольку органы внутренних дел в силу особенностей сферы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности по праву рассматриваются как наиболее близкая к гражданам правоохранительная структура, то их опыт «сервисности», опыт организации сервисной модели деятельности будет учитываться и при принятии решения о внедрении сервисности в деятельность иных органов, входящих в правоохранительную систему государства.

В ряде государств — участников СНГ есть самостоятельные законы о полиции (милиции): Закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 727-IQ «О полиции»¹; Закон Республики Армения от 16 мая 2001 г. № ЗР-177 «О полиции»²; Закон Республики Молдова от 27 декабря 2012 г. № 320 «О деятельности полиции и статусе полицейского»³; Закон Республики Молдова от 16 декабря 2016 г. № 288 «О государственном служащем с особым статусом Министерства внутренних дел»⁴; Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵;

¹ О полиции : Закон Азербайджанской Республики от 28 октября 1999 г. № 727-IQ // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 11. Ст. 611.

² О полиции : Закон Республики Армения от 16 мая 2001 г. № ЗР-177 // Официальные ведомости Республики Армения. 2001. № 15 (147). Ст. 378.

³ О деятельности полиции и статусе полицейского : Закон Республики Молдова от 27 декабря 2012 г. № 320 // Официальный монитор Республики Молдова. 2013. № 42-47. Ст. 145.

⁴ О государственном служащем с особым статусом Министерства внутренних дел : Закон Республики Молдова от 16 декабря 2016 г. № 288 // Официальный монитор Республики Молдова. 2017. № 40-49. Ст. 85.

⁵ О полиции : Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 «О милиции»⁶.

В ряде государств – участников СНГ самостоятельные законы о полиции отсутствуют, однако есть законы, регулирующие деятельность органов внутренних дел, составной частью которых является полиция: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»⁷; Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»⁸; Закон Киргизской Республики от 11 января 1994 г. № 1360-ХП «Об органах внутренних дел Киргизской Республики»⁹; Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 «Об органах внутренних дел»¹⁰; Закон Туркменистана от 21 мая 2011 г. № 195-IV «Об органах внутренних дел Туркменистана»¹¹.

Непосредственно понятие «сервисность» в законодательных актах об органах внутренних дел (полиции) не употребляется. Однако как направление деятельности полиции и фактор, обуславливающий характер взаимоотношения полиции и населения, сервисность закрепляется в целом ряде законодательных норм, устанавливающих назначение полиции, задачи полиции, принципы организации и деятельности полиции, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в деятельности полиции и т. д.

В большей степени вопросы сервисности закрепляются в ведомственных правовых актах. В качестве примера можно привести постановление Президента Республики Узбекистан от 11 июля 2017 г. № ПП-3126 «О мерах по коренному совершенствованию деятельности органов внутренних дел в сфере миграционных процессов и оформления гражданства».

Анализ законодательных актов об органах внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ показывает, что дихотомия их правового положения, проявляющаяся в единстве и противоположности сервисности и милитаризованности, оказании услуг населению и применении мер принуждения, является неременным атрибутом

организации и деятельности органов внутренних дел, является и будет еще длительное время обуславливать организационное построение и регламентацию деятельности органов внутренних дел (полиции).

Концепция сервисной полиции возникла не на пустом месте. Ей предшествовали и иные концепции организации и развития полиции. Так, например, И. В. Важенина выделила следующие модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом: демократическая полиция (Democratic Policing); правозащитная полиция (Human Rights Policing); общественная полиция (Community Policing); проблемно ориентированная полиция (Problem Oriented Policing); соседская (местная) полиция (Neighbourhood Policing); полиция поддержки (успокоения) (Reassurance Policing); полиция, ориентированная на граждан (Citizen Focused Policing); ценностно ориентированная полиция (Value Based Policing) [2, с. 23].

В последние десятилетия осуществлялась систематическая работа по улучшению взаимоотношений между полицией и гражданами (police-public relationship). Проведенные исследования показывают, что преимущественно в Европе сформировались и доминируют три основных подхода профессиональной полицейской деятельности, отличающиеся по критерию взаимоотношения полиции и граждан [22, с. 48]: *первый подход* – максимизация полицейского присутствия в обществе (proximity policing); *второй подход* – полиция стандартизированных процедур (instrumental policing); *третий подход* – полиция процедурной справедливости (procedural justice policing) [4, с. 5–6].

Отметим, что эти подходы профессиональной полицейской деятельности актуальны и по сей день в связи с тем, что, во-первых, это стратегии или группы стратегий, из которых другие модели полицирования могут взять что-то для себя, для обоснования собственной концепции профессиональной полицейской деятельности; во-вторых, это были стратегии построения доверия между полицией и гражданами, хотя иногда и вызывавшие дискуссии и споры; в-третьих, мы все еще видим влияние этих подходов, хотя и в измененной и более развитой форме, в сегодняшней полицейской практике большинства европейских государств.

Рассмотрим первый подход – максимизацию полицейского присутствия в обществе (proximity policing) [4, с. 6–7]. Истоки данной модели можно найти в работах теоретиков 1970–1980-х годов различных стран (Х. Гольдштейна, Дж. К. Уилсона, Дж. Л. Келлинга, Дж. Олдерсона, П. С. Питерса, М. А. Стравера и др.) [9, с. 238–258 и др.]. Сам термин «proximity policing» сегодня употребляется достаточно редко, вместо него чаще можно встретить очень близкий к нему и более из-

⁶ О милиции: Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004. № 5. Ст. 352.

⁷ Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 173, 2/1360.

⁸ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 8 (2657). Ст. 48.

⁹ Об органах внутренних дел Киргизской Республики: Закон Киргизской Республики от 11 января 1994 г. № 1360-ХП // Нормативные акты Киргизской Республики. 1994. № IV/1.

¹⁰ Об органах внутренних дел: Закон Республики Узбекистан от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 // Собр. законодательства Республики Узбекистан. 2016. № 38 (746). Ст. 438.

¹¹ Об органах внутренних дел Туркменистана: Закон Туркменистана от 21 мая 2011 г. № 195-IV // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2011. № 2 (1004).

вестный термин «community-oriented policing», или «community policing», то есть «полицейская деятельность, ориентированная на общество».

В этом подходе меньше внимания обращается на профессионализм, деловые качества полицейского, а больше на то, насколько конфликтными являются отношения полиции и населения. Иными словами, критерием эффективности деятельности полиции является отношение общества к полиции, видят ли люди в полиции помощника и защитника, обращаются ли к ней за консультациями и с проблемами не только правоохранительного, но и социального характера. Внутренняя оценка эффективности исполнения должностных инструкций отходит на второй план.

В рамках практической реализации такого подхода полиция должна минимизировать расстояние с обществом, сокращать его, добиваясь доступности и видимости, сосредоточивая внимание на решении широкого круга (социальных) проблем соседства, таких как беспорядки и чувство незащищенности, сотрудничая с партнерами и проявляя инициативу в борьбе с преступностью и правонарушениями в целом, обмениваясь информацией с обществом (Х. Гольдштейн, С. Герберт, У. Г. Скоган, Дж. Терпстра и др.) [10, с. 6–30; 23 и др.].

На практике это реализуется за счет децентрализации структуры полицейского управления; увеличения дискреционной автономии полицейских, которые присутствуют в общественных местах и находятся тем самым в поле видимости граждан; увеличения географического рассредоточения и количества полицейских участков или офисов; увеличения участия полиции в местных сетях (local networks), а применительно к сегодняшнему дню – группах в социальных сетях; смещения фокуса обучения полиции и образования от простого контроля соблюдения уголовного и административно-деликтного законодательства до решения широкого круга проблемных вопросов, возникающих в обществе (У. М. Оливер, Э. Бартгис, Д. П. Розенбаум, Дж. Х. Скольник, Д. Х. Бейли и др.) [19, с. 490–509 и др.].

Рассматривая второй подход – формирования полиции стандартизированных процедур (instrumental policing), отметим, что он сложился в 1990-е годы в противовес предыдущему подходу. Его цель – исправить те проблемы, которые нельзя было преодолеть путем налаживания и совершенствования взаимодействия полиции и общества [4, с. 7–8].

Инструментализм стал ответом правоохранительной системы на постоянно возрастающий уровень преступности во многих государствах. В соответствии с данным подходом рост преступности и падение общественной поддержки полиции можно по крайней мере частично объяснить ее недостатками [16, с. 25–30]. При все возрастающем финансировании правоохранительной си-

стемы не было получено объективных и убедительных доказательств того, что полиция эффективно сдерживает рост преступности [6, с. 5–16].

В результате инструментализм стал течением, которое решило изменить управленческие механизмы (систему менеджмента) в правоохранительных органах с учетом набирающей тогда популярности новой школы публичного менеджмента (NPM school) [20 и др.].

С одной стороны, инструментальная модель сохранила представление о профессиональном идеале полиции как об эффективном борце с преступностью, но, с другой стороны, рост популярности новой школы публичного менеджмента повлиял на создание системы оценки результативности работы полиции и иных правоохранительных органов, которая через оценку степени доверия к ним подтверждает легитимность их существования и деятельности. Эти два элемента оказались очень совместимыми, хотя в процессе их слияния пришлось отказаться от некоторых элементов профессиональной модели полицирования.

В основе такого подхода лежит концентрация на внутренних механизмах оценки качества работы, следование управленческой (бюрократической) логике и правилам. При этом внутренняя система управления в полиции использует такие же менеджерские подходы, как в частных корпорациях [14, с. 3–19].

В центр такого подхода было положено «соотношение цены и качества» применительно к полицейской деятельности. Это означало, что полиция должна предоставить доказательства своей эффективности: любые внесенные налогоплательщиком деньги должны быть рационально и результативно израсходованы [17]. Критерии эффективности предполагали, что усилия в борьбе с преступностью можно измерить, и это наиболее логичный показатель эффективности полиции, а также по умолчанию самый простой способ рассказать о своей работе обществу [15].

За последние десятилетия именно уровень преступности был в центре внимания средств массовой информации и политики в западных странах мира [21]. В этом и состоит главная уязвимость инструментализма: преступность, как правило, сложно измерить объективно, любая такая система будет иметь свои изъяны и варьироваться от национального контекста, традиций, трендов [15].

В отличие от предыдущего подхода proximity policing, где обратной связью выступают представления и мнения граждан о работе полиции, инструменталистский подход рассматривает общество как совокупность рационально мыслящих индивидов, которые могут понять сложность полицейской работы, отчетности, статистики, виктимизационных рейтингов и т. д.

Если полиция эффективно управляет собой внутри, рационально расходует ресурсы

и преступность при этом удается сдерживать — то это эффективная полиция (правоохранительная система). Такая идея поддержана и выдвинута в качестве ключевого постулата представителями инструменталистского подхода к работе полиции [4]. Инструменталистские взгляды на отношения между обществом и полицией получили быстрое распространение как внутри американского, так и внутри отдельных европейских государств с конца 1990-х годов. Наиболее заметно их влияние отмечено в полицейских организациях таких скандинавских стран, как Дания, Норвегия и Швеция [13, с. 447–460].

Рассмотрим третий подход к взаимоотношению полиции и граждан — полиция процедурной справедливости (*procedural justice policing*), который сформировался и получил распространение в 2000-е годы, как подход к «превалированию процедурной предсказуемости полиции» [4, с. 8–10]. При этом подходе частично продолжилась реорганизация управленческой системы, но уже с акцентом не на внутренние взаимоотношения в полиции, а на внешние — взаимоотношения полиции с населением.

Ключевым элементом рассматриваемого подхода стала констатация предсказуемости действий полицейского: граждане должны знать и как минимум понимать, что и в каком порядке произойдет при возникновении различных ситуаций, прежде всего стандартных, например при проверке документов, удостоверяющих личность, при применении мер административного принуждения и т. п. При этом граждане не станут воспринимать полицию в штыки, враждебно, действия сотрудников полиции в глазах граждан будут скорее казаться какой-то необходимой процедурой, и граждане будут без принуждения сотрудничать с полицией. Эта закономерность была выведена довольно давно [7, с. 167], но только недавно получила широкое распространение.

Данный подход возник в связи с традицией судебной легитимности (*court legitimacy*) и психологических исследований соблюдения гражданами судебных решений в странах общего права (*common-law countries*), а не собственно доверия к полиции со стороны граждан. Тем не менее в последние годы он все чаще (на самом деле почти экспоненциально) применялся именно к вопросам доверия к полиции [24].

Представители данного подхода понимают проблемность оценки результатов работы полицейских и сотрудников иных правоохранительных органов, так как конечный продукт их деятельности является «болезненным для общества и травмирующим его отдельных индивидов». Так, абстрактное восприятие преступности не всегда приемлемо, ведь, по сути, речь идет о человеческих бедах и проблемах, требующих решения при

участии полиции, поэтому чем менее формализованной будет отчетность полиции перед гражданами, населением, тем больше положительных эмоций вызовет деятельность полиции у населения, что отразится на результатах оценки ее деятельности.

Однако у этого процесса есть и обратная сторона. В тех случаях, когда общественность узнает определенные объективно существующие обстоятельства, связанные, например, с невозможностью привлечения к ответственности лица, подозреваемого в совершении резонансного преступления, в связи с нехваткой доказательств, то она может эмоционально воспринять эту неспособность полиции привлечь к ответственности преступника, и при этом никакие рациональные объяснения не подойдут и не будут учитываться. Так же, например, если суд вместо содержания под стражей как меры пресечения изберет домашний арест, то общественность воспримет это эмоционально и, как правило, не в пользу суда или иного правоохранительного органа, допустившего принятие такого решения.

Концепция полиции процедурной справедливости по своей сути предполагает, что во взаимоотношениях с гражданами полиция должна обращаться одинаково и справедливо, а степень вмешательства в права и свободы граждан не должна быть выше, чем это необходимо в процессе такого вмешательства. Речь должна идти о справедливом, пропорциональном, законном и адекватном вмешательстве со стороны полицейских органов.

Полицейская деятельность, основанная на процедурной справедливости, предполагает наличие такого элемента [25, с. 103–136], как правовая защищенность гражданина, чтобы случай вмешательства в его права имел беспристрастный и законный характер и не нарушал этических норм полицейской деятельности. Иными словами, вмешательство должно быть пропорционально цели, наименее инвазивно и, конечно же, законно. Когда полиция относится к гражданам с уважением, а ее решения являются обоснованными, то граждане в свою очередь охотнее подчиняются законным требованиям полиции [18, с. 91], больше ей доверяют [12, с. 214–233], настроены в целом более позитивно и готовы к сотрудничеству [11, с. 206–228].

Формированию общественного доверия к полиции способствует надлежащее использование сотрудниками полиции своих дискреционных полномочий. Это всецело соответствует концепции процедурной справедливости и касается преимущественно тех подразделений полиции, которые ежедневно контактируют с гражданами. Именно их подготовка, алгоритмы деятельности, система мониторинга качества работы путем выборочных проверок нацелен-

ны на то, чтобы максимально объяснять гражданину процедуру, которая к нему применяется (Э. Сержант, Е. Антробус, К. Мерфи, С. Беннетт, Л. Мазероль) [8, с. 20–46 и др.], например разъяснение причин и оснований остановки лица для проверки документов, удостоверяющих личность, либо прав лица во время его административного задержания и т. п. Чем меньше человек боится правовой неизвестности (неопределенности), опасается полиции, тем более эмоционально нейтральной будет для него такая ситуация, и в конечном итоге его отношение к полиции будет либо нейтральным, либо положительным.

Вышеназванные подходы в своей совокупности и вызвали к жизни на современном уровне развития государственности в европейских странах сервисную модель организации полиции, полицирования, когда результаты деятельности полиции оцениваются не самой полицией, а обществом, когда население является основным потребителем услуг в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, когда деятельность полиции осуществляется на реально демократических началах, подкрепленных законностью, открытостью и гласностью деятельности на благо всего общества.

Список литературы:

1. *Адалиев Н. К.* Становление и эволюция «сервисной» полиции: исторические и современные аспекты // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 4. С. 10–16.
2. *Важенина И. В.* Модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 20–33.
3. *Гришкова А. А.* Сервисная функция полиции и ее развитие в современной России // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 38–43.
4. Реформирование полиции. Опыт Украины, Грузии, Молдовы : аналитический обзор / Центр исследования правовой политики (LPRC); Центр политико-правовых реформ (CPLR). Алматы, 2022. 47 с.
5. *Рустемова Г. Р., Приходько И. С.* Опыт Казахстана по созданию сервисной полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 1 (42). С. 22–23.
6. *Ackroyd S.* A case of arrested development? Some consequences of inadequate management in the British police // International Journal of Public Sector Management. 1993. № 6 (2). Pp. 5–16.
7. *Banton M.* The policeman in the community. London, 1964.
8. *Bradford B., Jackson J., Stanko E.A.* Contact and confidence: Revisiting the impact of public encounters with the police // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. 2009. № 19 (1). Pp. 20–46.
9. *Goldstein H.* Improving policing: A problem-oriented approach // Crime and Delinquency. 1979. № 25 (2). Pp. 238–258.

References:

1. *Adaliev N. K.* Stanovlenie i evolyuciya «servisnoj» policii: istoricheskie i sovremennye aspekty // The Bulletin of the Law Enforcement Academy. 2020. № 4. S. 10–16.
2. *Vazhenina I. V.* Modeli organizacii deyatelnosti policii zarubezhnyh gosudarstv v sfere vzaimodejstviya s grazhdanskim obshchestvom // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (101). S. 20–33.
3. *Grishkovec A. A.* Servisnaya funkciya policii i ee razvitie v sovremennoj Rossii // Police and society: problems and prospects of cooperation. 2024. № 6. S. 38–43.
4. Reformirovanie policii. Opyt Ukrainy, Gruzii, Moldovy : analiticheskij obzor / Centr issledovaniya pravovoj politiki (LPRC); Centr politiko-pravovyh reform (CPLR). Almaty, 2022. 47 s.
5. *Rustemova G. R., Prihod'ko I. S.* Opyt Kazahstana po sozdaniyu servisnoj policii // Vestnik of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (42). S. 22–23.
6. *Ackroyd S.* A case of arrested development? Some consequences of inadequate management in the British police // International Journal of Public Sector Management. 1993. № 6 (2). Pp. 5–16.
7. *Banton M.* The policeman in the community. London, 1964.
8. *Bradford B., Jackson J., Stanko E.A.* Contact and confidence: Revisiting the impact of public encounters with the police // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. 2009. № 19 (1). Pp. 20–46.
9. *Goldstein H.* Improving policing: A problem-oriented approach // Crime and Delinquency. 1979. № 25 (2). Pp. 238–258.
10. *Goldstein H.* Toward community-oriented policing: Potential, basic requirements, and threshold questions // Crime and Delinquency. 1987. № 33 (6). Pp. 6–30.

10. *Goldstein H.* Toward community-oriented policing: Potential, basic requirements, and threshold questions // *Crime and Delinquency*. 1987. № 33 (6). Pp. 6–30.
11. *Frank J., Smith B. W., Novak K. J.* Exploring the basis of citizens' attitudes toward the police // *Police Quarterly*. 2005. № 8 (2). Pp. 206–228.
12. *Jackson J., Sunshine J.* Public confidence in policing. A neo-Durkheimian perspective // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47 (2). Pp. 214–233.
13. *Holmberg L.* Scandinavian police reforms: Can you have your cake and eat it, too? // *Police Practice and Research*. 2014. № 15 (6). Pp. 447–460.
14. *Hood C.* A public management for all seasons? // *Public Administration*, 1991. № 69 (1). Pp. 3–19.
15. *Kirby S.* Effective policing? Implementation in theory and practice. Basingstoke, 2013.
16. *Loveday B.* Ducking and diving – Formulating a policy for police and criminal justice in the 1990s. // *Public Money & Management*. 1994. № 14 (3). Pp. 25–30.
17. *Mawby R. C.* Policing images. Policing, communication and legitimacy. Cullompton, 2002.
18. *McCluskey J. D.* Police requests for compliance: Coercive and procedurally just tactics. New York, 2003.
19. *Oliver W. M., Bartgis E.* Community policing: A conceptual framework // *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 1998. № 21 (3). Pp. 490–509.
20. *Pollitt C., Bouckaert G.* Public management reform. A comparative perspective. Oxford, 2000.
21. *Reiner R.* The politics of the police (4th ed.). Oxford, 2010.
22. *Schaap D.* The police, the public, and the pursuit of trust. A cross-national, dynamic study of trust in the police trust-building strategies. Eleven International Publishing, 2018.
23. *Terpstra J.* Community policing in practice: Ambitions and realization // *Policing. A Journal of Policy and Practice*. 2010. № 4 (1). Pp. 64–72.
24. *Tyler T. R., Huo Y. J.* Trust in the law. Encouraging public cooperation with the police and courts. New York, 2002.
25. *Tyler T. R.* What is procedural justice? Criteria used by citizens to assess the fairness of legal procedures // *Law and Society Review*. 1988. № 22 (1). Pp. 103–136.
11. *Frank J., Smith B. W., Novak K. J.* Exploring the basis of citizens' attitudes toward the police // *Police Quarterly*. 2005. № 8 (2). Pp. 206–228.
12. *Jackson J., Sunshine J.* Public confidence in policing. A neo-Durkheimian perspective // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47 (2). Pp. 214–233.
13. *Holmberg L.* Scandinavian police reforms: Can you have your cake and eat it, too? // *Police Practice and Research*. 2014. № 15 (6). Pp. 447–460.
14. *Hood C.* A public management for all seasons? // *Public Administration*, 1991. № 69 (1). Pp. 3–19.
15. *Kirby S.* Effective policing? Implementation in theory and practice. Basingstoke, 2013.
16. *Loveday B.* Ducking and diving – Formulating a policy for police and criminal justice in the 1990s. // *Public Money & Management*. 1994. № 14 (3). Pp. 25–30.
17. *Mawby R. C.* Policing images. Policing, communication and legitimacy. Cullompton, 2002.
18. *McCluskey J. D.* Police requests for compliance: Coercive and procedurally just tactics. New York, 2003.
19. *Oliver W. M., Bartgis E.* Community policing: A conceptual framework // *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 1998. № 21 (3). Pp. 490–509.
20. *Pollitt C., Bouckaert G.* Public management reform. A comparative perspective. Oxford, 2000.
21. *Reiner R.* The politics of the police (4th ed.). Oxford, 2010.
22. *Schaap D.* The police, the public, and the pursuit of trust. A cross-national, dynamic study of trust in the police trust-building strategies. Eleven International Publishing, 2018.
23. *Terpstra J.* Community policing in practice: Ambitions and realization // *Policing. A Journal of Policy and Practice*. 2010. № 4 (1). Pp. 64–72.
24. *Tyler T. R., Huo Y. J.* Trust in the law. Encouraging public cooperation with the police and courts. New York, 2002.
25. *Tyler T. R.* What is procedural justice? Criteria used by citizens to assess the fairness of legal procedures // *Law and Society Review*. 1988. № 22 (1). Pp. 103–136.

Для цитирования:

Редкоус Владимир Михайлович. Европейский опыт формирования взаимоотношения полиции и граждан и его учет в государствах – участниках СНГ // *Труды Академии управления МВД России*. 2025. № 1 (73). С. 76–84.

For citation:

Redkous Vladimir Mikhailovich. The European Experience of Forming the Relationship between Police and Citizens and Its Consideration in the CIS Member States // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. № 1 (73). P. 76–84.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Железова Людмила Юрьевна,
адъюнкт,
Нижегородская академия МВД России,
Российская Федерация, 603144,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3
E-mail: Zhelezova-2016@mail.ru

ORCID 0009-0007-6052-637X

Lyudmila Yuryevna Zhelezova,
Adjunct,
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 603144, Nizhny Novgorod,
Ankudinovskoye shosse, 3
E-mail: Zhelezova-2016@mail.ru

ORCID 0009-0007-6052-637X

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
УДК 340.1

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-85-94

Дата поступления статьи: 5 декабря 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Возможность использования математических моделей при конструировании законодателем меры юридической ответственности

The Possibility of Using Mathematical Models when Designing a Measure of Legal Responsibility by the Legislator

Аннотация

Актуальность: тема, связанная с возможным внедрением методов и результатов точных наук в процесс установления законодателем меры юридической ответственности, без сомнения, может быть признана актуальной, ввиду того что на сегодняшний день не существует единого и объективного алгоритма по установлению качественных и количественных характеристик меры и, как верно подметил один автор, осуществляется эта деятельность «на глазок», хотя ее результаты оказывают прямое влияние на права и свободы человека и гражданина.

Постановка проблемы: возможно ли путем использования каких-либо математических моделей рассчитать количественные характеристики устанавливаемой законодателем меры юридической ответственности?

Цель исследования: выявить и объяснить возможность расчета количественных характеристик меры юридической ответственности посредством формул, используемых в математике и экономике.

Abstract

Relevance: the topic related to the possible introduction of methods and results of exact sciences into the process of establishing a measure of legal responsibility by a legislator can undoubtedly be considered relevant, since today there is no single and objective algorithm for establishing qualitative and quantitative characteristics of a measure and, as one author correctly noted, this activity is carried out “on the basis of peephole”, although its results have a direct impact on human and civil rights and freedoms.

Problem statement: is it possible to calculate the quantitative characteristics of the measure of legal responsibility established by the legislator by using any mathematical models?

The purpose of the study: is to identify and explain the possibility of calculating the quantitative characteristics of a measure of legal responsibility using formulas used in mathematics and economics.

Research methods: the implementation of the set goal involved the use of general scientific (analysis, synthesis, comparison and other formal

Методы исследования: реализация поставленной цели предполагала использование общенаучных (анализа, синтеза, сравнения и других формально-логических методов) и частных научных методов (формально-юридического, сравнительно-правового). Особо хотелось бы выделить применение автором математических методов, а именно таких как теория вероятности и интегральный метод.

Результаты и ключевые выводы: на примере интегрального показателя демонстрируется возможность использования математических моделей при конструировании законодателем меры ответственности. Автором выделяется четыре блока факторов, способных оказывать влияние на меру юридической ответственности, после чего высчитывается удельный вес значимости каждого из блоков. В дальнейшем вычисляются всевозможные значения I (интегрального показателя). После этого на примере лишения свободы автором для каждого значения I определяется диапазон количественной характеристики меры. При этом автор убежден, что называть подобные расчеты, проведенные в рамках юриспруденции, сверхточными нельзя. Можно лишь констатировать возможность применения в юриспруденции ряда заимствованных из точных наук формул, посредством которых, к примеру, процесс установления законодателем количественных характеристик меры юридической ответственности становится более прозрачным и объективным.

Ключевые слова: мера юридической ответственности; качественные и количественные характеристики; математическая модель; функция; переменные; факторы; интегральный показатель; удельный вес; доля.

logical methods) and private scientific methods (formal legal, comparative legal). I would especially like to highlight the use of mathematical methods by the author, namely, such as probability theory and the integral method.

Results and key conclusions: using the example of an integral indicator, demonstrates the possibility of using mathematical models when designing a measure of responsibility by a legislator. The author identifies four blocks of factors that can influence the measure of legal responsibility, after which the specific weight of the significance of each of the blocks is calculated. In the future, all possible values of I (integral index) are calculated. After that, using the example of imprisonment, the author determines the range of quantitative characteristics of the measure for each value of I . At the same time, the author is convinced that it is impossible to call such calculations carried out within the framework of jurisprudence ultra-precise. One can only state the possibility of applying in jurisprudence a number of formulas borrowed from the exact sciences, through which, for example, the process of establishing quantitative characteristics of a measure of legal responsibility by a legislator becomes more transparent and objective.

Keywords: measure of legal responsibility; qualitative and quantitative characteristics; mathematical model; function; variables; factors; integral indicator; specific gravity; share.

Мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности, в соответствии с авторским подходом, сформулированным в результате ранее проводимых исследований [3, с. 117–122], определяется нами как система качественных (конкретные виды правовых последствий) и количественных (их размер и продолжительность) характеристик неблагоприятных последствий (наказания), которые необходимо претерпеть виновному в совершении противоправного деяния лицу, устанавливаемых и применяемых с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых правонарушений как виновным в совершении правонарушения, так и иными лицами.

Итак, за каждое противоправное деяние, в различных нормативных правовых актах законодателем при установлении меры негативной (ретроспективной) юридической ответственности определяются ее качественные и количественные характеристики. При этом вопросы о том, какие факторы ложатся в основу выбора законодателя и каким образом происходит их учет, остаются открытыми.

Указанные вопросы вызывают затруднение, поскольку сама процедура по установлению законодателем меры юридической ответственности ничем не регламентирована, ввиду чего можно предположить, что законодатель избирает меру ответственности за то или иное деяние исходя из своих личных убеждений и представлений о добре и зле. Но насколько это пра-

вильно? Когда говорим о процедуре установления меры ответственности, мы понимаем, что ее результаты во многом будут предрешать судьбу человека, виновного в совершении противоправного деяния, поскольку правоприменители при назначении конкретных неблагоприятных правовых последствий не вправе выходить за предоставленные им законодателем пределы усмотрения. Ввиду этого качественные и количественные характеристики меры юридической ответственности должны быть настолько тщательно продуманы, выверены и установлены, чтобы не возникало сомнений в их справедливости, объективности, эффективности и рациональности. Однако снова возникает вопрос относительно того, может ли законодатель дать объективную качественную и количественную оценку какому-либо юридически значимому явлению (деянию субъекта правонарушения) подобно математикам или физикам, измеряющим то или иное явление по формуле? Задаваясь сходным вопросом, С. Г. Ольков, убежденный в возможности сверхточных измерений в юриспруденции, отвечает на заданный вопрос уверенно положительно [7, с. 107–114]. Мы же, сохраняя некоторую долю скепсиса относительно точных математических измерений в юриспруденции, предполагаем, что применение математических моделей при конструировании законодателем меры юридической ответственности возможно, в этом, по нашему мнению, существует и необходимость, для того чтобы мы могли говорить об объективности и обоснованности устанавливаемых пределов усмотрения, однако на данный момент утверждать, что в юриспруденции возможны сверхточные измерения (даже в контексте отдельной меры юридической ответственности) преждевременно. На наш взгляд, безусловно, возможно и необходимо анализировать и выдвигать версии относительно того, посредством каких математических инструментов можно рассчитать меру юридической ответственности, от каких факторов будут зависеть эти расчеты и в каких единицах измерения можно учитывать эти факторы, но утверждать, что эти расчеты будут сверхточными явно нельзя как минимум из-за того, что весьма затруднительно говорить об исчерпывающем перечне факторов, которые влияют на меру юридической ответственности. При этом в случае если мы упускаем из внимания хотя бы один из факторов, способных оказать влияние на меру, тезис о том, что произведенный расчет является сверхточным, можно считать опровергнутым.

Таким образом, предполагаем, что меру юридической ответственности можно определить, как функцию, которая находится в прямой зависимости от целого ряда переменных, где каж-

дая переменная отражает фактор, влияющий на выбор законодателя.

Ввиду ранее изложенного целью настоящего исследования мы определяем выделение факторов, которые способны оказать влияние на меру юридической ответственности, с поиском ответа на вопрос о том, посредством каких математических моделей мы можем отразить влияние этих факторов на меру негативной (ретроспективной) юридической ответственности.

Все выявленные нами факторы мы предлагаем разделить на четыре блока:

I блок – характеристика объекта правонарушения – включает в себя следующие факторы:

1) приоритетность регулируемого правом общественного отношения, находящаяся в зависимости:

- от складывающейся политической ситуации;
- распространенности тех или иных противоправных деяний;
- эффективности ранее установленной меры юридической ответственности;
- социальной непереносимости правонарушения;

2) характеристику потерпевшей стороны, содержащую:

- физические признаки потерпевшего;
- пол и состояние его здоровья;
- возраст;
- социальные признаки потерпевшего;
- количество потерпевших;
- юридическую природу потерпевшей стороны.

II блок – характеристика объективной стороны – включает:

- 1) способ совершения правонарушения;
- 2) характер и размер вреда.

III блок – характеристика субъекта правонарушения – включает:

- 1) гражданство;
- 2) пол;
- 3) возраст (совершеннолетние, несовершеннолетние, а также достигшие определенного возраста, например 50 лет (для женщин) или 60/65 лет (для мужчин));
- 4) наличие детей до определенного возраста/беременность;
- 5) состояние здоровья;
- 6) наличие судимости или привлечение ранее к административному наказанию;
- 7) юридическую природу;
- 8) дополнительные полномочия или обязанности;
- 9) количество виновных лиц и их взаимосвязь между собой.

IV блок – характеристика субъективной стороны – включает:

- 1) форму вины;
- 2) мотивы противоправного посягательства;
- 3) цели противоправного посягательства.

В рамках указанных факторов предлагаем порассуждать на вопрос о том, каким образом можно учитывать их влияние на качественные и количественные характеристики меры.

Когда мы говорим о возможных математических расчетах меры юридической ответственности, то в этом случае касаемся количественных характеристик, поскольку математически рассчитать вид неблагоприятных последствий невозможно. При этом, как верно отмечал В. П. Кузьмин: «Анализ определенности меры и отношений меры всегда есть прежде всего качественный анализ, конкретизированный количественным анализом...» [4, с. 3]. Таким образом, в первую очередь всегда необходимо определиться с тем, размер или продолжительность какого неблагоприятного последствия мы будем рассчитывать.

Задаваясь вопросом, от чего зависит качественная характеристика меры юридической ответственности, мы склонны полагать, что ответ зависит прежде всего от того, какой вид неблагоприятных последствий позволит реализовать те цели, для достижения которых и существует институт юридической ответственности, а именно восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых правонарушений как виновным, так и иными лицами [8, с. 317–326]. Исходя из ранее названных целей можно предположить, что законодателью для установления конкретного вида неблагоприятного последствия необходимо определиться с ответами на следующие вопросы.

1. Какие права нарушаются в результате конкретного противоправного посягательства?

Ответ на указанный вопрос необходим, поскольку принцип равновозмездности в сознании большинства людей воспринимается как торжество справедливости [9, с. 157–162], то есть для того чтобы восстановить социальную справедливость, виновный должен претерпеть неблагоприятные последствия, максимально схожие с теми, которые выпали на долю потерпевшего. В некой степени это напоминает принцип талиона, однако, принимая во внимание значимую роль в современной правовой системе принципа гуманизма, реализовать это сегодня невозможно. На первоначальном этапе законодателью необходимо определить, какие конкретно права нарушаются тем или иным противоправным посягательством, с той целью, чтобы предусмотреть качественную характеристику меры, максимально приближенную к тем негативным последствиям, которые претерпевает в случае совершения рассматриваемого противоправного посягательства потерпевшая сторона.

2. Есть ли в законодательстве нормы, регулирующие аналогичные деяния? Если да, то какие

меры юридической ответственности предусмотрены за их совершение?

Один из критериев, которым должна соответствовать любая мера юридической ответственности, – это справедливость. В свою очередь, в рамках ранее проводимых исследований нами было установлено, что справедливость можно оценить посредством таких двух критериев, как соразмерность и согласованность. Отвечая на первый вопрос: какие права нарушаются в результате конкретного противоправного посягательства, мы, по сути, стремимся достигнуть такого критерия, как соразмерность, а что же касается двух упомянутых выше вопросов, то ответ на них будет способствовать достижению согласованности (сбалансированности) устанавливаемых мер ответственности. Проблема дисбаланса на сегодняшний день имеет место быть в законодательстве Российской Федерации, в частности, это касается случаев, когда за более серьезное преступление законодателем предусматривается более мягкая мера юридической ответственности. Кроме того, в ряде случаев проблема дисбаланса выходит за рамки одной отрасли права. Это происходит, к примеру, когда за административное правонарушение (которое по своему содержанию носит менее опасный характер) предусматривается мера ответственности более строгая, чем за преступление, и наоборот.

3. Какая мера будет наиболее эффективна?

Ответ на указанный вопрос необходим в связи с тем, чтобы еще на этапе законодательного закрепления той или иной меры проанализировать возможность достижения ей тех целей, для которых она и устанавливается. Так, например, большинство статей на сегодняшний день в качестве возможной меры называют те, которые напрямую связаны с изоляцией человека от общества, при этом, по нашему мнению, указанная мера является очень неоднозначной и в ряде случаев способна только усугубить ситуацию. Так, пребывание в местах лишения свободы приводит к разрыву социальных связей с обществом, что в дальнейшем затрудняет адаптацию к жизни вне тюрьмы. Более того, тюрьма часто становится местом, где осужденные подвергаются негативному влиянию со стороны других осужденных, ввиду этого вместо исправления они могут стать еще более опасными для общества.

4. Какая из качественных характеристик меры будет более рациональной?

В самом широком смысле слова под рациональностью следует понимать разумность и осмысленность чего-либо. Применяя указанный критерий к мере юридической ответственности, мы убеждены в необходимости установления таких мер, которые при условии достижения всех

поставленных перед ними целей не порождали бы излишних расходов как для государства, так и для иных лиц, участвующих в конкретных правоотношениях. Указанную проблему поднимал в одной из своих работ О. Н. Бибики, демонстрируя на примере применения к правонарушителю меры юридической ответственности, предусмотренной за кражу, к каким огромным транзакционным издержкам приводит применение к правонарушителю меры юридической ответственности в виде реального лишения свободы, доказывая, что при применении этой меры большинство субъектов несут серьезные убытки, а общество и потерпевший, в свою очередь, получают неясную выгоду [2, с. 91–98].

Когда определились с качественной характеристикой меры, неизбежно встает вопрос о продолжительности ее воздействия или о ее размере. А точнее, посредством каких математических моделей можно рассчитать количественные характеристики меры? Как ранее нами уже упоминалось, юридическую ответственность можно определить как функцию, которая находится в прямой зависимости от целого ряда переменных, где каждая переменная отражает фактор, влияющий на выбор законодателя.

С. Г. Ольков, говоря о возможности использования математических моделей при установлении судьями уголовной ответственности, также предполагал, что уголовную ответственность можно определить как функцию. При этом в качестве переменных, в зависимости от которых она находится, он называет такие факторы, как общественная опасность деяния (x) и общественная опасность личности, его совершившей (y) [6, с. 75–80]. В свою очередь, принимая во внимание тот факт, что функция может зависеть от бесконечного множества переменных, а мера юридической ответственности находится в зависимости от целого ряда факторов, которые, по нашему мнению, ограничиваясь лишь общественной опасностью и опасностью личности виновного, учитываются не в полной мере, мы убеждены в необходимости рассмотрения каждого из факторов в качестве отдельно взятых переменных, влияющих на меру юридической ответственности.

Таким образом, представляя меру юридической ответственности как функцию, можно определять ее следующим образом:

$$f(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

где

f – мера юридической ответственности, а $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ – факторы, влияющие на избираемую законодателем меру юридической ответственности. В ходе проведенного нами ранее исследования таковых факторов мы выделили 24, и на основе этого в дальнейшем будут производиться расчеты. При этом стоит отме-

тить, что с полной долей уверенности говорить о том, что это исчерпывающий перечень факторов, на данный момент нельзя, ввиду чего перечень этих факторов остается открытым.

При этом сама по себе функция представляет лишь возможную математическую форму выражения меры юридической ответственности, однако произвести по ней точные количественные расчеты невозможно.

Несмотря на это, если исходить из выделенных блоков факторов, существует возможность исчисления влияния каждого из блоков на меру юридической ответственности путем использования интегрального показателя, который весьма часто используется в экономике [1, с. 9–12; 5; 10] с целью получения результирующего показателя, учитывающего совокупное влияние отдельных как независимых, так и взаимосвязанных факторов. Рассмотрим, каким образом это можно использовать в контексте меры юридической ответственности.

В первую очередь для расчета интегрального показателя необходимо определиться с группой факторов (показателей), которые будут приниматься во внимание при его исчислении. Сразу стоит отметить, что даже в рамках экономической науки делается оговорка о субъективности выявляемых и принимаемых во внимание факторов (показателей), поскольку лишь в редких случаях можно с полной долей уверенности говорить о том, что удалось выявить абсолютно все показатели. В этих случаях экономисты изучают внушительное число научных работ в интересующей их области и, используя накопленный опыт, производят отбор показателей. Как отмечалось ранее, нами на основе изучения научных работ, действующих нормативных правовых актов, а также законопроектов и пояснительных записок к ним были выявлены 24 фактора, способных оказывать влияние на избираемую законодателем меру юридической ответственности. Все они были распределены в четыре уже указанных блока.

Далее необходимо определить удельный вес каждого из блоков. В рамках данной статьи мы будем исчислять его с учетом количества факторов, включаемых в каждый блок, то есть чем больше факторов входит в блок, тем больше и значимость этой группы факторов (блоков), а значит, она должна иметь и больший удельный вес (см. таблицу 1). Однако стоит оговориться, что вес факторов может существенно различаться вследствие их качественного значения. В экономической науке для того, чтобы определить удельный вес того или иного фактора, прибегают к экспертной оценке. Мы считаем, что в юриспруденции такой подход также можно использовать, ввиду чего была разработана анкета и на данный момент времени про-

Таблица 1

Удельный вес каждого блока факторов, влияющих на меру юридической ответственности

Группы факторов (блоки)	Количество факторов, входящих в каждый блок	Доли %	Удельный вес
Характеристика объекта правонарушения	4+6 = 10	41,7 %	0,417
Характеристика объективной стороны	2	8,3 %	0,083
Характеристика субъекта правонарушения	9	37,5 %	0,375
Характеристика субъективной стороны	3	12,5 %	0,125
Итого:	24	100 %	1

водится социологическое исследование среди группы экспертов с целью выявления значимости каждого из факторов, который может повлиять на устанавливаемую законодателем меру. При этом, пока результаты социологического исследования еще не получены, удельный вес каждого из блоков мы будем исчислять исходя из количества входящих в него факторов.

Таким образом, можно заключить, что преимущественное влияние на меру оказывает характеристика объекта правонарушения, далее характеристика субъекта правонарушения, характеристика субъективной и объективной сторон.

В дальнейшем для расчета интегрального (комплексного) показателя оценки влияния факторов на количественную характеристику меры юридической ответственности необходимо суммировать отобранные показатели с учетом удельного веса каждого.

$$I=0,417*k_1+0,083*k_2+0,375*k_3+0,125*k_4,$$

где

k_1 – показатель, отражающий важность в каждом конкретном случае факторов, входящих в первый блок – характеристика объекта правонарушения;

k_2 – показатель, отражающий важность в каждом конкретном случае факторов, входящих во второй блок – характеристика объективной стороны правонарушения;

k_3 – показатель, отражающий важность в каждом конкретном случае факторов, входящих в третий блок – характеристика субъекта правонарушения;

k_4 – показатель, отражающий важность в каждом конкретном случае факторов, входящих в четвертый блок – характеристика субъективной стороны правонарушения.

Также необходимо сказать, каким образом предлагается определять k .

I представляет собой интегральный показатель, который отражает, какое влияние совокупность факторов оказывает на меру. Вычисленные удельные веса отражают значение

каждого из блоков для устанавливаемой меры. В свою очередь $k_1 - k_4$ должны отразить факт значимости каждого отдельно взятого из блока фактора на меру, предполагаемую для конкретного правонарушения.

Таким образом, определять k должен сам законодатель. По нашей задумке, законодатель, имея в наличии перечень факторов, которые могут оказать влияние на меру ответственности, по каждому из них выставляет либо 0 (если, по его мнению, такой фактор не оказывает влияния на конкретное рассматриваемое правонарушение) и 1 (если указанный фактор значим для рассматриваемого правонарушения). После чего можно приступать к расчетам.

Таким образом, устанавливая меру юридической ответственности по ч.1 ст. 338 УК РФ, законодателю следует произвести следующие расчеты:

$$I=0,417*(1+1+1+1+0+0+0+0)+0,083*(0+0)+0,375*(0+0+0+0+0+0+0+1+0)+0,125*(1+0+1)=1,668+0+0,375+0,25=2,293.$$

Что же показывает найденный интегральный показатель, и каким образом его можно применить законодателю?

По нашему мнению, необходимо рассчитать интегральный показатель по каждой из возможных вариаций предложенных факторов, после чего составить шкалу, определяющую для каждого из возможных размеров интегрального показателя свой диапазон количественных характеристик меры, исходя из минимального и максимального пределов наказания, установленных законодателем в общей части. Исходя из заданных значений, при которых:

$$I=0,417*k_1+0,083*k_2+0,375*k_3+0,125*k_4,$$

где

k_1 может принимать значения от 0 до 10,

k_2 может принимать значения от 0 до 2,

k_3 может принимать значения от 0 до 5 (5, поскольку пол, возраст, наличие детей до определенного возраста/беременность, состояние здоровья напрямую не учитываются законода-

Таблица 2

**Пример законодательной деятельности по оценке каждого из деяний,
необходимой для установления меры юридической ответственности
(на примере такого противоправного деяния, как дезертирство,
совершенное без каких-либо квалифицирующих признаков)**

Блоки	Факторы, которые могут оказать влияние на меру юридической ответственности	Оценка влияния каждого фактора на меру	Комментарий
I блок – характеристика объекта правонарушения	складывающаяся политическая ситуация	1	наличие указанного фактора объясняется проведением СВО
	распространенность правонарушений	1	исходя из статистических данных, мы можем констатировать факт роста числа указанных противоправных деяний
	отсутствие эффективности ранее установленной нормы	1	ранее установленными мерами не удавалось достичь целей уголовной ответственности (наказания)
	социальная непереносимость правонарушения	1	в современном мире, когда любовь к Родине и забота о ее благополучии становятся одними из важнейших ценностей, можно смело говорить о том, что все военные преступления являются социально непереносимыми
	пол и состояние здоровья потерпевшего	0	потерпевший отсутствует
	возраст	0	потерпевший отсутствует
	социальные признаки потерпевшего	0	потерпевший отсутствует
	количество потерпевших	0	потерпевший отсутствует
	юридическая природа потерпевшей стороны	0	потерпевший отсутствует
II блок – характеристика объективной стороны	способ совершения правонарушения	0	не имеет значения
	характер и размер вреда	0	не имеет значения
III блок – характеристика субъекта правонарушения	гражданство	0	не имеет значения
	пол	0	влияет лишь на качественную характеристику меры
	возраст	0	влияет лишь на качественную характеристику меры
	наличие детей до определенного возраста/беременность	0	во-первых, влияет лишь на качественную характеристику меры, во-вторых, является тем фактором, который во всех случаях должен смягчить меру
	состояние здоровья	0	во-первых, влияет лишь на качественную характеристику меры, во-вторых, является тем фактором, который во всех случаях должен смягчить меру
	наличие судимости или привлечение ранее к административному наказанию	0	не имеет значения
	юридическая природа	0	только физическое лицо
	дополнительные полномочия или обязанности	1	специальный субъект – военнослужащий
	количество виновных лиц и их взаимосвязь между собой	0	не имеет значения
IV блок – характеристика субъективной стороны	форма вины	1	только умышленная
	мотивы	0	не имеют значения
	цели	1	уклонение от прохождения военной службы

k1	k2	k3	k4	I	k1	k2	k3	k4	I
0	0	0	0	0	10	2	3	2	5.711
0	0	0	1	0.125	10	2	3	3	5.836
0	0	0	2	0.25	10	2	4	0	5.836
0	0	0	3	0.375	10	2	4	1	5.961
0	0	1	0	0.375	10	2	4	2	6.086
0	0	1	1	0.5	10	2	4	3	6.211
0	0	1	2	0.625	10	2	5	0	6.211
0	0	1	3	0.75	10	2	5	1	6.336
0	0	2	0	0.75	10	2	5	2	6.461
0	0	2	1	0.875	10	2	5	3	6.586

Рис. 1. Составные части таблицы по расчету всех возможных значений I

телем при установлении количественных характеристик меры; законодатель лишь оговаривает, какие качественные характеристики меры нельзя применять к указанным группам лиц, а при установлении количественных характеристик меры непосредственно принимает во внимание эти факторы не законодатель, а правоприменители),

k_4 может принимать значения от 0 до 3.

С помощью компьютерной программы нами были рассмотрены все возможные вариации, которые могут принимать k_1, k_2, k_3, k_4 , и для каждой из них рассчитаны значения I. Поскольку таблица с этими расчетами состоит более чем из трехсот возможных вариаций, отразим в данной статье лишь ее начало и конец (см. рисунок 1). Как мы видим, при заданных факторах I может принимать значение от 0 до 6,586.

В дальнейшем полученные значения мы предлагаем поделить на несколько диапазонов:

от 0 до 0,999; от 1 до 1,999; от 2 до 2,999; от 3 до 3,999; от 4 до 4,999; от 5 до 5,999; от 6 до 6,586.

После чего для каждого из выделенных диапазонов возможного значения I необходимо соотнести возможные диапазоны меры ответственности, взяв за начальное и конечное значение те количественные характеристики, которые установлены в общей части.

Рассмотрим, как это будет выглядеть на примере лишения свободы, где количественные характеристики по Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации принимают значение от 2 месяцев до 20 лет.

Всего получилось 7 групп, которые должны отразить промежутки от 2 месяцев до 20 лет (240 месяцев), то есть каждая из групп должна охватывать промежуток примерно в 34 месяца (240/7) (см. таблицу 3).

Таблица 3

Соотношение значений I с количественными характеристиками лишения свободы

Значение I	Диапазон количественной характеристики меры
от 0 до 0,999	от 2 месяцев до 30 месяцев (2,5 года)
от 1 до 1,999	от 31 месяца (2,6 года) до 65 месяцев (5,4 года)
от 2 до 2,999	от 66 месяцев ($\approx$ 5,5 года) до 100 месяцев (8,3 года)
от 3 до 3,999	от 101 месяца (8,4 года) до 135 месяцев (11,3 года)
от 4 до 4,999	от 136 месяцев (11,3 года) до 170 месяцев (14,2 года)
от 5 до 5,999	от 171 месяца (14,3 года) до 205 месяцев (17,1 года)
от 6 до 6,586	от 206 месяцев (17,2 года) до 240 месяцев (20 лет)

Таким образом, на примере интегрального показателя нами была продемонстрирована возможность использования математических моделей при конструировании законодателем меры юридической ответственности. При этом мы все же убеждены в том, что назвать как проведенные нами расчеты, так и расчеты иных ученых в юриспруденции сверхточными нельзя. Можно лишь констатировать возможность применения в юриспруденции ряда заимствованных из точных наук формул, посредством которых, к примеру, процесс установления законодателем количественных характеристик меры юридической ответственности становится более прозрачным и объективным.

Что касается расчетов, произведенных в рамках данной работы, стоит отметить, что

они могут быть подвергнуты изменению как минимум в случае установления новых факторов, которые также оказывают влияние на меру. В свою очередь, в экономике в ходе расчета удельного веса тех или иных факторов нередко используют экспертное мнение путем проведения среди экспертов анкетирования. Мы склонны полагать, что сама по себе эта идея весьма разумна и в ходе дальнейших исследований, получив результаты проводимого сейчас среди группы экспертов социологического опроса, ранее проведенные расчеты будут усовершенствованы благодаря учету новых факторов, которые возможно остались нами не установлены, а также получению экспертной оценки значимости каждого из факторов.

Список литературы:

1. Анисимов Е. Г., Сауренко Т. Н. Интегральный показатель экономической эффективности инвестиционных проектов // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 5 (44). С. 9–12.
2. Бибик О. Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98.
3. Железова Л. Ю. К вопросу о соотношении понятия «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» со смежными категориями // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 117–122.
4. Кузьмин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966. 222 с.
5. Назарычев Д. В. Развитие транспортно-логистического потенциала автомобильного комплекса с учетом межрегиональной экономической дифференциации : дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2015.
6. Ольков С. Г. Кубическая математическая модель уголовной ответственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1(39). С. 75–80.
7. Ольков С. Г. Сверхточные математические модели юридической ответственности // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 107–114.
8. Толстик В. А. Цели и принципы юридической ответственности (наказания): проблемы согласования // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зару-

References:

1. Anisimov E. G., Saurenko T. N. Integral'nyy pokazatel' ekonomicheskoy effektivnosti investitsionnykh proektov // Industry: Economics, Management, Technology: the concept. 2012. № 5 (44). S. 9–12.
2. Bibik O. N. Primenenie teorii racional'nogo vybora v ugovolnom prave i kriminologii (na primere teoremy Kouza) // Juridical Journal of Samara University. 2016. T. 2. № 1. S. 91–98.
3. Zhelezova L. Yu. K voprosu o sootnoshenii ponyatiya «mera negativnoj (retrospektivnoj) yuridicheskoy otvetstvennosti» so smezhnymi kategoriyami // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (66). S. 117–122.
4. Kuz'min V. P. Kategoriya меры v marksistskoy dialektike. M., 1966. 222 s.
5. Nazarychev D. V. Razvitie transportno-logisticheskogo potentsiala avtomobil'nogo kompleksa s uchetom mezhhregional'noj ekonomicheskoy differenciacii : dis. ... kand. ekon. nauk. Nizhny Novgorod, 2015.
6. Ol'kov S. G. Kubicheskaya matematicheskaya model' ugovolnoj otvetstvennosti // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2020. T. 11. № 1(39). S. 75–80.
7. Ol'kov S. G. Sverhtochnye matematicheskie modeli yuridicheskoy otvetstvennosti // The Review of Economy, the Law and Sociology. 2007. № 1. S. 107–114.
8. Tolstik V. A. Celi i principy yuridicheskoy otvetstvennosti (nakazaniya): problemy soglasovaniya // Prava cheloveka i podgotovka specialistov dlya pravoohranitel'nyh organov v kontekste realizacii ugovolnoj i ugovolno-ispolnitel'noj politiki gosudarstva: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2013. S. 317–326.

- бежный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф. 2013. С. 317–326.
9. Федотов А. Г., Никитина Э. В. Место и роль принципа талиона в отечественной уголовно-правовой доктрине // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 157–162.
  10. Чалиев А. А. Совершенствование методологии оценки финансово-экономического потенциала жилищно-коммунальных предприятий : дис. ... канд. экон. наук. Нижний Новгород, 2007.
9. Fedotov A. G., Nikitina E. V. Mesto i rol' principa taliona v otechestvennoj ugovovno-pravovoj doktrine // Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2020. № 1 (39). S. 157–162.
  10. Chaliev A. A. Sovershenstvovanie metodologii ocenki finansovo-ekonomicheskogo potentsiala zhilishchno-kommunal'nyh predpriyatij : dis. ... kand. ekon. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007.

Для цитирования:

Железова Людмила Юрьевна. Возможность использования математических моделей при конструировании законодателем меры юридической ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 85–94.

For citation:

Zhelezova Lyudmila Yuryevna. The Possibility of Using Mathematical Models when Designing a Measure of Legal Responsibility by the Legislator // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 85–94.

Малик Дмитрий Валерьевич,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: malik.ufa@mail.ru

Dmitry Valeryevich Malik,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Staff),
Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: malik.ufa@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

ORCID 0009-0007-7516-9002

ORCID 0009-0007-7516-9002

УДК 340

DOI 10.24412/2072-9391-2025-173-95-101

Дата поступления статьи: 5 декабря 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 марта 2025 г.

Феномен «почет» в отечественном праве: содержательные и юридико-лингвистические аспекты

The Phenomenon of «Honor» in Russian Law: Substantive and Legal-Linguistic Aspects

Аннотация

Актуальность теоретико-правового исследования феномена «почет» предопределяется востребованностью обращения к такой многогранной правовой проблематике, как использование в юридической доктрине и правоприменительной практике нравственно-этических категорий. Наличие в содержании правоотношений моральных, ценностных оснований, имеющих отвлеченную характеристику, оценочный компонент, дополняет формально-юридические ориентиры правового регулирования общечеловеческой сущностью. Это придает всей правовой системе гуманный характер, юридическим нормам и актам их интерпретации свойство справедливости, целесообразности, разумности.

Постановка проблемы: трансформация общественных отношений, усиление негативного влияния на традиционные для нашего Отечества духовные ценности подталкивают ученое сообщество правоведов и практиков государственного строительства к поискам дополнительных механизмов и средств наполнения содержания правового регулирования нравственно-этическими компонентами. Постулируется, что одним из направлений поощрительной

Abstract

The relevance of the theoretical and legal study of the phenomenon of “honor” is determined by the relevance of addressing such multifaceted legal issues as the use of moral and ethical categories in legal doctrine and law enforcement practice. The presence of moral and value bases in the content of legal relations, which have an abstract characteristic, an evaluative component, complements the formal legal guidelines of legal regulation with a universal essence. This gives the entire legal system a humane character, and the legal norms and acts of their interpretation have the properties of justice, expediency, and reasonableness.

Problem statement: the transformation of public relations and the increasing negative impact on the spiritual values traditional for our Fatherland are pushing the academic community of jurists and practitioners of state building to search for additional mechanisms and means of filling the content of legal regulation with moral and ethical components. It is postulated that one of the directions of encouraging and stimulating legal policy today is the social recognition of public merits and their subsequent formal legal mediation in legal norms. It is argued that one of the manifestations of formal legal recognition of a respectful attitude for a

и стимулирующей правовой политики сегодня выступают социальное признание общественных заслуг и их последующее формально-юридическое опосредование в юридических нормах. Аргументируется, что одним из проявлений формально-юридического признания за субъектом уважительного отношения, основанного на высокой оценке его достоинства, выступает легитимация почетного правового статуса.

Цель исследования: установить особенности и закономерности использования в правовой доктрине, нормативных, интерпретационных и правоприменительных актах юридино-лингвистической лексемы «почет»; выявить формы проявления заслуженного поведения субъектов, дающие основания для включения характеристики «почетный» в конструкцию правового статуса субъекта; аргументировать формально-юридические и нравственно-этические предпосылки и основания приобретения почетного правового статуса, предполагающего дополнительные субъективные права, правовые преимущества, возможность облегчения либо уклонения от юридических обязанностей и ответственности.

Методы исследования: совокупность общенаучных методов исследования; частнонаучные подходы описания и интерпретации юридических текстов; теоретические методы формальной и диалектической логики.

Результаты и ключевые выводы: доказывається, что феномен «почет» представляет собой оценочную характеристику правового и социального положения субъекта общественных отношений, наполняемую нравственно-этическими, культурологическими, формально-юридическими, воинскими и иными основаниями. С опорой на юридическую доктрину, нормативные правовые акты, правоприменительную практику аргументируется, что почет с формально-юридической стороны выступает как инструмент последующей дифференциации правового положения личности. Делается вывод, что наделение конкретного субъекта почетным правовым статусом обеспечивает корректировку основных структурных элементов (прав и обязанностей), которые приобретают соответствующую почетную характеристику, а также наполнение правового положения соответствующими дополнительными элементами, в частности правовыми преимуществами.

Ключевые слова: почет; правовой статус; права; обязанности; юридическая ответственность; правовые преимущества.

subject based on a high assessment of his dignity is the legitimization of an honorary legal status.

The purpose of the study: to establish the features and patterns of the use of the legal and linguistic lexeme “honor” in legal doctrine, normative, interpretative and law enforcement acts; to identify the forms of manifestation of the meritorious behavior of subjects, giving grounds for the inclusion of the characteristic “honorable” in the construction of the legal status of the subject.; to argue the formal legal, moral and ethical prerequisites and grounds for acquiring honorary legal status, which presuppose additional subjective rights, legal advantages, the possibility of facilitating or avoiding legal duties and responsibilities.

Research methods: a set of general scientific research methods; private scientific approaches to the description and interpretation of legal texts; theoretical methods of formal and dialectical logic.

Results and key conclusions: it is proved that the phenomenon of “honor” is an evaluative characteristic of the legal and social status of a subject of public relations, filled with moral, ethical, cultural, formal legal, military and other grounds. Based on legal doctrine, regulatory legal acts, and law enforcement practice, it is argued that honor from the formal legal side acts as a tool for subsequent differentiation of the legal status of an individual. It is concluded that granting a specific entity an honorary legal status ensures the adjustment of the main structural elements (rights and obligations), which acquire an appropriate honorary characteristic, as well as filling the legal position with appropriate additional elements, in particular legal advantages.

Keywords: honor; legal status; rights; duties; legal responsibility; legal advantages.

Сегодня словосочетания с юридико-лингвистической лексемой «почет» прочно вошли в социальный и правовой тезаурус. Средства массовой информации тиражируют сообщения о присвоении почетных званий гражданам¹, почетных наименований городам², почетных миссий публичным государственным деятелям³. В свою очередь, положения нормативных правовых актов, интерпретационные и правореализационные документы изобилуют упоминаниями о почетных правах, почетных обязанностях, почестях как элементах церемониала и пр.⁴

В своей совокупности субъективные возможности индивидов и меры должного поведения, осуществляемые в контурах почета, весьма успешно позиционируются как соответствующая полноценная, монолитная юридическая конструкция – правовой статус субъекта: «почетный консул», «почетный донор», «судья в почетной отставке». Это не говоря о многочисленных званиях и регалиях с приставкой «почетный»: «почетный врач»⁵, «почетный железнодорожник»⁶, «почетный сотрудник МВД»⁷ и др. По всей видимости, сложно найти профессию или род деятельности, для которых было бы не характерно выделение среди соответствующих специалистов той категории, ко-

торая будет именоваться обозначенным образом либо схожим по своей сути.

Между тем доктринальное толкование термина «почет», не говоря о производных от него словосочетаниях «почетные права», «почетные обязанности», «почетный статус» и др., практически не встречается в справочной литературе [12; 14; 16]. В рамках поощрительной и стимулирующей деятельности соответствующих органов государственной власти отсутствуют методические рекомендации по интерпретации терминологии, дающей основания для присвоения почетного звания. К примеру, тезаурус основных терминов и их определений, используемых в МВД России [11], не содержит упоминания ни об одной из всего многообразия семантических единиц (почет, заслуга, честь, уважение, поощрение и пр.), образующих впоследствии формально-юридическую оболочку звания «почетный сотрудник МВД».

Отсутствие выверенной интерпретационной правовой позиции субъектов правоприменения порождает соответствующие юридические ошибки, упущения, что негативным образом сказывается на процессе обеспечения прав и свобод граждан⁸, реализации поощрительной деятельности государства, наградной правовой политики. Имеют место лишь единичные работы в ракурсе данной тематики [6, с. 26–36; 7, с. 85–90], что явно не соответствует сложившимся потребностям. Следовательно, попытка доктринального осмысления феномена «почет», его вкрапления в складывающиеся общественные отношения, установление форм проявления выступают актуальным направлением теоретико-правовых исследований, востребованных практикой.

Феномен «почет» с позиции общезыковой и формально-юридической интерпретации

Как думается, общее представление исследователя о каком-либо юридическом феномене в первую очередь помогает сформировать справочная литература. Так, в одном из самых известных и авторитетных изданий по толкованию русскоязычных слов – словаре В. И. Даля – лексема «почет» интерпретируется исключительно в глагольной форме «почитать», что означает «считать, принимать, полагать, признавать» [3, с. 371]. Первые три варианта термина сводятся к согласию с каким-либо устоявшимся делом, вопросом, предполагают позиционирование какого-либо события в качестве состоявшегося,

¹ См.: В Башкирии учредят новое звание // RG.RU : офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2024/11/25/reg-pfo/v-bashkirii-uchrediat-novozvanie.html> (дата обращения: 25.11.2024).

² См.: Ростов официально станет Великим // RG.RU : офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2024/11/26/reg-rostov-oficialno-stanet-velikim.html> (дата обращения: 27.11.2024).

³ См.: Вручена награда «Соотечественник года» за сохранение русских традиций за рубежом // RG.RU : офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2024/11/21/reg-cfo/vruchena-nagrada-sootchestvennik-goda-za-sohraneniye-russkih-tradicij-za-rubezhom.html> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ См., например, Об общественных объединениях: Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ : в ред. от 8 августа 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4915; Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : Указ Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 : в ред. от 1 марта 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749; 2024. № 10. Ст. 1381 и др.

⁵ См.: О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаке отличия ордена Святого Георгия – Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия “За безупречную службу”, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации») : Указ Президента Рос. Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 : в ред. от 10 мая 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 37. Ст. 4643; 2024. № 20. Ст. 2589.

⁶ См.: Об утверждении Положения о единовременном вознаграждении работников структурных подразделений филиалов ОАО «РЖД» за обеспечение безопасности движения и вклад в культуру безопасности : распоряжение ОАО «РЖД» от 26 мая 2023 г. № 1293/р.

⁷ См.: О некоторых вопросах поощрения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 28 июля 2020 г. № 525 : в ред. от 29 мая 2023 г.

⁸ См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 15 ноября 2017 г. // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 10.

свершившегося факта. Например, популярной общеупотребительной фразой является «почитать за отца» в понимании признания близкого человека в статусе кровного родственника либо «почтить своим долгом» в значении восприятия обязанности в качестве личной, неотъемлемой (из литературной классики: «почитаю своим долгом уверить вас, что знаю свои обязанности и умею радеть» [13, с. 47]). Что касается последнего варианта толкования В. И. Далем слова «почитать» через глагол «признавать», здесь мы видим перспективы установления связи данной лексемы с феноменом «почет» в проекции к юридическим отношениям.

В частности, понимание слова «почитать» в значении «признавать», по нашему мнению, делает акцент на лучших качествах человека, для которого свойственно отношение окружающих к нему на основе уважения, путем его чествования, через утверждение, закрепление в сознании каких-либо личных достоинств. Подтверждением служит пример из исконного русского отношения к людям в возрасте – «почитай старших». Когда кто-то говорит: «Меня почтили приглашением», – это, как правило, означает, что данному человеку высказали уважение, произошло признание его высокого достоинства (по крайней мере, в данной социальной группе). Обиходное «мое почтение» равно по смыслу «мое вам уважение». Для иллюстрации сказанного, снова приведем пример из русской литературы: «Вы продаете коляску, мне нужно ее, вы богатый человек, вы миллионер, за это вас все уважают, и я потому пришел свидетельствовать вам мое почтение» [2, с. 84]. Подтверждением вышеобозначенному служит толкование слова «почесть», то есть «внешнее оказание уважения, по заслугам» [3, с. 372], или интерпретация прилагательного «почетный», означающего «пользующийся большим уважением» [4, с. 152].

Установив, что в обиходной речи, в литературных текстах «почитать» синонимизируется с «уважать», «признавать заслуги», «подтверждать достоинство», попробуем с опорой на имеющиеся фрагментарные справочные статьи в юридических источниках выстроить относительно полноценную картину о сущности феномена «почет» в праве и общественных отношениях, им регулируемых.

Так, юридический энциклопедический словарь под редакцией А. Я. Сухарева содержит статью о почетных званиях в СССР. Ее авторы полагают, что это «одна из форм наиболее высокого признания государством и обществом заслуг отличившихся граждан и коллективов» [15, с. 109]. Краткая, но достаточная емкая дефиниция позволяет обозначить как минимум два фундаментальных момента, в данном слу-

чае непосредственно проливающих свет на феномен «почет» в правовой плоскости:

– во-первых, ядром прилагательного «почетный» является признание за субъектом каких-либо заслуг, выделяющих его из общей массы участников общественных отношений, то есть дифференцирующих социальное и правовое положение, индивидуализирующих место субъекта в общественной иерархии;

– во-вторых, почетная характеристика может распространяться не только на индивидуальных субъектов (физических лиц), но и на лицо юридическое (коллективы людей, объединения граждан и пр.).

Попробуем внести ясность и по первому, и по второму тезису.

Авторы Большой юридической энциклопедии полагают, что заслуга – это «добросовестный правомерный поступок, связанный с исполнением субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата и выступающий основанием для применения поощрения» [1, с. 457]. Обозначенная точка зрения может быть уточнена по следующему основанию. Как думается, позиционирование заслуги в качестве результата какого-либо однократного действия, не совсем верно. Данный тезис вытекает как из общезыкового толкования термина, так и из формально-юридического понимания. Термин «заслуга» образован от однокоренных существительных «слуга», «служба», в глагольной форме «служить». Все они, а два последних в особенности, предполагают длящийся процесс, долгосрочное добросовестное выполнение предписываемых действий. Не случайно термин «служба» определяется через исполнение обязанностей (повседневных, воинских и пр.), добросовестный и длительный труд на благо чего-либо [4, с. 186]. Сложно себе представить службу, состоящую из однократного, пусть и положительного, поступка (действия).

Интересным является тот факт, что с точки зрения идеологии государства некоторые виды службы априори позиционируются как почетные, вне зависимости от их результата. К примеру, ст. 63 Конституции СССР определяла, что «военная служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР»⁹. Разумным здесь будет вопрос: почему несение воинской службы является почетным? Снова обнаруживая фигуру умолчания соответствующего законодательства по этому вопросу¹⁰, попробуем самостоятельно

⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. : утратила силу // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁰ См.: О всеобщей воинской обязанности : закон СССР от 1 сентября 1939 г. : утратил силу // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

осуществить толкование данного нормативного положения.

Полагаем, что позиционирование службы в армии в качестве почетной есть проявление воспитательной функции Советского государства. Закрепляя воинскую службу с такой оценочной характеристикой, аппарат власти с точки зрения реализуемой идеологии, во-первых, определяет в качестве приоритетных общенациональных задач защиту Отечества, обеспечение внутренней и внешней безопасности, тем самым устанавливая иерархию ценностей общества, ключевой из которых будет являться долг перед Родиной¹¹; во-вторых, мотивирует гражданское население (преимущественно мужское) на поступление на военную службу, в том числе через систему средств улучшения правового положения соответствующих субъектов (социальные льготы, жилищные привилегии и пр.)¹².

Сказанное позволяет заключить, что служба будет являться почетной не только в силу идеологического, нравственно-этического позиционирования ее в качестве таковой, но и в случае сопровождения процесса служения получением дополнительных прав, правовых преимуществ в форме льгот и привилегий [5, с. 102].

Относительно второго тезиса, заключающегося в позиционировании почета как характеристики коллективного поведения, укажем на следующее.

Правомерное поведение, исходя из устоявшихся теоретических, социологических концепций, может носить коллективные формы [10, с. 203–205]. Достижение трудовым коллективом производственных показателей, превышающих общепринятые или установленные стандартами (думается, что всем известно нарицательное слово «стахановцы», относимое к коллективам, использующим инновационные формы, позволяющие перевыполнять имеющиеся нормативы), или совершение геройского поступка воинским, партизанским или иным формированием. Так, историческим примером позиционирования коллективного поведения в качестве поощряемого почетным наименованием является наделение какого-либо воинского формирования (полка, части и др.) титулом «гвардейский». Гвардейские части традиционно занимали бо-

лее высокое положение в воинской иерархии Российской империи. Свидетельством тому, помимо прочего и хорошо показанного в исторической литературе, является тот факт, что гвардейский поручик по своему положению приравнивался к армейскому капитану [9, с. 219]. Следовательно, почетная характеристика коллективного поведения вызвана не единоличным актом, а совокупностью юридически и общественно значимых действий, не укладывающихся в повседневную, обиходную оценку со стороны окружающих.

Учитывая сказанное, можно сделать промежуточный вывод, что наиболее распространенным основанием характеристики поведения субъектов в качестве почетного выступает ярко выраженная социальная активность, инициатива, вовлеченность в происходящие события, сопровождаемая удовлетворением преимущественно не собственных, а общих интересов.

Почетный правовой статус как юридическая конструкция

Приведенные примеры объективации феномена «почет» в конкретных субъективных правах, возможностях и юридических обязанностях позволяют выдвинуть тезис о допустимости выделения в структуре правоотношений субъектов, обладающих полноценным почетным правовым статусом. Данная юридическая конструкция не становилась предметом самостоятельного теоретико-правового исследования, что дополнительно актуализирует предпринимаемую нами попытку.

Обратим внимание, что в исторической ретроспективе наличие почетных правовых статусов нередкое явление. К примеру, императрицей Екатериной II в 1785 г. было введено отдельное сословие «почетные граждане» [8, с. 23]. Изучение нормативных положений того времени позволяет установить, что данные лица обладали соответствующими элементами своего почетного правового статуса:

- почетными правами (им, например, разрешалось использовать для передвижения карету);
- почетными обязанностями (в качестве таковой вполне допустимо выделять вменение им императрицей должного попечения о дворах и садах в городе, популяризации промышленного производства путем содержания фабрик и пр.);
- правовыми преимуществами. Преимуществами, как указывается специалистами, есть юридическая категория, выражающаяся в наделении субъекта возможностями особого свойства, улучшающими правовое положение путем получения льгот, привилегий, иммунитетов [5, с. 38]. Почетные граждане времен Екатерины II обладали правовым иммунитетом от телесных наказаний, привилегиями на владение речными и морскими судами и пр.

¹¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Федерального закона «О ветеранах» в связи с запросом Казбековского районного суда Республики Дагестан: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2011 г. № 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 7012.

¹² См., например, О льготах военнослужащим, рабочим и служащим, находящимся в составе ограниченного контингента советских войск на территории Демократической Республики Афганистан, и их семьям: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17 января 1983 г. № 59-27 // Свод законов СССР. Т. 2. С. 754-6.

Оснований получения почетного гражданства было несколько:

– во-первых, многолетний добросовестный труд на благо общества и государства. К примеру, для купеческого сословия почетное гражданство становилось возможным при наличии не менее 12-летней службы купцом 1-й гильдии [9, с. 215];

– во-вторых, совершение героического поступка, выдающиеся достижения в чем-либо, особые заслуги.

Другим более поздним историческим примером выступает предоставление почетного статуса судьям. К примеру, в рамках судебной реформы конца XIX в. сложился полноценный институт почетных мировых судей («В мировом округе состоят также почетные мировые судьи»¹³), которым аналогично предоставлялись:

– почетные права: «почетные мировые судьи могут быть приглашаемы для пополнения присутствия окружного суда в случае недостатка членов оного» (ст. 48);

– вменялись почетные обязанности: «почетный мировой судья во время пребывания своего в мировом округе обязан производить суд и расправу по всем делам, подлежащим мировому разбирательству, в тех случаях, когда обе стороны обратятся к его посредничеству» (ст. 46);

– даровались правовые преимущества: «участковый мировой судья, отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания, получает название почетного участкового мирового судьи, сохраняя оно во все время заведования участком» (ст. 45).

Продемонстрированные исторические примеры и наличие современных форм объективации специального правового статуса в такую характеристику, как почетный, сопровождаемую трансформацией традиционных прав и юридических обязанностей, получением правовых преимуществ, актуализирует потребность полноценного теоретико-правового осмысления.

Обозначим ключевые положения, к которым мы пришли в ходе исследования:

– на сегодняшний день при просматриваемой популяризации и поощрении государством активного правового поведения индивидов и общественных коллективов, сопровождаемого выделением их особых заслуг, героических поступков и пр., стимулировании граждан на достижение трудовых показателей, превышающих общепринятые нормы, сложился явный дефицит научных монографических исследований как в области наградной и поощрительной политики в целом, так и изучения их категориального ряда, в частности общеправовых феноменов, имеющих нравственно-этический компонент: «почет», «честь», «заслуга», «достоинство» и пр.;

– почет представляет собой оценочную характеристику правового и социального положения субъекта общественных отношений, наполняемую нравственно-этическими, культурологическими, формально-юридическими, воинскими и иными основаниями. С формально-юридической стороны почет, будучи в первую очередь характеристикой поведения субъекта, выступает не только как его оценка с позиции глубины и качества правомерности, но и как инструмент последующей дифференциации правового положения личности;

– поведение индивидуального и (или) коллективного субъекта, которое впоследствии будет заложено в качестве основания получения почетного правового положения, как правило, характеризуется высокой степенью социальной активности, инициативы, направленностью на достижение социально значимого результата, не являющегося тривиальным, обыденным, повседневным;

– наделение конкретного субъекта почетным правовым статусом обеспечивает корректировку основных структурных элементов его юридической конструкции (прав и обязанностей), которые приобретают соответствующую почетную характеристику, а также наполнение правового положения дополнительными элементами, в частности правовыми преимуществами, ретроспективной юридической ответственностью (в понимании, синонимичном категории «моральный императив», «нравственный долг») и пр.

¹³ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. Раздел I «О мировых судьях и их съездах». П. 16 // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 34.

Список литературы:

1. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005. 688 с.
2. Герцен А. И. Былое и думы : в 2 т. Т. 2. Москва – Ленинград, 1931. 504 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М., 1955. 555 с.

References:

1. Bol'shaya yuridicheskaya enciklopediya. M., 2005. 688 s.
2. Gercen A. I. Byloe i dumy : v 2 t. T. 2. Moskva – Leningrad, 1931. 504 s.
3. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. T. 3. M., 1955. 555 s.

4. Краткий толковый словарь русского языка / И. Л. Городецкая, Т. Н. Поповцева, М. Н. Судоплатова [и др.]; под ред. В. В. Розановой. 6-е изд., испр. М., 1989. 255 с.
5. Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника. Барнаул, 2019. 164 с.
6. Репьев А. Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 26–36.
7. Репьев А. Г. Юридическая конструкция «честь сотрудника» как компонент специального правового статуса (на примере субъектов, проходящих службу в МВД России и ФСИН России) // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2 (12). С. 85–90.
8. Романович-Словатинский А. В. Дворянство в России. От начала XVIII века до отмены крепостного права. 2-е изд. (посмертное). Киев, 1912. 616 с.
9. Российская держава. Символы и награды / Б. Н. Баязин, А. А. Кузнецов, Н. А. Сивова [и др.]. М., 2010. 592 с.
10. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступит. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М., 2006. 618 с.
11. Тезаурус основных терминов и их определений, используемых в нормативных правовых актах МВД России (бюллетень правового информирования) / под ред. А. Г. Авдейко; сост. В. А. Толстик, Д. В. Орлов [и др.]. М., 2022. 124 с.
12. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1998. 526 с.
13. Тургенев И. С. Накануне : роман / послесл. Э. Бзякавичене. 2-е изд. Каунас, 1987. 157 с.
14. Юридический словарь / гл. ред. С. Н. Братусь, Н. Д. Казанцев [и др.]. М., 1953. 781 с.
15. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Миньковский и др. М., 1984. 415 с.
16. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. 816 с.
4. Kratkij tolkovyj slovar' russkogo yazyka / I. L. Gorodeckaya, T. N. Popovceva, M. N. Sudoplatova [i dr.]; pod red. V. V. Rozanovoj. 6-e izd., ispr. M., 1989. 255 s.
5. Rep'ev A. G. Kategorii «privilegiya» i «l'gota» v sisteme pravovyh preimushchestv: teoriya, praktika, tekhnika. Barnaul, 2019. 164 s.
6. Rep'ev A. G. Pochetnye prava i obyazannosti: doktrina, praktika, tekhnika // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (89). S. 26–36.
7. Rep'ev A. G. Yuridicheskaya konstrukciya «chest' sotrudnika» kak komponent special'nogo pravovogo statusa (na primere sub'ektov, prohodjashchih sluzhbu v MVD Rossii i FSIN Rossii) // Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees the FPS of Russia. 2022. № 2 (12). S. 85–90.
8. Romanovich-Slovatinskij A. V. Dvoryanstvo v Rossii. Ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava. 2-e izd. (posmertnoe). Kiev, 1912. 616 s.
9. Rossijskaya derzhava. Simvoly i nagrady / B. N. Balyazin, A. A. Kuznecov, N. A. Sivova [i dr.]. M., 2010. 592 s.
10. Sorokin P. A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sociologicheskij etjud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali / vstupid. st., sost. i primech. V. V. Sapova. M., 2006. 618 s.
11. Tezaurus osnovnyh terminov i ih opredelenij, ispol'zuemyh v normativnyh pravovyh aktah MVD Rossii (byulleten' pravovogo informirovaniya) / pod red. A. G. Avdejko; sost. V. A. Tolstik, D. V. Orlov [i dr.]. M., 2022. 124 s.
12. Tihomirova L. V., Tihomirov M. Yu. Yuridicheskaya enciklopediya / pod red. M. Yu. Tihomirova. M., 1998. 526 s.
13. Turgenev I. S. Nakanune : roman / poslesl. E. Byzakavichene. 2-e izd. Kaunas, 1987. 157 s.
14. Yuridicheskij slovar' / gl. red. S. N. Bratus', N. D. Kazancev [i dr.]. M., 1953. 781 s.
15. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. Ya. Suharev; red. kol.: M. M. Boguslavskij, M. I. Kozyr', G. M. Min'kovskij i dr. M., 1984. 415 s.
16. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / M. O. Buyanova [i dr.]; otv. red. M. N. Marchenko. M., 2006. 816 s.

Для цитирования:

Малик Дмитрий Валерьевич. Феномен «почет» в отечественном праве: содержательные и юридико-лингвистические аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73). С. 95–101.

For citation:

Malik Dmitry Valeryevich. The Phenomenon of «Honor» in Russian Law: Substantive and Legal-Linguistic Aspects // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 1 (73). P. 95–101.

